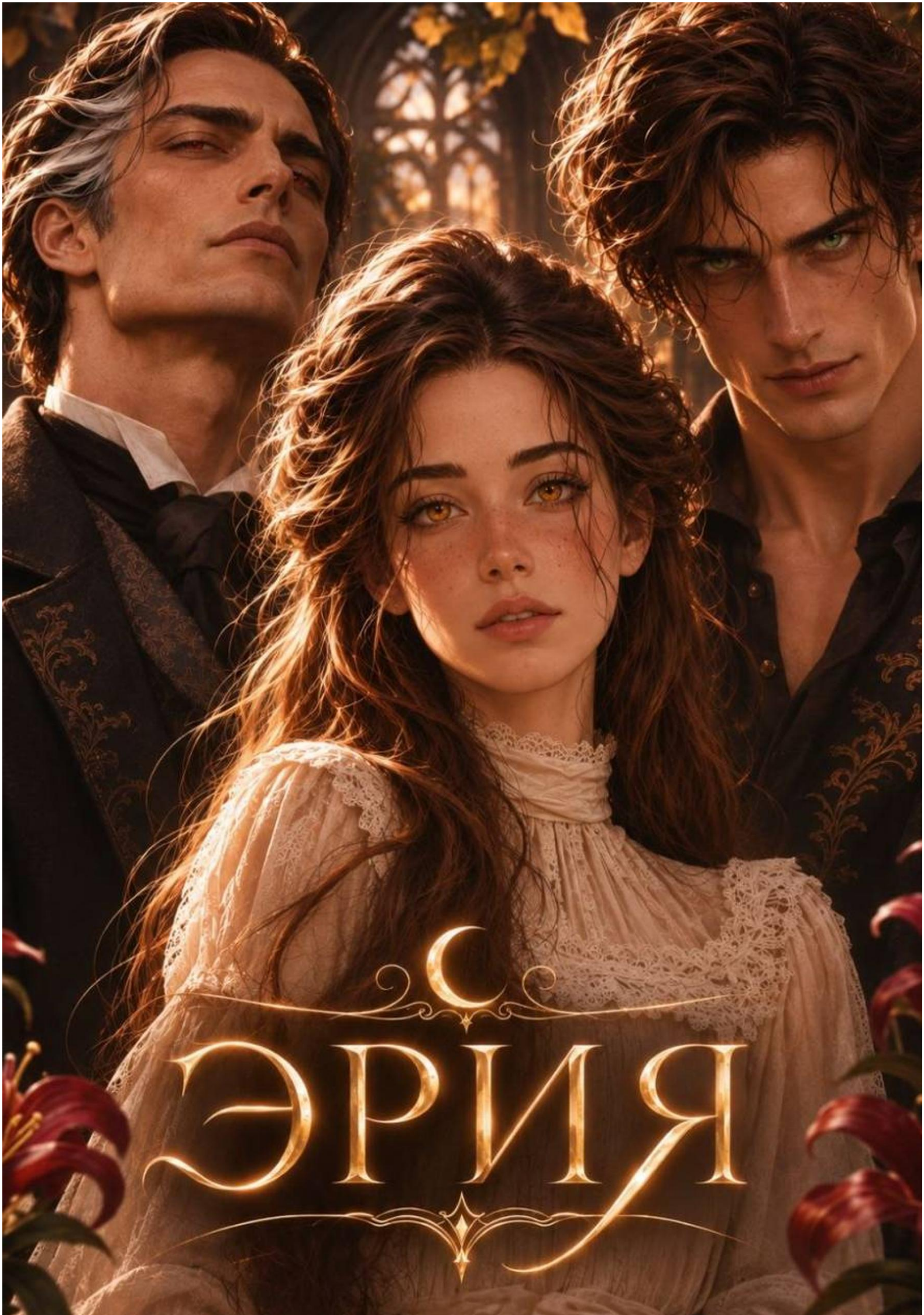

ЭРИЯ

Илона Райд

Эрия

«Автор»
2026

Райд И.

Эрия / И. Райд — «Автор», 2026

Эрия живёт в уединённом особняке столько, сколько себя помнит. Её мир ограничен старым домом, садом и невидимой границей среди деревьев. Она знает о внешнем мире всё, что можно узнать из книг, но никогда не видела его своими глазами.Эрия — необычный суккуб, обладающий чрезвычайно редким даром. Она способна поглощать чужие эмоции, даже страх, отчаяние и боль.С самого детства её готовят стать женой могущественного демона. Он намерен избавиться от чувств, которые сдерживают его силу, переложив их на Эрию. А она должна научиться выдерживать то, что не под силу никому другому.Впереди её ждёт замужество, жизнь за пределами знакомого мира и предназначение, о котором ей рассказывали с детства.Но действительно ли это её судьба?

© Райд И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом 5
Глава 2. За границей 39
Глава 3. Незнакомец 77
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Илона Райд
Эрия

Глава 1. Дом

В доме всегда было тепло.

Даже зимой, когда снег ложился на ветви елей такими тяжёлыми шапками, что те гнулись почти до земли, а стёкла покрывались тонкими узорами инея, по утрам Эрия просыпалась от приятного ощущения нагретых простыней и солнечного света, пробивающегося сквозь неплотно задёрнутые шторы. Гинта утверждала, что свежий воздух полезен для сна, и потому оставляла окно приоткрытым даже в холодные месяцы. Эрия с ней не спорила. Ей нравилось засыпать под тихий шелест листвы, чувствовать, как прохлада касается лица, пока всё остальное тело надёжно спрятано под пуховым одеялом.

В конце августа ночи становились длиннее. По утрам лес пах влажной землёй, а на садовых дорожках собиралась роса. К полудню солнце ещё припекало по-летнему, но к вечеру в воздухе уже появлялась едва уловимая осенняя горечь.

Эрия любила это время года.

Она вообще многое любила.

Любила просыпаться раньше, чем Гинта начинала возиться на кухне, и лежать с открытыми глазами, слушая, как постепенно оживает дом. Любила гладкие прохладные страницы новых книг, тяжесть толстых томов на коленях и тихий треск переплёта, когда впервые раскрываешь его посередине. Любила, как пахнет сад после дождя, как нагревается подоконник её спальни и как шелестит шёлк, если провести по нему ладонью против ворса.

Особенно она любила утро.

В тот день солнечный свет разбудил её раньше, чем ей хотелось.

Эрия недовольно поморщилась, перевернулась на живот и спрятала нос в подушку. Несколько мгновений лежала неподвижно, собираясь снова уснуть, но тело уже почувствовало близость утра и отказывалось подчиняться. Она вытянула руки вперёд, медленно прогнулась, наслаждаясь тем, как после сна расправляются мышцы спины, затем перекатилась на бок и посмотрела на часы.

Семь двадцать три.

Гинта наверняка уже встала.

На полу возле кровати лежала раскрытая книга. Накануне Эрия читала до тех пор, пока буквы не начали расплываться перед глазами, а потом уснула, так и не дотянувшись до закладки. Она подняла том, разгладила чуть загнувшуюся страницу и положила на прикроватный столик.

Книга рассказывала о европейских городах конца девятнадцатого века. Эрию особенно занимали описания вокзалов — огромных стеклянных сооружений, где одновременно находились сотни людей, и все куда-то спешили. Ей было трудно представить себе такое количество незнакомцев в одном месте. Ещё труднее — понять, как они не сталкивались друг с другом, не терялись и вообще ухитрялись находить нужный поезд.

Разумеется, она знала, как работают вокзалы. Знала устройство железнодорожного сообщения, читала о транспортных системах современных мегаполисов, видела фотографии и документальные фильмы.

Но одно дело — понимать устройство чего-либо, и совсем другое — представлять себя среди этого.

Эрия иногда пыталась.

Закрывала глаза и воображала огромный зал, шаги по мраморному полу, объявления из громкоговорителей, запах кофе, чужие голоса, движение людей с чемоданами. Ей нравилось придумывать, куда все они направляются. По делам, в отпуск, домой, к любимым, от любимых. Иногда она представляла, как какой-нибудь человек внезапно меняет решение, разворачивается посреди вокзала и покупает билет в совершенно другую сторону.

В книгах такое происходило постоянно.

Её удивляло, что подобные решения можно принимать так легко.

Она села на кровати и отбросила волосы за спину. Густые каштановые пряди за ночь спутались, и, пытаясь разделить их пальцами, Эрия случайно задела небольшую ранку у виска. Та отозвалась неприятным жжением.

— Ну вот, — пробормотала она.

Вчера Адель неудачно рассчитал силу одного из заклятий. Впрочем, он утверждал, что расчёт был совершенно верным, а Эрия просто слишком рано потеряла сосредоточенность.

Она не собиралась с ним спорить. Во всяком случае, сегодня.

Соскользнув с кровати, девушка подошла к окну.

За стеклом простирался сад — ухоженный, немного старомодный, с каменными дорожками, низкими кустами роз и двумя яблонями, посаженными по обе стороны от круглого фонтана. Вода в нём давно не работала: однажды Эрия уронила внутрь тяжёлый декоративный камень, после чего что-то сломалось, а Гинта объявила, что чинить бессмысленно. С тех пор фонтан служил огромной каменной чашей, в которой собирались дождевые капли и плавали опавшие листья.

За садом начинался лес.

Он подступал к дому со всех сторон, как море к небольшому острову. Эрия знала почти каждое дерево у опушки, могла с закрытыми глазами пройти по дорожке от веранды до старой скамьи под дубом и безошибочно определяла по запаху, когда после дождя начинали появляться грибы.

Но дальше определённого места она никогда не ходила.

Не потому, что ей запрещалось гулять в лесу как таковом.

Просто там заканчивалась территория дома.

Невидимое заклятие стояло между деревьями уже столько лет, сколько она помнила. Летом его можно было различить по лёгкому искажению воздуха, особенно в жаркий полдень, когда солнце прогревало землю. Зимой на границе иногда задерживались снежинки, повисая на мгновение в пустоте, прежде чем медленно сползти вниз.

В детстве Эрия любила наблюдать за этим. Садилась на корточки, подставляла ладони, пыталась протолкнуть сквозь преграду сухую ветку или камешек.

Теперь она редко обращала на неё внимание.

Граница была такой же частью дома, как стены, двери и крыша.

Из коридора донёсся стук каблуков.

— Эрия! — позвала Гинта. — Если ты ещё спишь, завтрак остынет!

— Я не сплю!

— Тогда у тебя ровно десять минут!

Эрия улыбнулась и отправилась умываться.

* * *

Гинта готовила прекрасно, хотя сама относилась к еде с удивительным равнодушием.

Она могла несколько часов провести над сложным пирогом, добиться безупречного цвета корочки, украсить поверхность засахаренными ягодами, а потом съесть два кусочка яблока и

объявить, что не голодна. Эрия подозревала, что готовка доставляет ей удовольствие прежде всего потому, что позволяет устанавливать правила.

Гинта любила правила.

В доме существовало определённое время для завтрака, обеда и ужина. Постель следовало заправлять до девяти, книги возвращать на полки после прочтения, грязную одежду оставлять в корзине, а не на полу. Гинта терпеть не могла открытые шкафы, недопитый чай и привычку Эрии устраиваться с ногами на обеденных стульях.

В последнем случае они спорили почти ежедневно.

— Ноги, — произнесла женщина, даже не повернув головы.

Эрия, только что удобно устроившаяся на широком деревянном стуле, вздохнула и опустила ступни на пол.

— Как ты узнала?

— Потому что ты делаешь это каждый раз.

— Я могла сегодня не делать.

— Но сделала.

Гинта поставила перед ней тарелку с омлетом, свежими помидорами и ломтиками мягкого сыра. Потом добавила тосты и маленькую розетку абрикосового джема.

— Ешь, пока горячее.

Эрия послушно взяла вилку.

Гинта была демоном, хотя по внешности догадаться об этом было невозможно. Высокая женщина с тёмно-русыми волосами, которые она всегда собирала в тугой узел, и спокойным, почти суровым лицом. На вид ей можно было дать лет сорок пять. Иногда, когда Гинта уставала или сердилась, её глаза на долю секунды приобретали странный металлический блеск, но в остальном она ничем не отличалась от обыкновенной женщины.

Если, конечно, не считать того, что Эрия ни разу не видела её заболевшей, постаревшей или по-настоящему испуганной.

— Ты закончила вчерашнюю книгу? — спросила Гинта, открывая кухонный шкаф.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Ещё несколько глав.

— Тогда закончи, прежде чем брать новую.

— Но я хотела начать другую.

— Разумеется.

— Там про океанографию.

— Очень увлекательно.

Эрия прищурилась.

— Ты даже не знаешь, что это.

— Я знаю, что это, Эрия. И знаю, что вчера ты собиралась читать о строительстве железных дорог, позавчера — о древних культах, а на прошлой неделе решила изучить историю парфюмерии.

— Я изучила.

— За два дня?

— Мне хватило.

Гинта посмотрела на неё поверх чашки.

— И что же ты узнала?

Эрия задумалась лишь на мгновение.

— Что самые дорогие духи иногда пахнут хуже самых дешёвых. И что раньше для фиксации аромата использовали довольно неприятные вещества. Ты знала, например, что…

— Нет, — поспешно сказала Гинта. — За завтраком не надо.

Эрия рассмеялась.

Ей нравилось доводить Гинту до этого особенного выражения лица — не вполне раздражённого, но достаточно близкого к нему. Иногда, когда они разговаривали вот так, женщина казалась почти обычной. Можно было представить, что они родственницы, живущие в большом загородном доме, и что главная проблема их совместного существования заключалась в разбросанных книгах.

Из этой приятной мысли её вывел вопрос:

— Как рука?

Эрия машинально посмотрела на предплечье.

На коже ещё оставались две тонкие красноватые полосы. Вчерашние повреждения почти зажили, хотя при определённом движении их неприятно тянуло.

— Хорошо.

— Покажи.

Она протянула руку через стол.

Гинта осторожно провела пальцами вдоль рубцов, проверила кожу и удовлетворённо кивнула.

— К обеду совсем затянется.

— Наверное.

— Сегодня Адель собирается работать с удержанием?

— Не знаю. Он вчера сказал, что посмотрит на результаты.

— Значит, с удержанием.

Эрия нахмурилась.

— Терпеть не могу, когда он так делает.

— Как?

— Сначала ничего не говорит, а потом оказывается, что всё уже решил.

Гинта отпустила её руку и вернулась к чайнику.

— Ты прекрасно знаешь, что программа зависит от твоего состояния.

— И всё равно он мог бы предупредить.

— Для чего?

Эрия открыла рот, но не сразу нашла ответ.

Действительно, для чего?

Она не могла отказаться от занятия, изменить его продолжительность или попросить заменить одно упражнение другим. Предупреждение не меняло бы ровным счётом ничего.

И всё же знать заранее было бы приятно.

— Просто так, — сказала она наконец.

Гинта ничего не ответила.

Эрия доела омлет, намазала тост джемом и потянулась к чашке.

— А можно мне в пятницу закончить раньше?

Гинта остановилась.

— Почему?

— Потому что у меня день рождения.

— Я помню.

— Значит, можно?

Женщина некоторое время молчала, словно обдумывала вопрос, хотя Эрия знала ответ ещё до того, как его услышала.

— Это нужно обсуждать с Аделем.

— Он скажет нет.

— Тогда, вероятно, нет.

Эрия отложила тост.

— Даже на один день?

— Эри, ты знаешь, насколько важен график. Сейчас особенно.

Сейчас особенно.

Эти слова в последнее время звучали всё чаще.

Гинта произносила их, когда Эрия просила сократить занятия. Адель — когда назначал дополнительные проверки. Иногда их употреблял и Варен, обычно с той мягкой терпеливостью, от которой становилось ещё труднее спорить.

Сейчас особенно.

Потому что скоро ей исполнится восемнадцать.

Потому что заканчивается подготовка.

Потому что всё должно измениться.

Эрия взяла чашку обеими руками и некоторое время смотрела, как над чаем поднимается пар.

— Хорошо, — сказала она.

Гинта ласково коснулась её плеча.

— Я испеку тебе что-нибудь вкусное.

Эрия кивнула, хотя Гинта прекрасно знала, что сладкое она и без того ест почти каждый день.

* * *

К одиннадцати часам солнце добралось до дальнего окна библиотеки.

Это была самая любимая комната Эрии — просторная, с потолком в два человеческих роста, высокими шкафами из тёмного дерева и узкой винтовой лестницей, ведущей к верхним полкам. На одной стене висела большая географическая карта, на другой — несколько картин в позолоченных рамах. Среди книг стояли бронзовые статуэтки, старинные часы, фарфоровые вазы и небольшая модель парусного корабля, которую Эрия однажды случайно уронила, после чего почти неделю собирала обратно.

Гинта предлагала отправить кораблик в ремонт, но Эрия отказалась.

Ей было приятно, что она сумела починить его сама.

Она устроилась в кресле возле окна, подогнув под себя одну ногу, и раскрыла книгу. Некоторое время читала о железнодорожных станциях Парижа, но затем отвлеклась на фотографию огромного вокзального зала, заполненного людьми.

Внизу снимка виднелась женщина в светлом пальто. Она шла среди толпы, придерживая одной рукой шляпу, а другой — небольшой чемодан. Лицо различить было невозможно, но Эрия почему-то долго смотрела именно на неё.

Интересно, куда она ехала?

Может быть, возвращалась домой после долгого путешествия. Или уезжала от мужа. Или впервые в жизни отправлялась к морю.

Эрия перевернула страницу, но почти сразу вернулась к фотографии.

Варен обещал, что после свадьбы она увидит города.

Много городов.

Он говорил о Париже, Риме, Вене, о старых европейских библиотеках и музеях, куда её смогут пускать даже после закрытия. Обещал показать коллекции, которые люди не выставляли публично, и картины, за которые платили немыслимые деньги. Он знал о её любви к книгам и однажды сказал, что в его доме найдётся место для любой библиотеки, какую она только пожелает собрать.

Эрия верила ему.

Варен никогда не обманывал её в подобных вещах. Если обещал привезти книгу, привозил. Если говорил, что летом в саду посадят белые розы, они действительно появлялись. Однажды Эрия захотела научиться играть на фортепиано, и спустя две недели в гостиной уже стоял прекрасный чёрный инструмент, а на пюпитре лежали ноты и несколько подробных учебников. Она училась самостоятельно, возвращаясь к сложным пассажам столько раз, сколько требовалось.

Сомневаться в обещаниях Варена было трудно.

И всё же, когда Эрия представляла своё будущее, ей никак не удавалось удержать внимание на Париже.

Она вспоминала другие его слова.

О долге. О браке. О редкости её дара.

О том, что некоторые существа рождаются для задач, которые не под силу остальным.

Варен рассказывал об этом спокойно, подробно и без обычной для Аделя раздражающей назидательности. Он умел объяснять сложное так, что даже самые неприятные вещи постепенно приобретали вид разумной необходимости.

Эрия знала: после заключения брака ей предстоит принимать в себя часть его страданий.

Не все сразу. Варен особо подчёркивал, что будет действовать осторожно и постепенно.

Он говорил, что её способность уникальна, что она может вынести то, что уничтожило бы любое другое существо, и что благодаря ей станет возможным нечто чрезвычайно важное.

В детстве Эрия гордилась такими словами.

Позднее они начали её пугать.

Она не до конца понимала, сколько именно боли накопил Варен за свою долгую жизнь. Иногда ей казалось, что она способна представить это, но затем вспоминала собственные испытания и понимала: нет, не способна.

Впрочем, её ведь готовили именно к этому.

Варен говорил, что однажды она станет значительно сильнее, чем сейчас. Возможно, сильнее всех представителей своего вида.

Эрия не сомневалась, что он в это верит.

Она лишь иногда задавалась вопросом, будет ли ей самой от этого лучше.

За дверью послышались шаги.

Девушка подняла глаза на часы.

Без семи двенадцать.

Она закрыла книгу и некоторое время держала её на коленях, не желая вставать. В библиотеке было так хорошо: солнечное пятно медленно ползло по ковру, в воздухе плавала золотистая пыль, а из сада через приоткрытую форточку доносился едва различимый запах роз.

Ещё семь минут.

Можно было бы прочитать две страницы.

Три, если не отвлекаться.

Но тогда пришлось бы торопиться по коридору, а Эрия терпеть не могла приходить запыхавшейся.

Она поставила книгу на столик, расправила платье и отправилась на занятия.

* * *

Комната испытаний находилась в восточном крыле, за дверью, которую никогда не оставляли открытой.

В отличие от библиотеки, гостиной и спален, она почти не менялась годами.

Светлые стены, высокий потолок, несколько узких окон под самой крышей. Вдоль одной стены стояли шкафы с инструментами, на другой находилась большая доска, исписанная фор-

мулами и символами. В центре комнаты располагалась длинная кушетка, покрытая гладкой серой тканью. Рядом — низкий столик, на котором всегда лежали чистые полотенца, сосуд с водой и маленькая серебряная чаша.

Когда Эрия была младше, она боялась входить сюда.

В первые годы её мутило от одного запаха комнаты: холодного металла, лекарственных составов и какого-то особенного, ни с чем не сравнимого магического следа, остававшегося после заклятий.

Со временем запах перестал вызывать тошноту.

Теперь она замечала его разве что после долгого перерыва.

Адель стоял возле стола, просматривая записи.

Он был высоким мужчиной с узким лицом, тёмными волосами и неизменно аккуратной одеждой. Чаще всего носил рубашки с закатанными рукавами и жилеты без единой складки. Эрия никогда не видела его взъерошенным, сонным или растерянным. Даже когда что-нибудь шло не так, Адель сохранял раздражающее спокойствие.

— Добрый день, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Ты опоздала.

Эрия посмотрела на настенные часы.

Одна минута первого.

— На одну минуту.

— Тем не менее.

— Я шла из библиотеки.

— Мне известно, где находится библиотека.

Она подавила улыбку.

Адель закрыл журнал.

— Как рука?

— Гинта уже проверяла. Всё хорошо.

— Я спрашиваю тебя.

— Всё хорошо, — повторила Эрия.

Он протянул руку. Девушка подошла и позволила осмотреть вчерашние повреждения.

Его пальцы были прохладными, движения точными. Он никогда не прикасался к ней грубо без необходимости, и иногда Эрию поражало, насколько бережно он мог осматривать ранку, которую сам же нанёс накануне.

— Восстановление быстрее расчётного, — заметил он.

— Значит, сегодня можно закончить раньше?

— Нет.

— Я так и думала.

Адель отпустил её руку и указал на стул возле кушетки.

— Садись. Начнём с контроля.

Эрия послушалась.

Это упражнение ей нравилось меньше всего не потому, что оно было самым болезненным, а потому, что требовало невероятного терпения.

Адель создавал перед ней маленькую светящуюся сферу, внутри которой удерживалась определённая эмоциональная энергия. Эрия должна была коснуться её своим даром, принять чувство, распознать его интенсивность и сохранить собственное эмоциональное состояние настолько устойчивым, насколько это возможно.

На словах всё звучало довольно просто.

В действительности чужое переживание никогда не оставалось чем-то отдельным и удобным для наблюдения.

Стоило Эрии принять его, как оно становилось её собственным.

Невозможно было чувствовать настоящий страх и одновременно совершенно спокойно рассуждать о том, что страх принадлежит кому-то другому. Невозможно было испытывать горе и не искать для него причины — даже если причины не существовало в твоей памяти.

Её дар не приносил воспоминаний. Не показывал чужих лиц, мест или событий.

Он приносил только чувство.

И приходилось жить с ним, пока оно не ослабевало.

Сегодня сфера была бледно-синей.

Эрия с подозрением посмотрела на неё.

— Что там?

— Тревога.

— Сильная?

— Это тебе предстоит определить.

Она вздохнула, устроилась поудобнее и протянула пальцы.

На мгновение ничего не произошло.

Затем что-то словно дрогнуло под кожей, и в груди возникло неприятное, смутное ощущение: будто она забыла о чём-то важном, допустила ошибку или опоздала туда, где её давно ждали.

Эрия нахмурилась.

Она попыталась вспомнить, не оставила ли открытым окно в спальне.

Потом — не забыла ли вернуть на полку книгу.

Мысли метались, подсовывая всё новые причины для беспокойства.

— Не ищи объяснений, — произнёс Адель.

Она вздрогнула.

— Я не ищу.

— Ищешь. Ты снова пытаешься придать чувству смысл. Сосредоточься на интенсивности.

Эрия закрыла глаза.

Внутри неё что-то напряжённо сжималось, не позволяя расслабиться. Хотелось встать, проверить двери, вернуться в спальню, убедиться, что всё находится на своих местах.

Она заставила себя сидеть неподвижно.

Тревога была не слишком сильной. Меньше, чем вчерашняя. Гораздо меньше, чем та, которую однажды пришлось удерживать почти неделю.

— Четыре, — сказала она.

— По какой шкале?

Эрия открыла один глаз.

— По твоей.

— Полностью.

— Четыре из десяти. Хотя, может быть, три с половиной.

Адель сделал запись.

— Три и восемь десятых.

— Значит, почти угадала.

— Мы не угадываем.

— Разумеется.

Он посмотрел на неё, но промолчал.

Эрия улыбнулась уголком рта.

Ей нравилось, когда удавалось добиться от него такой реакции. Впрочем, это случалось редко.

Следующие сорок минут она удерживала в себе чужую тревогу, пока Адель менял внешние условия упражнения. В какой-то момент воздух вокруг неё стал холодным. Потом в комнате раздался негромкий, но настойчивый звон, от которого хотелось зажать уши. Затем свет потускнел, и тени от мебели вытянулись по полу.

Тревога внутри неё не исчезала.

К концу занятия Эрия устала больше, чем ожидала.

Она знала, что со временем это чувство растворится. Возможно, к вечеру станет почти незаметным. Если повезёт, уже завтра она перестанет вспоминать о нём.

Некоторые переживания покидали её быстро.

Другие оставались на месяцы.

Было одно, которое прожило в ней несколько лет.

Эрия почти не помнила, когда впервые почувствовала тот ужас. В памяти сохранились лишь отдельные ощущения: чьи-то руки, крепко прижимавшие её к себе, запах мокрой шерсти, мужской голос, произносивший что-то негромко и совершенно спокойно. А затем страх — такой огромный, что маленькой Эрии казалось, будто он заполняет не только её тело, но и весь окружающий мир.

Первые годы в доме она боялась совершенно непонятных вещей.

Иногда — звука открывающейся двери.

Иногда — чужих шагов.

Иногда просыпалась посреди ночи с ощущением, что должна немедленно кого-то спрятать, убежать, закрыть собой, хотя в комнате никого не было.

Гинта говорила, что это последствия потрясения.

Адель объяснял, что поглощённые эмоции способны сохраняться дольше обычных.

Варен однажды сказал, что со временем всё пройдёт.

Он оказался прав.

Страх постепенно исчез.

Теперь, вспоминая те годы, Эрия ощущала лишь странную пустоту, словно когда-то в ней существовало нечто очень большое, а потом медленно растворилось, оставив после себя едва различимые очертания.

— Эрия.

Она подняла глаза.

Адель стоял перед ней.

— Ты опять отвлеклась.

— Немного.

— На что?

— На детство.

Он задержал на ней взгляд, затем что-то записал.

— Понятно. Переходим ко второй части.

Девушка посмотрела на часы.

Без двадцати час.

Впереди оставалось ещё больше трёх часов.

* * *

После короткого перерыва Адель попросил её снять украшения, закатать рукава и лечь на кушетку.

Эрия подчинилась без возражений.

Она давно усвоила, что разговоры на этом этапе только затягивают процедуру.

Адель проверил положение её рук, положил на запястье два пальца и произнёс короткую формулу. По коже пробежало едва ощутимое покалывание.

— Сегодня работаем с болевым воздействием и сохранением концентрации, — сообщил он. — Начнём с умеренного уровня.

— А потом?

— Посмотрим.

Она закрыла глаза.

Первое воздействие всегда казалось самым неприятным, хотя далеко не всегда было самым сильным.

Боль возникла внезапно, тонкой горячей линией на предплечье. Эрия невольно напряглась. На коже проступил неглубокий порез; через мгновение вдоль него выступила кровь.

Она знала, что Адель следит за её дыханием, частотой сердцебиения и магическим откликом. Знала, что после занятия он обработает рану и к следующему утру от неё, вероятно, почти ничего не останется.

Знала также, что это никак не уменьшает боль сейчас.

— Дыши ровнее, — произнёс он.

Она попыталась.

Когда неприятное ощущение немного притупилось, перед её внутренним взором появилась знакомая конструкция — несколько тонких светящихся линий, которые следовало удерживать неподвижными, несмотря на воздействие.

Эрия сосредоточилась.

Одна линия дрогнула.

Боль усилилась, будто по ране провели раскалённой нитью.

Она тихо втянула воздух сквозь зубы.

— Удерживай.

— Я пытаюсь.

— Не пытайся. Делай.

В другое время она непременно ответила бы что-нибудь язвительное.

Сейчас на это не хватило внимания.

Она собрала сознание вокруг светящихся линий. Постепенно их дрожание уменьшилось, движения стали ровнее. Боль по-прежнему присутствовала, но перестала занимать всё пространство её мыслей.

Так было почти всегда.

Сначала казалось, что выдержать невозможно.

Потом оказывалось, что возможно.

Адель называл это расширением пределов устойчивости.

Эрия предпочитала не давать названий.

Через некоторое время воздействие прекратилось. Она почувствовала, как прохладная салфетка коснулась руки.

— Хорошо, — произнёс Адель.

Эрия открыла глаза.

— Правда?

— Сегодня значительно лучше.

Похвала неожиданно обрадовала её.

Она даже приподнялась на локте, чтобы посмотреть, что он записывает, но Адель жестом велел оставаться на месте.

— Не двигайся.

— Я просто хотела узнать результат.

— Узнаешь после окончания.

— Ты мог бы хотя бы раз позволить мне посмотреть записи.

— Они для отчёта.

— Я знаю. Поэтому и хочу посмотреть.

— Эрия.

Она улеглась обратно.

За долгие годы девушка научилась отличать те моменты, когда Адель действительно сердится, от тех, когда просто считает разговор завершённым. Сейчас был второй случай.

Следующее упражнение оказалось труднее.

Болевое воздействие приходило волнами, причём каждый раз чуть иначе. Иногда оно напоминало сильный ушиб, иногда — резкий ожог, иногда будто сводило мышцы судорогой. Эрия должна была удерживать заданное магическое построение и одновременно принимать небольшие порции чужого страха.

От сочетания двух ощущений становилось особенно тяжело.

Тело требовало немедленно прекратить боль.

Чужое чувство убеждало, что впереди нечто ужасное.

И при этом она должна была сохранять спокойствие, хотя бы достаточное для того, чтобы конструкция не распалась.

К двум часам руки начали заметно дрожать.

Адель остановил упражнение и дал ей воды.

Эрия выпила почти весь стакан залпом, чувствуя, как прохладная жидкость скользит по пересохшему горлу.

— Можно сделать перерыв подольше? — спросила она.

— Десять минут.

— Двадцать.

— Десять.

— Пятнадцать.

Адель посмотрел на часы.

— Девять, если продолжишь торговаться.

Эрия сердито отвернулась.

Он придвинул к ней стул.

— Сегодня ты работаешь лучше обычного. Не трать силы на сопротивление там, где оно ничего не изменит.

Она некоторое время молчала, глядя на тонкую полоску света, лежавшую на полу.

— Адель?

— Да?

— Ты когда-нибудь проходил через подобное?

Он поднял глаза от журнала.

— Через что именно?

— Через испытания. Когда тебе причиняют боль, а ты должен что-нибудь удерживать.

Мужчина задумался.

— Да.

Эрия повернула голову.

— Правда?

— Разумеется.

— И как долго?

— Достаточно.

— А тебе тоже говорили не тратить силы на сопротивление?

Адель некоторое время смотрел на неё.

Затем закрыл журнал.

— Мне говорили гораздо менее приятные вещи.

Она попыталась представить его молодым. Или маленьким. Испуганным, сердитым, неспособным выполнить задание.

Представить не получилось.

Адель всегда казался ей взрослым.

Таким, каким был сейчас, и каким, вероятно, останется ещё очень долго.

— И ты поэтому такой? — спросила она.

— Какой?

— Невыносимый.

Он неожиданно усмехнулся.

Совсем слегка, едва заметно.

— Перерыв окончен.

Эрия застонала и откинула голову на кушетку.

* * *

К четырём часам у неё болело практически всё тело.

Не было ничего необычного в том, что последняя часть занятия давалась труднее первых. Иногда Адель снижал нагрузку, если видел, что она приближается к пределу, иногда, наоборот, заставлял продолжать ещё несколько минут, чтобы убедиться, насколько далеко этот предел можно отодвинуть.

Сегодня он остановился почти вовремя.

Эрия сидела на краю кушетки, опустив голову. Волосы прилипли к влажному лбу, пальцы подрагивали от усталости. На предплечье темнели несколько свежих порезов, под ключицей наливался синяк, а левое запястье неприятно саднило после последнего заклятия.

Ей очень хотелось лечь.

Лучше всего — в собственную постель, под мягкое одеяло, с открытым окном и книгой.

Но сначала нужно было закончить.

Адель подошёл с небольшим сосудом лекарственного состава.

— Дай руку.

Эрия протянула её.

Мазь оказалась прохладной. Мужчина осторожно обработал повреждения, затем приложил ладонь к её запястью. Под кожей разлилось знакомое тепло, постепенно снимающее напряжение с мышц.

— Сегодняшние показатели хорошие, — сказал он. — Особенно во второй половине.

— Замечательно.

— Ты слушаешь?

— Конечно.

— Тогда почему такой тон?

Эрия посмотрела на него.

— Потому что я устала.

Адель кивнул, словно получил вполне удовлетворительный ответ.

— К ужину восстановишься.

Она медленно поднялась.

Пол на мгновение качнулся под ногами. Пришлось ухватиться за край стола.

Адель не сделал попытки помочь, только наблюдал, пока она не выпрямилась самостоятельно.

— Через полчаса Гинта принесёт восстановительный состав, — сообщил он. — Выпьешь полностью.

— Он отвратительный.

— Я знаю.

— Нельзя сделать его вкуснее?

— Можно. Но это ничего не изменит.

— Изменит моё отношение к нему.

Адель снова открыл журнал.

— Свободна, Эрия.

Она вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

В коридоре было тихо.

Здесь всегда царила особая прохлада, даже летом. Свет проникал через узкие высокие окна и ложился на стены ровными прямоугольниками. Эрия некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к своему телу.

Боль постепенно отступала.

Оставалась усталость, глубокая и тягучая, словно её мышцы налили свинцом.

Она посмотрела на собственные руки.

Тонкие пальцы. Небольшие покраснения возле запястий. На левой ладони старая белёсая полоска, которая почему-то так и не исчезла после одного из давних упражнений.

Иногда ей казалось удивительным, что тело вообще способно столько переносить.

А потом она вспоминала, как быстро заживают раны, и переставала удивляться.

Она была суккубом. Её природа отличалась от человеческой, хотя внешне это почти не проявлялось.

Варен говорил, что у неё исключительно сильное восстановление.

Адель утверждал, что это результат многолетней подготовки.

Эрия не знала, кто из них прав.

Возможно, оба.

Спустившись в гостиную, она обнаружила Гинту у камина. Та разбирала свежие цветы, расставляя белые розы в большой фарфоровой вазе.

— Закончила? — спросила женщина, не оборачиваясь.

— Угу.

— Как прошло?

— Прекрасно. Могу порекомендовать.

Гинта посмотрела на неё.

— Значит, тяжело.

Эрия кивнула.

— Я приготовила тебе ванну. Только не слишком горячую, хорошо? В прошлый раз ты потом жаловалась, что кружится голова.

— Не буду.

— И не засыпай там.

— Гинта.

— Что?

— Ты могла бы просто сказать, что беспокоишься обо мне.

Женщина осторожно расправила листья розы.

— Я и беспокоюсь.

Эрия почувствовала неожиданный прилив нежности.

Она подошла ближе, обняла Гинту со спины и на мгновение прижалась щекой к её плечу.

Та замерла с ножницами в руке.

— Эри, осторожно. У меня цветы.

— Я вижу.

— И ножницы.

— Их тоже вижу.

Гинта вздохнула, но не отстранилась.

Эрия постояла так ещё немного, наслаждаясь знакомым запахом её одежды — мыла, лаванды и свежего белья. Потом отпустила женщину и направилась к лестнице.

— Иди отдыхай, — сказала ей вслед Гинта. — К шести будешь чувствовать себя лучше.

— Надеюсь.

— Обязательно.

Эрия верила ей.

По большей части Гинта была права.

* * *

Вечером дождь всё-таки начался.

Он пришёл из леса медленно, сперва едва заметным шорохом в листве, затем тихим постукиванием по стёклам. К семи часам небо потемнело, и над садом повисла тонкая серебристая завеса, сквозь которую дальние деревья казались расплывчатыми и почти нарисованными.

Эрия сидела в гостиной возле окна, завернувшись в плед.

После ванны ей стало гораздо лучше. Повреждения почти затянулись, оставив только чувствительные участки кожи, а восстановительный состав, несмотря на отвратительный горький вкус, действительно помог снять усталость.

Теперь она чувствовала себя вполне сносно.

Разве что немного хотелось спать.

На коленях лежала та самая книга о железных дорогах. Она наконец добралась до главы, посвящённой ночным поездам, и с интересом рассматривала фотографии спальных купе.

Ей особенно понравилось одно — небольшое, с тёмно-синими стенами, мягким диваном и круглой лампой возле окна.

Интересно, удобно ли там спать?

Наверное, странно просыпаться и понимать, что за ночь оказался совсем в другом месте.

Она представила, как лежит под одеялом, а за окном медленно проплывают огни городов, тёмные поля, станции, на которых кто-то ждёт поезд, кто-то прощается и кто-то встречает.

Эрия закрыла книгу на пальце и посмотрела в окно.

По стеклу стекали капли дождя.

В саду было пусто.

После четырёх часов ей обычно разрешалось делать практически всё, что она хотела. Исключением оставались несколько комнат, которые Адель использовал для своих записей, и, разумеется, пространство за защитным барьером.

Но сама Эрия редко думала об этом как о запрете.

Что ей было делать в лесу?

Она прекрасно знала, что за деревьями нет ничего особенно интересного. Ещё больше деревьев, холмы, ручьи, возможно, какие-нибудь заброшенные дороги. До ближайшего населённого пункта, насколько она понимала, нужно было добираться несколько часов на автомобиле.

Иногда она представляла, как идёт туда пешком, просто чтобы проверить, правда ли всё устроено так, как рассказывают.

Но потом начинался дождь, или в библиотеке находилась интересная книга, или Гинта звала к ужину, и мысль исчезала сама собой.

Адель утверждал, что за границей дома небезопасно.

Варен говорил, что настанет время, когда ей больше не понадобится эта защита.

Эрия не видела смысла спорить с обоими.

Ей ведь всё равно скоро предстояло уехать.

Она задумчиво провела пальцем по краю страницы.

До дня рождения оставалось шесть дней.

Шесть.

Странно, насколько незначительным оказалось это число.

Когда-то восемнадцать лет представлялись ей чем-то бесконечно далёким. В книгах взрослые люди могли распоряжаться собственной жизнью, заключать договоры, путешествовать, влюбляться, уходить из дома, когда им заблагорассудится. Ей казалось, что совершеннолетие непременно должно ощущаться как перемена — будто в один прекрасный день человек просыпается и обнаруживает себя совершенно другим.

Теперь до этого дня оставалась меньше недели.

И Эрия почти не чувствовала приближения праздника.

Гинта уже сказала, что распорядок не изменится.

Адель наверняка назначит очередное занятие.

Варен, возможно, пришлёт подарок.

А потом, в один из ближайших дней, за ней приедут, соберут вещи, закроют дом, и она отправится навстречу жизни, о которой знала так много и одновременно почти ничего.

Эрия попыталась представить свадьбу.

Красивое платье, цветы, люди, которых она никогда не видела.

Варен рядом с ней.

Она знала его с детства. Знала звук его шагов, спокойный голос, привычку неторопливо листать страницы, прежде чем подарить книгу. Иногда он гладил её по волосам, когда она сидела возле его кресла, и Эрия невольно склоняла голову к его руке, точно так же, как делала много лет назад.

Но теперь ей было трудно понять, как всё это должно измениться после брака.

Варен говорил об их будущем без тени сомнения.

Она слушала.

Иногда задавала вопросы.

Ответы были разумными и подробными.

И всё же, когда он уезжал, Эрия нередко обнаруживала, что так и не спросила о самом главном.

Например, будет ли ей больно.

Не во время отдельных занятий, не несколько часов в день, а постоянно, если она начнёт принимать в себя всё то, что Варен намерен ей передать.

Она знала, что чужие чувства постепенно растворяются в ней. Иногда на это уходили дни, иногда месяцы. Бывали переживания, которые оставались на годы.

Варен существовал невероятно давно.

Сколько времени потребуется, чтобы переработать его боль?

Эрия не представляла.

Она попробовала мысленно сложить несколько столетий из дней, часов и минут, но быстро запуталась и оставила эту затею.

В конце концов, Варен обещал быть осторожным.

А он всегда был с ней осторожен.

По крайней мере, когда приезжал сам.

Из коридора донёсся звук шагов.

Эрия подняла голову.

В гостиную вошла Гинта, держа в руках небольшой серебряный поднос с чайником, чашкой и тарелкой печенья.

— Ты опять не пошла ужинать, — заметила она.

— Я не голодна.

— Человеческой едой ты питаешься не только ради удовольствия.

— Я знаю.

— Тогда почему опять пропускаешь?

— Потому что ты принесла печенье.

Гинта покачала головой, поставила поднос на столик и присела напротив.

Некоторое время они молчали, слушая дождь.

Эрия налила себе чаю, взяла одно печенье и откусила кусочек.

— Завтра у тебя питание, — сказала Гинта.

Девушка кивнула.

Она помнила.

В отдельной комнате на первом этаже находилось помещение, куда несколько раз в месяц приводили доноров. Обычно одних и тех же людей. Эрия знала их имена, иногда — отдельные подробности их жизни, хотя Адель считал подобное любопытство бесполезным.

Она привыкла к этим встречам.

Они помогали утолять тот особенный голод, который появился у неё после шестнадцати и не имел почти ничего общего с обычным желанием поесть.

Иногда после сеансов она чувствовала себя прекрасно. Иногда оставалась странная неудовлетворённость, словно она получила достаточно энергии, но упустила что-то ещё, чему пока не могла подобрать названия.

— Питер будет? — спросила она.

— Насколько мне известно, да.

— А Анна?

— Возможно.

Эрия улыбнулась.

— Она обещала рассказать, как сходила в театр.

Гинта посмотрела на неё с выражением, которое девушка слишком хорошо знала.

— Не начинай, Эри.

— Что?

— Разговоры.

— Но она сама обещала!

— Доноры приходят не для того, чтобы развлекать тебя историями.

— Я знаю, для чего они приходят.

— Тогда веди себя соответственно.

Эрия обиженно откусила ещё кусочек печенья.

Ей нравилась Анна.

Та всегда приходила в красивых платьях, носила необычные украшения и однажды рассказала, что в большом городе есть театр, где актёры выступают на сцене, окружённой водой. Эрия потом долго искала сведения об этом представлении, но так и не сумела выяснить, было ли оно настоящим или Анна что-то перепутала.

Теперь ей хотелось спросить.

И разве несколько фраз могли кому-нибудь повредить?

— Она ведь приходит добровольно, — заметила Эрия.

— Разумеется.

— И ей нравится разговаривать со мной.

— Не сомневаюсь.

— Тогда почему…

— Потому что таковы правила.

Эрия вздохнула.

Этот ответ ей нравился меньше всех остальных.

Правила существовали повсюду. Они определяли, во сколько нужно вставать, когда приходить на занятия, сколько времени можно разговаривать с донорами, какие книги разрешается получать непосредственно от поставщиков, а какие Варен должен сначала просмотреть сам.

Иногда правила были разумными.

Иногда совершенно бессмысленными.

Но ни Гинта, ни Адель не видели необходимости различать одно и другое.

Эрия поставила чашку на столик.

— Можно хотя бы спросить, как прошёл спектакль?

Гинта некоторое время смотрела на неё.

Потом вздохнула.

— Если останется время после сеанса.

Эрия просияла.

— Спасибо!

— И никаких лишних вопросов.

— Конечно.

— Эрия.

— Я обещаю.

Гинта покачала головой, но уголки её губ дрогнули.

Дождь за окном усилился. Где-то далеко в лесу прогремел глухой, раскатистый гром.

Эрия с наслаждением завернулась в плед плотнее.

Ей нравились грозы.

Особенно когда можно было сидеть дома, пить чай, читать и никуда не торопиться.

— Кстати, — сказала Гинта, поднимаясь, — завтра тебе нужно закончить все дела до вечера.

— Почему?

— Господин Варен приедет.

Эрия замерла с чашкой в руках.

— Завтра?

— Да.

— Но он говорил, что будет занят до следующей недели.

— Планы изменились.

Она некоторое время молчала.

Варен не предупреждал о своём приезде.

Обычно он сообщал заранее, иногда за несколько недель. Гинта начинала распоряжаться приготовлениями, Адель проверял отчёты, а Эрия выбирала платье и думала, о чём хочет поговорить.

Теперь оставался всего один день.

— Надолго? — спросила она.

— Полагаю, ненадолго. У него много дел.

— Он что-нибудь просил передать?

— Нет. Только сообщил, что хотел бы тебя увидеть.

Гинта взяла пустую тарелку.

— Постарайся завтра не переутомляться. И ложись сегодня пораньше.

Эрия кивнула.

Когда женщина вышла, девушка ещё долго смотрела на дождь.

Она любила визиты Варена.

Он привозил книги, рассказывал о далёких странах, отвечал на вопросы, которые Адель считал глупыми, а Гинта — неподходящими. С ним можно было обсуждать искусство, политику, историю, философию; он знал удивительно много и никогда не смеялся над её любопытством.

Но в последнее время после разговоров с ним Эрия всё чаще оставалась с тяжёлым, труднообъяснимым ощущением.

Будто что-то очень важное постепенно приближалось, а она никак не могла разглядеть его очертаний.

Она поставила чашку на столик и снова раскрыла книгу.

На странице была фотография ночного поезда.

За окном вагона простирались тёмные поля, освещённые несколькими далёкими огнями. Внутри купе горела маленькая лампа, лежало аккуратно сложенное одеяло, а на столике стояла чашка.

Эрия долго рассматривала снимок.

Потом устроилась удобнее, подтянула плед к подбородку и принялась читать.

Завтра нужно было успеть закончить книгу до приезда Варена.

Книгу Эрия всё-таки закончила, хотя ради этого пришлось нарушить обещание лечь пораньше.

Последние страницы она читала уже в постели, забравшись под одеяло почти с головой и оставив снаружи только руку, державшую тяжёлый том. Дождь закончился далеко за полночь, и в тишине, наступившей после него, отчётливо слышалось, как с крыши падают последние капли. В какой-то момент Эрия обнаружила, что перечитывает один и тот же абзац в третий раз, но закрывать книгу не стала. Ей хотелось узнать, чем закончится путешествие французского инженера, отправившегося через половину Европы ради строительства железной дороги, которую большинство его современников считали совершенно ненужной.

Инженер добился своего.

Эрия закрыла книгу с глубоким удовлетворением.

Ей нравились истории о людях, которые долго и упрямо занимались тем, во что никто, кроме них самих, не верил. Правда, чаще всего такие истории были написаны уже после того, как выяснялось, что эти люди оказались правы. Интересно, сколько существовало других — о тех, кто потратил всю жизнь на нечто совершенно бесполезное и так и не дождался признания?

С этой мыслью она погасила лампу.

Утром Гинта встретила её недовольным взглядом.

— Ты опять читала ночью.

Эрия, ещё не успевшая окончательно проснуться, остановилась в дверях кухни.

— С чего ты взяла?

— У тебя глаза сонные.

— Я только что встала.

— И на лице отпечаталась подушка.

— Это от подушки.

— Эрия.

Она улыбнулась и подошла к столу.

На завтрак были сырники с вишнёвым соусом. Эрия любила их настолько, что обычно могла съесть две порции, но сегодня Гинта положила ей только три небольших сырника и поставила рядом чашку травяного чая.

— Почему так мало?

— Через полтора часа питание. Не стоит перегружать желудок.

— Но я могу съесть ещё один.

— После сеанса.

Эрия посмотрела на тарелку, потом на Гинту.

— А если я умру от голода до десяти?

— Тогда Аделю придётся объяснять господину Варену, почему ты не дожила до его приезда из-за одного сырника.

Эрия рассмеялась.

Гинта редко позволяла себе подобные шутки, и оттого они нравились девушке особенно сильно.

— Кстати, — сказала женщина, наливая чай, — после питания сегодня сразу пойдёшь к Аделю. Он немного изменил программу, чтобы ты успела отдохнуть перед вечером.

— Изменил в какую сторону?

— Насколько я поняла, сократил последнюю часть.

— Замечательный человек.

— Ещё вчера ты называла его невыносимым.

— Сегодня он замечательный. Я умею пересматривать свои убеждения.

Гинта спрятала улыбку за чашкой.

* * *

Комната кормления находилась на первом этаже, в том же крыле, что и кабинет Аделя, но Эрия никогда не путала эти два помещения.

Здесь было теплее.

На стенах висели светлые картины с изображением цветов, под потолком горели мягкие матовые светильники, а вместо длинной кушетки стояло глубокое кресло с подставкой для ног. Напротив него располагалась широкая перегородка из особого стекла, которое в обычном состоянии было совершенно прозрачным, а во время передачи энергии приобретало едва заметный серебристый оттенок.

По другую сторону находилась ещё одна комната.

Эрия знала, что там есть удобные кресла, столик с водой и небольшая раздевалка. Однажды она попросила показать ей помещение, в котором сидят доноры, но Адель не увидел в этом необходимости.

— Зачем?

— Интересно.

— Оно устроено практически так же, как эта комната.

— Тогда тем более непонятно, почему мне нельзя посмотреть.

Адель ответил, что любопытство не является достаточным основанием для нарушения установленного порядка.

Эрия так и не поняла, какой именно порядок нарушился бы, если бы она прошла на несколько метров дальше по коридору.

Зато она любила кресло.

Оно было обито тёмно-зелёным бархатом, который приятно холодил кожу в первые секунды прикосновения, а потом постепенно нагревался. Иногда Эрия приходила чуть раньше назначенного времени только затем, чтобы устроиться в нём и посидеть несколько минут в тишине.

Сегодня она обнаружила за стеклом Анну.

Та уже сидела в своём кресле и листала журнал.

— Доброе утро! — обрадовалась Эрия.

Анна подняла голову.

— А вот и наша красавица. Как поживаешь?

— Хорошо. А ты?

— Немного сонная. Вчера поздно вернулась домой.

Эрия оживилась.

— Из театра?

Анна засмеялась.

— Ты всё-таки помнишь!

— Конечно. Ты обещала рассказать.

Анна была одной из постоянных доноров. Высокая светловолосая женщина лет тридцати, с приятным низким голосом и привычкой носить крупные серьги. Она появлялась примерно дважды в месяц, иногда чаще, и почти всегда приносила с собой какой-нибудь журнал или книгу. Эрия знала, что Анна работает в городе, любит театр и терпеть не может общественный транспорт в час пик.

Однажды та рассказала, что потратила сорок минут на поездку длиной в шесть километров.

Эрия потом долго пыталась понять, почему не пошла пешком.

Анна объяснила, что была на каблуках.

Это показалось ещё более странным: зачем надевать обувь, в которой неудобно ходить?

— Там действительно была вода? — спросила Эрия, устраиваясь в кресле.

— Была. Представляешь, прямо на сцене устроили неглубокий бассейн. Актёры ходили по нему босиком, и свет отражался от поверхности так, что казалось, будто всё происходит под водой.

— Настоящий бассейн?

— Самый настоящий.

— А как они не поскользнулись?

— Понятия не имею.

— А костюмы не намокли?

— Намокли, разумеется.

— Тогда зачем им вообще понадобился бассейн?

Анна рассмеялась.

— Эри, это искусство. Там не всё должно быть практично.

— Но если они хотели изобразить воду, могли использовать свет. Я читала, что существуют совершенно невероятные способы создавать иллюзию…

— Девушки.

Голос Гинты заставил обеих замолчать.

Женщина стояла у двери с небольшим планшетом в руках.

— Анна, вы готовы?

— Да, конечно.

— Эрия?

Девушка вздохнула.

— Готова.

— Тогда начнём. Разговоры оставьте на потом.

Анна скорчила сочувственную гримасу.

Эрия ответила ей такой же, вызвав у Гинты выразительный взгляд.

Она послушно откинулась на спинку кресла.

Гинта подошла к приборной панели возле перегородки и проверила несколько показателей. Раздался тихий щелчок, стекло слегка потемнело, а по его поверхности пробежали тонкие серебряные линии.

Эрия прикрыла глаза.

Обычная пища приносила ей удовольствие, но не могла полностью удовлетворить потребности её природы. После шестнадцати голод стал появляться всё чаще, поначалу совсем

слабый, похожий на странную усталость, которую невозможно было снять сном. Позднее Эрия научилась различать его. Когда приходило время питания, ощущения становились острее, окружающие звуки — отчётливее, а внутри возникала настойчивая пустота, не имевшая ничего общего с пустым желудком.

Долгое время ей было трудно объяснить, чего именно недостаёт.

Адель рассказывал о природе суккубов, о страсти как источнике особой жизненной энергии, о способности её вида воспринимать и направлять чужое желание. Эрия читала соответствующие разделы в предоставленных ей книгах, задавала вопросы и выполняла упражнения. Со временем кормление стало таким же привычным, как завтрак или восстановительные составы после занятий.

Только потребность в нём не подчинялась расписанию так послушно, как хотелось Аделю.

Сегодня голод был умеренным.

Эрия чувствовала его где-то под рёбрами, как едва заметное напряжение, которое постепенно нарастало.

За стеклом Анна устроилась удобнее и закрыла глаза.

Ей не требовалось обращаться к Эрии или делать что-нибудь особенное. Доноры учились самостоятельно пробуждать и удерживать необходимое эмоциональное состояние, обращаясь к собственным переживаниям и воспоминаниям. Магическая перегородка позволяла передавать энергию, не смешивая сознания и не создавая непосредственной связи между участниками.

Вскоре Эрия ощутила знакомое тепло.

Оно пришло медленно, словно кто-то раздвинул тяжёлые шторы и впустил в прохладную комнату солнечный свет. Напряжение под рёбрами ослабло. Тело охотно принимало предложенную энергию, постепенно заполняя неприятную пустоту.

У разных доноров она отличалась.

Эрия давно научилась узнавать их даже с закрытыми глазами.

Энергия Анны была тёплой, насыщенной, с лёгкой терпкостью, которую девушка всякий раз мысленно сравнивала с вишнёвым соком. Питер, напротив, отдавал ровную, спокойную силу, похожую на согревающий напиток, выпитый после долгой прогулки на холоде.

Иногда Эрия задумывалась, почему ощущения так различаются.

Адель говорил, что это обусловлено индивидуальной природой эмоционального источника.

Ей казалось, что он мог бы сказать проще.

За перегородкой тихо зазвенел один из приборов.

Эрия открыла глаза.

Анна по-прежнему сидела неподвижно. На её лице не было ни напряжения, ни боли; только лёгкая усталость, какая появляется после долгого рабочего дня.

Эрия почувствовала, что насытилась.

Она осторожно ослабила поток и отстранилась.

— Готово, — сказала она.

Гинта проверила показания.

— Хорошо. Немного больше прошлого раза.

— Я сильнее проголодалась.

— Восстановление должно быть стабильным. Не забывай следить за своим состоянием.

За стеклом Анна потянулась и открыла глаза.

— Как ты?

— Хорошо, — ответила Эрия. — А ты?

— Замечательно. Только кофе теперь хочется.

— Мне тоже.

Гинта отключила перегородку.

Серебристая плёнка исчезла, и стекло вновь стало прозрачным.

Анна поднялась.

— Ну что, до следующего раза?

Эрия посмотрела на Гинту.

Та сделала вид, что не заметила.

— Ты расскажешь мне, чем закончился спектакль? — быстро спросила девушка.

Анна улыбнулась.

— Все умерли.

— Все?!

— Почти.

— Но ты говорила, что это комедия!

— Я говорила, что там будет смешно. Не обещала счастливого конца.

Эрия возмущённо раскрыла рот.

Анна рассмеялась и помахала ей рукой.

— В следующий раз расскажу подробнее. А ты прочитай что-нибудь хорошее и посоветуй мне, ладно?

— Обязательно!

Дверь за женщиной закрылась.

Эрия ещё некоторое время смотрела на опустевшее кресло.

Ей было приятно разговаривать с Анной.

Та никогда не называла её способности исключительными, не интересовалась результатами испытаний и не спрашивала, насколько лучше девушка стала справляться с очередным упражнением. Она могла рассказать о неудачной причёске, испорченных туфлях или о том, как поссорилась с подругой из-за совершенно нелепого недоразумения.

Эрия иногда не понимала, почему эти мелочи казались Анне такими важными.

Но слушать их любила.

— Пойдём, — сказала Гинта.

Девушка поднялась из кресла, но всё ещё поглядывала на дверь, за которой исчезла Анна.

— Интересно, Варен согласится сводить меня в театр?

— Думаю, когда переедешь к нему, у тебя будет достаточно возможностей посещать подобные места.

— Тогда я попрошу его найти тот спектакль, о котором рассказывала Анна.

— Если он ещё идёт.

Эрия задумалась. Ей почему-то не приходило в голову, что представления могут исчезать так же, как заканчиваются книги. Только книгу всегда можно открыть снова.

— Надо было спросить, как он называется, — с сожалением заметила она.

Выйдя в коридор, она вдруг вспомнила рассказ Анны о мокрых костюмах, актёрах, босиком ходивших по воде, и о зале, где множество незнакомых людей сидели рядом, наблюдая за одной и той же историей.

Ей представилось, как они выходят после спектакля на улицу, обсуждают увиденное, смеются, спорят, ищут такси или идут пешком до метро.

Она попыталась представить себя среди них.

И обнаружила, что не знает, о чём стала бы говорить.

* * *

В тот день Адель действительно сократил программу, хотя Эрия довольно быстро поняла, что это вовсе не означает уменьшения нагрузки.

Он просто убрал один из перерывов и отказался от заключительной серии упражнений на восстановление. Вместо неё назначил продолжительное удержание эмоционального воздействия на фоне физической боли, объяснив, что после сеанса питания уровень её сопротивляемости должен быть выше обычного.

Эрия подозревала, что он давно собирался это проверить, а приезд Варена оказался удобным поводом.

Впрочем, к трём часам спорить с ним уже не хотелось.

В комнате пахло лекарственными составами и свежей тканью. Эрия сидела на кушетке, держа перед собой магическую конструкцию из нескольких тонких колец. На коже её запястий проступали красные следы, одно из колец медленно дрожало и никак не хотело возвращаться в прежнее положение.

Адель наблюдал за результатами с таким сосредоточенным видом, словно девушка была сложным прибором, который необходимо правильно настроить.

— Ещё немного, — произнёс он.

— Ты говорил это десять минут назад.

— Тогда оставалось больше.

— Очень утешительно.

Боль нарастала медленно, расползаясь от запястий вверх по рукам. Эрия чувствовала, как напрягаются мышцы плеч, как внутри поднимается раздражение, как хочется прекратить упражнение и наконец позволить себе просто устать.

Она удерживала кольца.

Одно из них на мгновение потускнело.

Адель тут же изменил положение пальцев, усиливая заклятие.

Эрия судорожно вдохнула.

— Сосредоточься.

— Я сосредоточена!

— Тогда не отвлекайся на собственное возмущение.

Ей хотелось сказать, что возмущение — единственное, что помогает не заснуть посреди его невыносимых занятий.

Но сил хватило лишь на сердитый взгляд.

Через несколько минут Адель наконец снял воздействие.

Светящиеся кольца исчезли.

Эрия опустила руки и некоторое время сидела неподвижно, прислушиваясь к тому, как постепенно отступает боль. Ощущение было знакомым: словно тело ещё не получило известия о том, что ему больше ничего не угрожает, и продолжало готовиться к следующему удару.

Адель протянул ей стакан воды.

Она выпила половину, потом спросила:

— Варену обязательно нужно знать все подробности?

— Какие именно?

— Сколько раз я ошиблась. Сколько не удержала. Когда закричала.

Мужчина посмотрел на неё.

— Господин Варен получает полный отчёт.

— Даже если результат хороший?

— Результат состоит не только из итогового показателя.

Эрия вздохнула.

Ей вдруг стало неприятно представлять, как Варен сидит где-нибудь в своём кабинете и читает о том, сколько раз она не выдержала боль, как долго смогла удерживать чужое чувство и на каком этапе попросила остановиться.

Она знала, что он следит за её подготовкой.

Но знать об этом и представлять его за чтением подробных отчётов было совсем не одно и то же.

— Он всегда всё читает? — спросила она.

Адель закрыл журнал.

— Насколько мне известно, да.

— У него ведь так много дел.

— Это одно из них.

Эрия некоторое время молчала.

— Наверное, — сказала она наконец.

Адель отложил записи и подошёл к кушетке.

— Дай руки.

Она протянула их ладонями вверх.

На внутренней стороне запястий виднелись тонкие порезы, оставленные последним воздействием. Адель обработал кожу прохладным составом, проверил пульс и аккуратно провёл пальцами вдоль одного из повреждений.

— Ты хорошо справилась, — сообщил он. — Лучше, чем я ожидал.

Эрия подняла на него глаза.

— Правда?

— Да.

— Значит, ты доволен?

Он помолчал.

— Результатом — да.

Она улыбнулась.

Адель не ответил на улыбку, однако движения его стали чуть мягче.

— Иди отдыхай. Сегодня больше ничего не будет.

Эрия спрыгнула с кушетки, едва не потеряв равновесие от слабости в ногах.

— А завтра?

— Завтра по обычному расписанию.

Она поморщилась.

— Даже после приезда Варена?

— Он не собирается оставаться на ночь.

Это почему-то разочаровало её.

— Понятно.

Адель посмотрел на часы.

— У тебя достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Не заставляй Гинту искать тебя по всему дому.

— Она всегда знает, где я.

— Тем более.

Эрия направилась к двери.

Уже взявшись за ручку, она оглянулась.

— Адель?

— Что ещё?

— Как думаешь, ему понравятся сегодняшние результаты?

Мужчина оторвался от журнала.

Вопрос, кажется, несколько удивил его.

— Полагаю, да.

— Хорошо.

Она вышла, осторожно прикрыв дверь.

На лестнице Эрия остановилась у окна, чтобы посмотреть на сад.

После вчерашнего дождя воздух был необыкновенно прозрачным, солнце освещало мокрые листья, и даже старая каменная чаша фонтана казалась красивее обычного. Где-то среди кустов возились птицы, а у дальнего края дорожки сидела рыжая белка, увлечённо грызшая что-то между передними лапами.

Эрия постояла несколько минут, наблюдая за ней.

Ей хотелось спуститься, выйти на солнце и устроиться на скамье, подставив лицо тёплому воздуху.

Но Гинта наверняка уже набирала ванну.

К тому же Варен должен был приехать вечером.

Эрия пошла наверх.

* * *

К приезду Варена дом всегда становился немного другим.

Гинта утверждала, что ничего особенного не меняется, но Эрия замечала разницу. На столе в гостиной появлялись свежие цветы, в прихожей зажигали дополнительные светильники, а из буфета доставали тонкие фарфоровые чашки, которыми никто не пользовался в обычные дни. На кухне пахло чем-то сложным и дорогим, хотя сам Варен почти никогда не оставался на ужин. Адель надевал пиджак, Гинта меняла домашнюю одежду на строгое платье, и даже воздух в коридорах словно приобретал особенную неподвижность.

Эрия не вполне понимала, для чего нужны все эти приготовления.

Варен никогда не ругал Гинту за неподходящую чашку или неудачно расставленные цветы. Однажды он вообще приехал посреди ночи, без предупреждения, выпил чай из любимой кружки Эрии с нарисованным на боку кроликом и остался совершенно доволен.

Но Гинта считала, что в доме должен соблюдаться порядок.

Особенно когда приезжает его владелец.

К половине шестого Эрия успела принять ванну, высушить волосы и перебрать почти весь гардероб.

Гинта забраковала голубое платье, потому что оно было слишком повседневным, и тёмно-зелёное, поскольку у него оторвалась одна из крошечных пуговиц. Эрия хотела просто пришить её обратно, но женщина заявила, что времени нет.

В конце концов они остановились на платье цвета топлёного молока — мягком, с длинными рукавами и тонким поясом. Оно нравилось Эрии: ткань приятно скользила по коже, не стесняла движений и почти не мялась.

Пока Гинта расчёсывала ей волосы, девушка сидела перед зеркалом и наблюдала, как густые каштановые пряди постепенно укладываются ровными блестящими волнами.

— Может, заплести? — предложила женщина.

— Не хочу.

— С распущенными будет неудобно.

— Мне удобно.

Гинта посмотрела на неё в зеркало.

— Разумеется.

Эрия улыбнулась.

Она любила свои волосы, хотя порой они доставляли ужасно много хлопот. Особенно летом, когда от жары пряди липли к шее, или после занятий, когда приходилось долго распутывать их, стараясь не задеть повреждённую кожу.

Гинта провела щёткой ещё несколько раз и положила её на столик.

— Готово.

Эрия повернула голову вправо, затем влево.

На неё смотрела девушка с большими янтарными глазами и несколько утомлённым лицом. Следы вчерашней ранки у виска исчезли, зато под глазами оставались лёгкие тени после бессонной ночи.

— Я выгляжу усталой?

— Немного.

— Это плохо?

— Нет. Но тебе стоило послушать меня и лечь раньше.

Эрия поморщилась.

— Я знала, что ты это скажешь.

Гинта поправила воротник её платья.

— Господин Варен не станет рассматривать тебя под увеличительным стеклом.

— Я знаю.

— Тогда чего ты беспокоишься?

Эрия не сразу ответила. Она и сама не вполне понимала, что именно заставляло её нервничать. Варен приезжал много раз, и каждый его визит становился приятным нарушением привычного распорядка. Он никогда не требовал от неё невозможных манер, не сердился из-за неудачно подобранного платья и уж тем более не обращал внимания на такие мелочи, как растрепавшиеся волосы.

И всё же сегодня ей почему-то хотелось выглядеть особенно хорошо.

— Я не беспокоюсь, — сказала она наконец. — Просто давно его не видела.

— Всего три недели.

— Почти четыре.

Гинта улыбнулась их отражениям в зеркале.

— Тогда тем более нечего волноваться.

Она расправила складку на плече Эрии, убедилась, что пояс завязан ровно, и вышла, оставив девушку одну.

Эрия ещё немного посидела перед зеркалом. Янтарные глаза казались особенно яркими на фоне светлого платья, а распущенные каштановые волосы закрывали почти всю спину. Она наклонила голову, рассматривая собственное отражение под другим углом, затем невольно улыбнулась себе и поднялась.

На лестнице было тихо. Из гостиной доносились негромкие звуки музыки — Гинта включила старую фортепианную запись, которую Варен особенно любил. Эрия узнала мелодию, хотя не сразу вспомнила название. Ей всегда казалось странным, что некоторые музыкальные произведения можно узнать по первым нескольким нотам, даже если не слышал их месяцами.

Она медленно спустилась на первый этаж, придерживаясь рукой за гладкие деревянные перила.

У входной двери стоял Адель. В тёмном костюме, с аккуратно уложенными волосами и привычно невозмутимым выражением лица он выглядел так, словно вовсе не провёл большую часть дня в комнате испытаний.

— Ты уже готова? — спросил он.

— Как видишь.

Его взгляд ненадолго задержался на её лице.

— Сегодня хорошо выглядишь.

Эрия с удивлением подняла брови.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

— Какое неожиданно приятное.

— Постарайся не испортить впечатление.

Она показала ему язык.

Адель отвернулся, однако Эрия успела заметить, как дрогнул уголок его рта.

Со стороны подъездной дорожки послышался негромкий шум двигателя. За окнами мелькнул свет фар, скользнув по влажным после вчерашнего дождя кустам, и через несколько мгновений автомобиль остановился перед домом.

Эрия подошла к окну.

Большая тёмная машина стояла у каменных ступеней. Она не разбиралась в автомобилях настолько хорошо, чтобы безошибочно называть марки, но знала, что Варен редко приезжает на одной и той же. Иногда это были длинные представительские седаны, иногда — низкие спортивные машины, красивые и совершенно непрактичные на лесной дороге. Однажды он позволил Эрии посидеть за рулём, предварительно убедившись, что двигатель выключен. Ей тогда особенно понравился запах кожаного салона и множество кнопок, назначение которых она так и не успела выяснить.

Теперь Варен вышел из машины, застегнул пиджак и поднялся на крыльцо.

Адель открыл дверь прежде, чем раздался звонок.

— Добрый вечер, господин Варен.

— Добрый вечер, Адель. Как дела в доме?

Голос Варена был негромким, глубоким, с той неспешной мягкостью, которая сразу делала всякое приветствие похожим на начало обстоятельного разговора.

Эрия вышла из гостиной.

Варен заметил её почти сразу.

Он был высоким мужчиной, красивым той спокойной, зрелой красотой, которая не требовала ни нарочитой эффектности, ни особенно выразительной мимики. Тёмные волосы, чуть тронутые сединой у висков, были аккуратно зачёсаны назад; превосходно сшитый костюм сидел на нём так естественно, словно иной одежды он никогда не носил. Лицо с правильными, несколько строгими чертами казалось почти неподвижным, пока он не улыбнулся.

Тогда строгость исчезла.

— Моя дорогая.

Эрия улыбнулась в ответ и подошла к нему.

Варен обнял её, позволив на мгновение прижаться к себе, затем отстранился ровно настолько, чтобы рассмотреть её лицо.

— Дай-ка на тебя посмотреть.

Она послушно подняла голову.

Его глаза были необычного тёмно-красного цвета. При дневном свете они иногда казались почти карими, но сейчас, в тёплом освещении прихожей, в глубине радужки поблёскивали густые рубиновые оттенки.

Эрия знала эти глаза с детства.

Когда-то она их боялась.

Странно было теперь об этом вспоминать. Несколько первых лет рядом с Вареном её иногда охватывал совершенно необъяснимый ужас. Достаточно было ему войти в комнату или протянуть к ней руку, как сердце начинало болезненно колотиться, а тело словно готовилось бежать. Она не понимала причин этого страха и особенно мучилась от того, что он возникал даже тогда, когда Варен был с ней исключительно ласков.

Потом приступы стали случаться всё реже.

А однажды прекратились совсем.

Теперь воспоминание о них казалось чем-то далёким, почти чужим. Эрия даже не могла с уверенностью сказать, что именно тогда её пугало. Варен никогда не повышал на неё голос и почти всегда привозил что-нибудь приятное.

— Ты выросла с нашего последнего свидания, — заметил он.

Эрия рассмеялась.

— За три недели?

— Почти четыре, насколько мне помнится.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Ты тоже считаешь?

— Разумеется.

Варен осторожно убрал с её щеки выбившуюся прядь.

— Я всегда рад тебя видеть, Эри.

Он поцеловал её в лоб, затем повернулся к Аделю.

— Отчёты получил. Благодарю, мы обсудим их позднее.

— Конечно, господин Варен.

— Гинта дома?

— В гостиной, — ответила Эрия. — Она приготовила чай. И пирог. Правда, мне не сказала какой.

— Тогда, полагаю, следует немедленно выяснить.

Он предложил ей руку.

Эрия охотно взялась за неё и повела его в гостиную.

Гинта действительно приготовила пирог — с грушами, миндалём и тонкой хрустящей корочкой. Эрия обнаружила его под серебряной крышкой и немедленно заявила, что её несправедливо лишили возможности попробовать первый кусочек.

— А ты собиралась съесть его ещё до приезда гостя? — спросил Варен.

— Я собиралась убедиться, что он получился вкусным.

— Исключительно из заботы о госте?

— Разумеется.

Варен негромко рассмеялся.

Эрия любила его смех. Он редко смеялся громко, но когда происходило нечто действительно забавное, в его голосе появлялось неожиданное тепло, совершенно меняющее выражение лица.

Они устроились возле большого окна, из которого открывался вид на сад. Варен занял своё обычное кресло, а Эрия села напротив, подобрав под себя ноги, прежде чем вспомнить о наставлениях Гинты.

Она поспешно опустила их на пол.

Варен заметил движение.

— Неужели Гинта до сих пор воюет с твоими привычками?

— Безуспешно.

— Тогда не стоит лишать её любимого занятия. Устраивайся как тебе удобно.

Эрия с удовольствием снова забралась в кресло с ногами.

Варен некоторое время наблюдал за ней, затем взял чашку.

— Рассказывай, моя дорогая. Что нового произошло с тех пор, как мы виделись?

Вопрос всякий раз вызывал у Эрии затруднение.

В доме редко происходило что-нибудь по-настоящему новое, а Варен и без того знал о занятиях, изменениях в расписании и результатах подготовки. Иногда ей казалось, что он осведомлён о её жизни лучше, чем она сама.

И всё же она начала рассказывать.

О книге, посвящённой старым европейским вокзалам. О том, как одна из яблонь сбросила почти все плоды раньше времени. О сломанном переплёте редкого издания, который ей удалось починить с помощью клея, доставленного вместе с последней посылкой. О рассказе Анны про необычную театральную постановку.

Варен слушал внимательно.

Он не перебивал, не смотрел на часы и не заставлял её сокращать историю, даже когда Эрия увлекалась подробностями. Иногда задавал вопросы, которые показывали, что он действительно следит за её рассуждениями.

Когда она рассказала о спектакле, где актёры ходили по воде, Варен назвал театр и режиссёра.

— Ты видел его? — изумилась Эрия.

— Нет. Но слышал довольно много. Постановку обсуждали даже люди, обычно совершенно равнодушные к современному театру.

— Анна сказала, что все умерли.

— В финале?

— Да.

— Тогда, вероятно, она смотрела не комедию.

Эрия довольно кивнула.

— Я тоже так подумала.

Варен улыбнулся.

— Мы обязательно сходим куда-нибудь вместе, когда ты переедешь.

Она подняла голову.

— Правда?

— Разумеется. Ты ведь давно хочешь попасть в настоящий театр.

— Очень.

— Тогда выберем что-нибудь интересное. Хотя советую для начала не самое сложное произведение. Зритель, который впервые приходит в театр, должен иметь возможность насладиться представлением, а не тратить всё время на попытки понять замысел режиссёра.

— Но мне нравится понимать замысел.

— Знаю, дорогая. И всё же иногда полезно сначала просто получать удовольствие.

Он произнёс это с такой естественной уверенностью, что Эрия на мгновение задумалась.

Она умела получать удовольствие от множества вещей. От книг, музыки, сладостей, солнечного света. Но почти всё, что ей нравилось, находилось внутри дома.

Иногда ей казалось, что за его пределами должны существовать совершенно другие виды счастья, о которых невозможно узнать даже из самых подробных описаний.

— А можно будет посмотреть настоящий океан? — спросила она.

Варен поставил чашку.

— Конечно.

— Не с берега, а с корабля.

— Если пожелаешь.

— И ночной город? С высоты?

— Думаю, тебе особенно понравится Нью-Йорк. Или Гонконг. Там есть здания, с верхних этажей которых открывается поразительный вид.

Эрия некоторое время смотрела на него, представляя огни огромных городов, воду, уходившую за горизонт, и корабли, похожие на маленькие белые точки посреди бесконечной синевы.

Варен наблюдал за выражением её лица с явным удовольствием.

— Тебе будет открыт весь мир, Эрия, — сказал он. — Всё, о чём ты столько читала. Города, музеи, театры, моря. Я хочу, чтобы ты наконец увидела всё собственными глазами.

— Мне понадобится очень много времени.

— У нас его достаточно.

Она улыбнулась.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Варен протянул руку, и Эрия привычно подалась вперёд, позволяя ему коснуться своих волос.

Он медленно погладил её по голове, как делал с тех пор, когда она была ещё совсем маленькой.

— Я ведь обещал тебе, что однажды ты уедешь отсюда, — напомнил он. — Теперь этот день совсем близко.

Эрия опустила взгляд на свою чашку.

Разговор вновь приблизился к тому, о чём она думала всё чаще.

— После дня рождения?

— Не немедленно. Нам потребуется ещё немного времени для необходимых приготовлений. Полагаю, приблизительно месяц.

Она кивнула.

Месяц.

Это было одновременно очень мало и удивительно много.

— А потом свадьба?

— Да, моя дорогая.

Варен произнёс ответ так спокойно, словно речь шла о чём-то давно решённом и потому не нуждавшемся в дополнительных объяснениях.

— Совсем скоро ты станешь моей женой.

Эрия осторожно провела пальцем по краю блюдца.

В детстве ей нравилось представлять будущую свадьбу. Она рассматривала фотографии красивых платьев, читала о старинных свадебных традициях, даже однажды спросила Гинту, обязательно ли невесте носить белое. Тогда всё казалось чем-то далёким и почти сказочным.

Теперь, когда до этого оставались считаные недели, мысли всё чаще обращались не к платью.

— Варен?

— Я слушаю.

— А после свадьбы занятия закончатся?

Он немного помолчал.

— Изменится их характер.

— Значит, не закончатся.

— Ты ведь понимаешь, для чего мы столько лет готовили тебя.

Эрия кивнула.

— Понимаю.

— И понимаешь, насколько велико значение твоего дара.

Она снова кивнула, хотя эти слова уже не вызывали прежней радости.

Варен смотрел на неё внимательно, не торопя с ответом.

— Ты хочешь спросить о чём-то ещё?

Эрия колебалась.

Вопрос давно жил у неё внутри, но каждый раз, когда она пыталась придать ему достаточно ясную форму, тот распадался на множество других. Она знала, что ей предстоит принимать чужие эмоции. Знала, что подготовка нужна для того, чтобы выдержать большую нагрузку.

Но чем ближе становился брак, тем чаще она вспоминала собственные испытания.

Четыре часа боли казались очень долгими, пока находишься в комнате Аделя.

А столетия представлялись почти бесконечными.

— Когда я начну принимать твои чувства, — произнесла она наконец, — мне будет больно так же, как на занятиях?

Варен не ответил сразу.

Он неторопливо поставил чашку, затем чуть наклонился к ней.

— Иногда, Эрия. Я не стану обманывать тебя.

Она почувствовала, как сжались пальцы на коленях.

— Часто?

— Всё зависит от того, насколько быстро ты научишься справляться с новой нагрузкой. Мы не будем начинать с того, что превышает твои возможности.

Эрия обдумала ответ.

Он был разумным.

Адель тоже всегда говорил, что нагрузка должна увеличиваться постепенно.

— Но ведь это будут не такие чувства, как у обычных людей?

— Нет.

— И они могут оставаться во мне очень долго.

— Могут.

Варен произнёс это без раздражения, не пытаясь отвлечь её обещанием чего-нибудь приятного.

— Ты уже знаешь, как устроен твой дар, — продолжил он. — Тебе не требуется объяснять, что даже самые тяжёлые переживания со временем утрачивают силу. Но то, с чем нам предстоит работать, накапливалось очень долго. Поэтому подготовка и была столь продолжительной.

Эрия опустила глаза.

Её вдруг заинтересовал маленький золотистый узор на краю чашки. Она провела по нему кончиком пальца, ощущая едва заметную шероховатость глазури.

— А если мне окажется слишком тяжело?

Варен осторожно взял её руку.

— Тогда мы замедлимся.

Она посмотрела на него.

— Правда?

— Конечно. Мне нужна не сломленная, измученная девушка, которая едва может подняться с постели. Я хочу видеть тебя счастливой, здоровой, полной сил. И именно поэтому я столь внимательно отношусь к твоему обучению.

Он ненадолго умолк.

— Эрия, ты иногда смотришь на происходящее так, словно подготовка и твоя будущая жизнь — две разные вещи. Но всё, через что ты проходила, было необходимо, чтобы однажды мы могли оставить этот дом позади. Ты получишь возможности, которых лишена сейчас. Я смогу дать тебе всё, чего ты пожелаешь. А ты поможешь мне исполнить предназначение, ради которого твоя сила столь долго развивалась.

Он говорил мягко, с непоколебимой уверенностью человека, привыкшего хорошо понимать собственные решения.

Эрия слушала.

Она действительно хотела уехать. Хотела увидеть океан, оказаться посреди огромного города, сесть в поезд, который за одну ночь увезёт её за сотни километров. Ей хотелось красивых платьев, необычных блюд, театров, музыки, тысяч незнакомых книг.

И Варен обещал ей всё это.

Он никогда не требовал, чтобы она отказывалась от своих желаний.

Только чтобы исполнила то, чего желал сам.

— Ты так долго меня ждал, — сказала она тихо.

— Да, дорогая.

— А если бы я была обыкновенным суккубом?

Варен слегка приподнял брови.

— Но ты не обыкновенная.

— Я знаю. Просто интересно.

Он погладил большим пальцем тыльную сторону её ладони.

— Думаю, тогда наши жизни сложились бы иначе.

Эрия задумалась.

Она не вполне понимала, понравился ли ей этот ответ.

Но Варен уже улыбался.

— Впрочем, гадать о том, чего никогда не было, довольно бесполезное занятие. Ты здесь, моя дорогая. И я очень рад этому.

Эрия посмотрела на него и тоже улыбнулась.

Ей хотелось верить, что он действительно рад.

Она знала, что Варен не особенно нуждается в обществе. Его жизнь была наполнена делами, встречами, обязательствами, названия и масштаб которых Эрия иногда даже не могла себе представить. Он управлял огромными состояниями, общался с людьми, чьи лица она видела в книгах и на экране, и мог позволить себе практически всё.

И всё-таки приезжал к ней.

Привозил книги, слушал рассказы про сад и театральные постановки, гладил по волосам.

В этом было нечто такое, за что ей хотелось быть благодарной.

Варен пробыл в доме немногим больше двух часов.

После чая он попросил Гинту принести свёрток, оставленный в прихожей, и Эрия с восторгом обнаружила внутри несколько новых книг.

Одна была посвящена современной архитектуре, другая — истории крупных европейских музеев. Третья оказалась роскошным альбомом с фотографиями городов, снятых с высоты. На последней книге не было привычного названия: переплёт из тёмно-синей кожи украшал лишь небольшой серебряный узор.

Эрия осторожно раскрыла её.

Внутри оказались репродукции старинных карт и путевых рисунков, созданных путешественниками несколько столетий назад.

— Она настоящая? — спросила девушка.

— Насколько может быть настоящим альбом, составленный значительно позднее оригиналов.

— Нет, я про рисунки.

— Подлинные работы находятся в нескольких частных коллекциях. Книга собрана по их изображениям.

Эрия перевернула страницу.

На пожелтевшей бумаге виднелось море, нарисованное тонкими чернильными линиями. Над ним поднимались облака, а в правом углу художник изобразил маленькую лодку.

— Невероятно красиво.

Варен смотрел не на рисунок, а на неё.

— Рад, что тебе нравится.

Эрия хотела немедленно устроиться в кресле и начать рассматривать альбом, но заметила, как Гинта вошла в гостиную и остановилась возле двери.

— Господин Варен, Адель ожидает вас в кабинете.

— Благодарю.

Он поднялся.

Эрия нехотя закрыла книгу.

— Ты уже уезжаешь?

— Скоро. Сначала мне нужно обсудить несколько вопросов с Аделем.

— О моих занятиях?

— В том числе.

Она кивнула.

Варен подошёл к ней и осторожно коснулся её подбородка, побуждая поднять голову.

— У тебя хорошие результаты, Эри. Я внимательно изучил последние отчёты и очень доволен тем, как ты развиваешься.

Она улыбнулась.

— Правда?

— Да. Ты становишься сильнее с каждым месяцем. Твоя мать, полагаю, была бы поражена.

При упоминании матери Эрия невольно замерла.

Варен редко говорил о её семье.

Она помнила мать плохо. Иногда в памяти всплывало светлое лицо, густые волосы, чей-то смех. Был ещё голос, певший что-то негромкое перед сном, но слова давно забылись.

Эрия не знала, почему некоторые воспоминания сохранились так отчётливо, а другие исчезли совершенно.

— Ты её помнишь? — спросила она.

— Разумеется.

— Какой она была?

Варен некоторое время смотрел на неё.

— Очень красивой. И очень способной.

Эрия опустила взгляд на свои руки.

— Я похожа на неё?

— Глазами. И, пожалуй, улыбкой.

Она невольно улыбнулась ещё шире.

Варен мягко коснулся её щеки.

— Но твоя сила значительно превосходит всё, на что была способна она.

Эрия не ответила.

Почему-то при упоминании силы ей стало немного грустно.

Варен наклонился и поцеловал её в щёку. Его лицо на мгновение задержалось возле её волос; он тихо вдохнул, словно наслаждаясь нежным, едва различимым ароматом, а затем отстранился.

— Береги себя, моя дорогая. И постарайся не слишком утомляться за чтением.

— Ты говоришь совсем как Гинта.

— Тогда, возможно, стоит иногда нас слушать.

Он улыбнулся.

Эрия тоже засмеялась.

Проводив его взглядом, она осталась стоять возле кресла с новым альбомом в руках.

Варен ещё некоторое время разговаривал с Аделем за закрытой дверью кабинета. Из гостиной невозможно было разобрать ни единого слова, только иногда доносились приглушённые голоса. Эрия не пыталась прислушиваться. Она знала, что Адель непременно расскажет о занятиях, что Варен задаст вопросы о её состоянии, а затем оба придут к выводу, что подготовка идёт успешно.

Вскоре за окном снова послышался шум двигателя.

Эрия подошла к стеклу.

Машина медленно выехала со двора, скрылась за деревьями, и сад вновь погрузился в привычную тишину.

Она постояла ещё немного, прижимая книгу к груди.

Варен обещал ей весь мир.

Океаны, театры, города, музеи, путешествия. Всё, о чём она читала и что столько лет существовало для неё лишь на страницах книг. Ей предстояло увидеть настоящие горы, спуститься к морю, побродить по старым европейским улочкам, оказаться среди тысяч незнакомых людей, каждый из которых жил собственной, совершенно не похожей на её жизнь.

До исполнения этих обещаний оставалось совсем немного.

Эрия посмотрела на тёмно-синий переплёт, осторожно провела пальцами по серебряному рисунку и вернулась в кресло. Она собиралась рассмотреть всего несколько страниц перед ужином, но старинные карты оказались настолько увлекательными, что совершенно незаметно для себя девушка потеряла счёт времени.

Через час Гинта нашла её там же, с поджатыми ногами, поглощённую изображением Средиземного моря. Женщина напомнила об ужине, поправила сползший с плеча плед и оставила Эрию заканчивать страницу.

На карте тонкими чернильными линиями были обозначены торговые пути. Они пересекали море, расходились у побережий, соединяли города, названия которых Эрия знала наизусть. Она медленно провела пальцем вдоль одного из маршрутов, представляя, как корабль покидает порт и отправляется туда, где его ещё никогда не видели.

Интересно, с какого города Варен предложит начать?

Она улыбнулась этой мысли, но почти сразу вспомнила их разговор.

Если мне окажется слишком тяжело?

Тогда мы замедлимся.

Варен ответил ей так мягко, так уверенно, что в тот момент она почувствовала настоящее облегчение. Он не собирался причинять ей лишнюю боль. Он обещал заботиться о ней, и у Эрии не было причин сомневаться в его словах.

И всё же теперь, оставшись одна, она вдруг подумала о том, чего не спросила.

Что, если однажды ей понадобится не замедлиться?

Что, если она просто больше не сможет?

Эрия подняла глаза от книги. За окном уже сгущались сумерки, и лес, ещё недавно залитый солнцем, постепенно растворялся в синеватой тени. В доме было тепло, где-то на кухне негромко звенела посуда, а рядом лежали новые книги, которые она так давно хотела получить.

Она снова посмотрела на карту.

Варен обещал ей весь мир.

Но о том, сможет ли она однажды отказаться от того, что он попросит взамен, они никогда не говорили.

Глава 2. За границей

В день своего восемнадцатилетия Эрия проснулась раньше обычного.

Она не сразу открыла глаза, некоторое время прислушиваясь к дому, который ещё не успел наполниться утренними звуками. За окном было тихо, лишь где-то далеко, среди деревьев, настойчиво перекликались птицы. Ночь выдалась прохладной, и от приоткрытой створки тянуло свежестью, пахнущей влажной корой и последними летними цветами.

Эрия лежала на спине, разглядывая бледный потолок, и пыталась понять, изменилось ли что-нибудь.

Ничего не изменилось.

Одеяло по-прежнему было мягким и тёплым. На прикроватном столике стоял стакан воды, который она забыла выпить перед сном. В кресле лежала книга, оставленная на середине главы, а на полу возле кровати — домашние туфли, одна из которых почему-то снова оказалась перевёрнутой.

Ей исполнилось восемнадцать.

Вчера она была семнадцатилетней, а сегодня стала взрослой женщиной, хотя тело не обнаруживало никаких признаков перемены, мысли оставались прежними, и даже солнечный свет, осторожно добиравшийся до края подушки, ничем не отличался от вчерашнего.

Она повернулась на бок, подперев щёку ладонью.

Когда Эрия была маленькой, ей казалось, что взрослость непременно наступает каким-то особенным образом. Возможно, человек должен почувствовать, как внутри него что-то меняется, как мысли становятся яснее, а желания — серьёзнее. Может быть, появляется способность принимать правильные решения или хотя бы перестаёшь бояться того, чего раньше боялся.

Теперь она подозревала, что ничего подобного не существует.

Вероятно, люди просто просыпаются однажды утром и обнаруживают, что окружающие начали относиться к ним иначе.

Впрочем, к ней вряд ли кто-нибудь начнёт относиться иначе.

Гинта по-прежнему будет ругаться из-за незаправленной кровати, Адель — требовать сосредоточенности, а Варен, когда приедет в следующий раз, непременно погладит её по голове и назовёт своей дорогой.

От этой мысли Эрия улыбнулась, хотя вскоре улыбка исчезла.

Она подумала о том, что через месяц, возможно, уже не будет просыпаться в этой комнате.

Ей предстояло покинуть дом.

Ещё недавно эта возможность казалась почти невероятным счастьем. Теперь, когда отъезд приобрёл вполне определённые очертания, Эрия неожиданно обнаружила, как много здесь вещей, с которыми ей не хочется расставаться.

С окнами, которые Гинта велела держать приоткрытыми.

С библиотекой, где книги стояли так тесно, что некоторые приходилось вытаскивать обеими руками.

С огромным дубом в саду, под которым летом всегда собиралась приятная прохлада.

Даже со старым каменным фонтаном, который они так и не починили.

Это было глупо, разумеется. Варен обещал ей прекрасный новый дом, несравнимо больший и роскошный, а при желании она сможет обзавестись собственной библиотекой.

Но её книги были именно здесь.

И дуб тоже.

Эрия отвернулась от окна и некоторое время рассматривала солнечные полосы на стене.

Она очень хотела увидеть мир.

Но ей совсем не хотелось, чтобы для этого непременно пришлось потерять всё остальное.

* * *

За завтраком Гинта поздравила её с днём рождения и поставила на стол маленькую вазочку с земляникой, собранной в саду.

— Последняя в этом году, — заметила женщина. — Почти вся уже отошла.

Эрия взяла ягоду за плодоножку.

— Спасибо.

— С днём рождения, Эри.

Она улыбнулась.

— Спасибо, Гинта.

Некоторое время они завтракали молча. На кухне пахло свежим хлебом, за открытым окном возились птицы, а настенные часы отмеряли минуты с такой безупречной точностью, что Эрия невольно подумала: даже они, вероятно, не заметили ничего особенного.

Гинта спросила, хорошо ли она спала.

Эрия ответила, что хорошо.

Потом они немного поговорили о погоде. Гинта собиралась собрать последние яблоки до того, как начнутся осенние дожди, а Эрия предложила испечь пирог с корицей. Женщина пообещала подумать, хотя обе знали, что пирог непременно будет.

Адель, встретив её позже в коридоре, сказал:

— Поздравляю с совершеннолетием.

Эрия остановилась.

— Спасибо.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Как самочувствие?

— Прекрасное.

— Тогда увидимся в двенадцать.

Она рассмеялась.

— Ты даже сегодня не можешь обойтись без занятий?

— А что изменилось?

Эрия некоторое время смотрела на него, ожидая, что он улыбнётся.

Но Адель, кажется, действительно хотел получить ответ.

— Ничего, — сказала она.

Он удовлетворённо кивнул и отправился по своим делам.

К полудню Эрия успела закончить несколько страниц книги, прогуляться по саду и съесть почти всю землянику, оставленную Гинтой. Потом переоделась, убрала волосы и пошла в восточное крыло.

Занятие ничем не отличалось от других.

Адель проверял устойчивость её магических построений, заставлял принимать и удерживать чужие переживания, несколько раз усиливал болевое воздействие, когда считал, что она слишком легко справляется с предыдущим. Эрия сердилась, уставала, иногда просила сделать перерыв. Один раз не выдержала и резко отдёрнула руку, из-за чего на коже остался болезненный порез, который пришлось дополнительно обрабатывать.

Когда всё закончилось, Адель похвалил её за хороший результат.

Она поблагодарила его и отправилась наверх.

За ужином Гинта подала яблочный пирог с корицей, а затем принесла небольшой свёрток, перевязанный зелёной лентой.

Внутри лежала заколка для волос.

Она была сделана из серебра, с тонкими веточками и крошечными жемчужинами, похожими на капли росы. Эрия долго рассматривала её на ладони, осторожно трогая кончиками пальцев маленькие листочки.

— Какая красивая.

— Я подумала, что тебе понравится.

Эрия встала и обняла Гинту.

Женщина неловко погладила её по спине.

— Только не потеряй.

— Не потеряю.

— И не надевай на занятия.

— Гинта!

Та сдержанно улыбнулась.

Эрия попросила помочь ей заколоть волосы, потом побежала в спальню посмотреться в зеркало и вернулась довольная, с высоко поднятой головой.

Вечером она снова читала.

Из-за занятий руки ещё немного болели, поэтому книгу приходилось держать на коленях. На улице постепенно темнело, воздух становился холоднее, а в библиотеке зажглись лампы, наполнив стены мягким золотистым светом.

Это был хороший день.

Вкусная еда, подарок, любимые книги, спокойный вечер.

Если бы он не назывался днём рождения, Эрия едва ли смогла бы отличить его от сотен других.

Перед сном она открыла окно пошире и долго стояла, вдыхая ночной воздух.

Ей хотелось почувствовать радость.

Она действительно радовалась тому, что скоро уедет. Радовалась предстоящим путешествиям, новой жизни, возможности увидеть всё то, что раньше существовало для неё только на страницах книг.

И всё же под этой радостью жило другое чувство — негромкое, настойчивое, похожее на тяжесть в груди перед долгим и неприятным разговором.

Эрия уже несколько раз пыталась определить, чего именно боится.

Боли? Безусловно, она боялась боли. Даже после стольких лет занятий не научилась относиться к ней с полным равнодушием.

Неизвестности? Наверное.

Но дело заключалось не только в этом.

До сих пор её жизнь состояла из вещей, которые можно было измерить.

Четыре часа испытаний. Несколько дней до следующего кормления. Неделя до приезда Варена. Месяц до нового времени года.

Даже самые неприятные занятия неизменно заканчивались.

В четыре часа Адель снимал заклятия, и она могла уйти.

А вот о том, когда закончатся её будущие обязанности, никто никогда не говорил.

Эрия положила ладони на подоконник. Дерево успело остыть за ночь, и его гладкая поверхность приятно холодила кожу.

Может быть, я просто слишком много думаю.

Варен говорил, что она иногда склонна тревожиться из-за вещей, которые ещё не произошли. Гинта считала, что это следствие чрезмерного чтения, а Адель вообще относился к подобным переживаниям как к разновидности эмоционального шума, мешающего сосредоточиться.

Возможно, все трое были правы.

Она закрыла окно и отправилась спать.

Восемнадцатый год её жизни начался.

* * *

Следующие дни почти не отличались друг от друга.

Эрия не считала их специально, но замечала, как постепенно меняется сад. По утрам на листьях стало больше росы, между деревьями задерживался холодный туман, а солнце всё реже добиралось до дальних уголков библиотеки. На яблонях осталось совсем немного плодов. Гинта собирала их в плетёные корзины и складывала в кладовую, сердито отгоняя Эрию, которая постоянно пыталась стащить наиболее красивые.

Варен прислал короткое поздравление и обещал вскоре приехать снова.

Адель продолжал испытания. Иногда они проходили лучше, иногда хуже; однажды Эрия удержала особенно тяжёлое чувство почти без усилий, а на следующий день не сумела справиться с гораздо более простым заданием и до вечера мучилась раздражением, причины которого не могла объяснить.

Она занималась музыкой, читала, помогала Гинте в саду.

Несколько раз возвращалась мыслями к разговору с Вареном.

Тогда мы замедлимся.

Эрия находила в этих словах утешение. Ей нравилось представлять, что после свадьбы между занятиями будут целые дни отдыха. Они смогут куда-нибудь поехать, провести вечер в театре, а потом вернуться домой, и никто не станет требовать от неё немедленно продолжить работу.

Возможно, Варен даже разрешит ей иметь собственное расписание.

Мысль казалась настолько приятной, что она иногда задерживалась на ней подолгу, придумывая, как будет выглядеть её первый настоящий день в городе.

Утром можно позавтракать в кафе. Не дома, а среди других людей, которых она никогда раньше не видела. Затем отправиться в музей или книжный магазин. Пообедать где-нибудь на открытой террасе, если погода позволит, а вечером просто гулять, разглядывая освещённые окна домов.

Ей особенно хотелось самой выбрать, куда пойти.

Не потому, что предложенные Вареном места обязательно оказались бы плохими. Напротив, он наверняка знал самые интересные рестораны, прекрасные театры и знаменитые музеи.

Но было что-то необыкновенно привлекательное в мысли, что можно однажды выйти из дома и решить, куда направиться, уже стоя на улице.

Повернуть направо вместо налево.

Пойти за незнакомой мелодией.

Остановиться возле витрины, потому что внутри увидела красивую чашку.

Она не знала, почему эта возможность занимала её так сильно.

Возможно, всё дело было в книгах. Их герои постоянно принимали подобные решения, и Эрия привыкла думать, что именно из них складывается жизнь.

В один из таких дней, незадолго до обеда, она взяла из библиотеки книгу и отправилась в сад.

Утро было прохладным, но солнечным. Ветер шевелил верхушки деревьев, по дорожкам скользили прозрачные тени, а возле старого фонтана собрались несколько воробьёв, которые шумно спорили из-за чего-то, найденного в пустой каменной чаше.

Эрия устроилась на скамье под дубом, подложив под спину свёрнутый кардиган, и раскрыла книгу.

Некоторое время она читала, время от времени отвлекаясь на птиц.

Затем поднялся ветер.

Страницы зашелестели, пришлось придержать их ладонью. Эрия недовольно посмотрела на деревья и переложила волосы через плечо, чтобы длинные пряди не лезли в лицо.

Ей нравился ветер, но только когда не приходилось читать.

Ветер усилился.

Из кроны дуба сорвался небольшой сухой лист. Он закружился над дорожкой, подхваченный потоком воздуха, и полетел в сторону леса.

Эрия проследила за ним взглядом.

Лист летел довольно долго.

Дольше, чем должен был.

Он миновал ближайшие кусты, описал широкую дугу над влажной травой, затем проскользнул между двумя елями и исчез в глубине леса.

Эрия медленно опустила книгу.

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что именно привлекло её внимание.

Потом она встала.

За садом, там, где между деревьями проходила граница защитного заклятия, воздух выглядел совершенно обыкновенным. Не было привычного лёгкого мерцания, которое иногда появлялось даже в прохладную погоду. Не чувствовалось едва заметного давления, возникавшего всякий раз, когда она подходила слишком близко.

Эрия нахмурилась.

Возможно, свет падал под другим углом.

Она хорошо знала, что заклятие не всегда можно увидеть.

Однако сухой лист…

Лист совершенно точно улетел туда, куда раньше не смог бы попасть.

Эрия положила книгу на скамью и медленно направилась к деревьям.

На траве ещё лежала роса. Мягкие туфли быстро намокли, холод проник сквозь тонкую кожу подошв, но девушка почти не обращала на это внимания. Она прошла мимо последних кустов роз, пересекла небольшую поляну и остановилась возле двух старых елей, между которыми обычно особенно отчётливо ощущалось присутствие преграды.

Здесь заканчивался сад.

Дальше начинался лес, где никто не подрезал нижние ветви, не убирал опавшую хвою и не прокладывал дорожек. Земля была покрыта густым слоем мха, среди корней темнели влажные углубления, а высокие стволы уходили вверх так тесно, что их кроны почти смыкались.

Эрия стояла неподвижно.

Она бывала здесь множество раз.

В детстве пыталась просунуть сквозь защиту палку, бросала камешки, швыряла шишки. Позднее, когда ей надоели эти игры, иногда просто подходила к границе и смотрела на деревья.

Она знала это место почти наизусть.

У левой ели был длинный изогнутый корень, напоминавший спину спящего животного. Возле правой рос небольшой куст папоротника. Чуть дальше лежал поваленный ствол, покрытый бледными лишайниками.

Всё было на своих местах.

Только воздух между деревьями казался пустым.

Эрия протянула руку.

Она ожидала почувствовать привычное сопротивление — лёгкое, упругое, похожее на прикосновение к плотной прохладной ткани.

Но пальцы ничего не встретили.

Её рука свободно прошла между елями.

Эрия замерла.

Затем медленно отвела её назад.

Попробовала снова.

Ничего.

Она сделала маленький шаг вперёд.

Носок туфли коснулся мха по ту сторону границы.

Эрия смотрела на собственную ногу так пристально, словно та совершила нечто совершенно невероятное.

Потом перенесла вес тела.

И оказалась за защитой.

* * *

Сначала она ничего не почувствовала.

Во всяком случае, ничего необычного.

Под ногами был мягкий мох. От земли поднимался влажный, терпкий запах грибов и хвои. Воздух здесь казался чуть холоднее, чем в саду, а где-то неподалёку негромко постукивал дятел.

Эрия стояла между деревьями, осторожно дыша, и смотрела на мир, который ничем не отличался от того, что она видела из окна.

Обычный лес.

Неровная земля.

Корни.

Папоротники.

Солнечные пятна на мху.

Она ожидала чего угодно, только не этой поразительной обыкновенности.

Обернувшись, Эрия увидела собственный дом.

Его крыша выглядывала из-за деревьев, белые стены были залиты солнцем, а на открытой террасе сушились полотенца, которые Гинта развесила утром. Чуть дальше виднелась скамья под дубом. На ней по-прежнему лежала раскрытая книга, страницы которой беспокойно перелистывал ветер.

Всё находилось удивительно близко.

Достаточно было сделать несколько шагов, чтобы вернуться.

Эрия даже подняла ногу, собираясь переступить обратно через невидимую границу.

Но остановилась.

Ей вдруг захотелось проверить, насколько далеко можно пройти.

Не убегать. Даже не уходить по-настоящему.

Просто посмотреть.

Возможно, за теми деревьями находился ручей, о котором она столько раз слышала от Гинты. Или небольшая поляна. Может быть, удастся увидеть какое-нибудь лесное животное, которое не решалось подходить к дому.

Потом она вернётся.

Расскажет Гинте, что защитное заклятие почему-то перестало работать, и та непременно сообщит Аделю.

Адель рассердится.

Наверное, они проведут остаток дня за проверками.

Но пока…

Эрия сделала ещё один шаг.

Мох приятно пружинил под ногами.

Ещё один.

Она обошла поваленный ствол, осторожно придерживаясь рукой за влажную кору. Затем пробралась между двумя молодыми берёзами, нижние ветви которых задевали её плечи.

Дом всё ещё был виден.

Эрия оглянулась.

Белые стены выглядывали из-за еловых стволов, совсем близко, словно достаточно протянуть руку.

Она улыбнулась.

И пошла дальше.

Через несколько минут деревья стали гуще. Солнечный свет теперь падал на землю узкими косыми полосами, воздух наполнился запахом влажной древесины, а под ногами вместо мягкого мха всё чаще попадались сучья.

Эрия подняла подол платья, чтобы не запачкать его, и ловко перешагнула через упавшую ветку.

Потом остановилась.

Оглянулась.

Дом исчез.

Она больше не видела ни крыши, ни террасы, ни знакомых очертаний сада.

Между ней и всем, что составляло её жизнь, стояли только деревья.

Эрия почувствовала, как что-то странное и горячее поднимается от живота к груди.

Сердце забилось быстрее.

Она прислушалась.

Ничего.

Ни голоса Гинты.

Ни шагов Аделя.

Ни привычного далёкого звона часов.

Только лес.

И она сама.

Эрия медленно повернулась вокруг своей оси.

Можно было возвращаться. Она прекрасно понимала, что нарушает правила, хотя даже не знала, существует ли на этот случай специальный запрет. Никто никогда не объяснял ей, что делать, если защитное заклятие вдруг исчезнет. Вероятно, потому, что такая возможность не рассматривалась всерьёз.

Она могла просто вернуться и всё рассказать.

Поступила бы правильно.

Гинта непременно похвалила бы её за благоразумие.

Адель, возможно, даже не стал бы сердиться.

Эрия посмотрела туда, где сквозь ветви пробивался солнечный свет.

Там деревья стояли немного реже.

За ними могло быть что угодно.

Она медленно вдохнула.

Воздух пах мокрой землёй, смолой и чем-то ещё — незнакомым, свежим, чуть горьковатым.

Эрия внезапно рассмеялась.

Сама не поняла почему.

Смех вырвался неожиданно, лёгкий и почти беззвучный. Она прикрыла рот ладонью, словно кто-то мог услышать, но тут же отняла руку.

Здесь никого не было.

Никто не смотрел на неё.

Никто не мог сказать, что нужно вернуться к обеду, убрать волосы или поторопиться на занятия.

Ей пришла в голову совершенно нелепая мысль.

А что, если побежать?

Эрия посмотрела на узкую полоску просвета между деревьями.

И побежала.

Сначала осторожно, стараясь не споткнуться о корни, придерживая одной рукой платье, а другой отводя ветки от лица. Потом быстрее. Её волосы заструились за спиной, туфли заскользили по влажной земле, а сердце забилось так сильно, что она слышала его удары в ушах.

Лес стремительно приближался и отступал.

Стволы деревьев мелькали по сторонам, свет разрывался на множество золотистых пятен, под ногами хрустели ветки, и Эрия всё чаще смеялась, хотя дышать становилось трудно.

Она перепрыгнула через небольшой ручей.

Приземлилась неудачно, едва не упала, но удержалась, ухватившись за ветку орешника. Та хлестнула её по руке, оставив тонкую красную царапину.

Эрия даже не заметила боли.

Она бежала.

Никогда прежде ей не приходилось бегать так долго и так быстро, не преследуя никакой цели.

В саду она иногда устраивала себе короткие пробежки, соревновалась с собственной тенью, старалась догнать падающий лист или добежать до фонтана быстрее, чем Гинта досчитает до десяти. На занятиях Адель заставлял её двигаться в определённом темпе, иногда преодолевать препятствия или выполнять упражнения на выносливость.

Но всё это происходило по правилам.

Нужно было начинать по команде и останавливаться, когда скажут.

Сейчас никто ничего не говорил.

Эрия неслась сквозь лес, перепрыгивала через корни, спотыкалась, снова выпрямлялась, и каждый новый шаг приносил ей какое-то невероятное, почти болезненное удовольствие.

Ноги наливались тяжестью.

В боку закололо.

Она остановилась только тогда, когда лёгкие начали гореть от нехватки воздуха.

Согнувшись, Эрия упёрлась ладонями в колени и долго пыталась отдышаться.

Вокруг шумел лес.

С ветвей падали капли вчерашнего дождя, где-то высоко пронзительно крикнула птица. По стволу ближайшего дерева быстро взбежала белка, остановилась, посмотрела на девушку с явным неодобрением и скрылась в кроне.

Эрия проводила её взглядом.

— Прости, — сказала она и снова рассмеялась.

Потом выпрямилась.

Волосы растрепались, платье испачкалось, на предплечье краснела длинная царапина. Один из рукавов зацепился за колючий куст, и пришлось осторожно освобождать ткань, стараясь не порвать её окончательно.

Она чувствовала себя восхитительно.

Никогда прежде лес не казался ей таким огромным.

До сих пор он существовал за окнами и за защитной границей, красивый, спокойный, хорошо знакомый. Теперь у него появились собственные глубины, запахи, звуки, множество дорог, которых никто не прокладывал, и мест, где не ступала ни одна знакомая ей нога.

Эрия медленно повернулась, разглядывая деревья.

В какую сторону находится дом?

Она не сразу поняла.

Солнце стояло высоко, пробиваясь сквозь кроны, но определить направление оказалось сложнее, чем представлялось по книгам. Здесь не было знакомой дорожки, старого дуба или поваленного ствола с лишайниками. Все ели казались похожими друг на друга, берёзы белели между ними, а земля под ногами была сплошь покрыта влажными листьями.

Эрия нахмурилась.

Наверное, нужно идти назад.

Она попыталась вспомнить, как бежала.

Сначала прямо, потом немного левее, после ручья направо…

Или наоборот?

Внезапно ей стало смешно от собственной глупости.

Она столько раз читала о людях, которые терялись в лесу, и всегда недоумевала, почему они не обращают внимания на окружающую местность.

Теперь оказалось, что следить за направлением гораздо труднее, когда вокруг столько интересного.

Эрия сделала несколько шагов в ту сторону, откуда, по её мнению, пришла.

Остановилась.

Посмотрела на солнце.

Повернула обратно.

Нет, наверное, сюда.

Она ещё немного постояла, прислушиваясь к птицам.

А потом вдруг осознала, что не особенно хочет искать дорогу домой.

Не сейчас.

В доме её, вероятно, уже ждут к обеду.

Гинта будет недовольна.

Адель, если обнаружит отсутствие защитного заклятия, наверняка немедленно начнёт его восстанавливать.

И если Эрия вернётся, то уже не сможет снова выйти за границу.

Она посмотрела на собственные руки, испачканные землёй.

На тонкую царапину, оставленную веткой.

На влажные туфли, которые совершенно не подходили для лесных прогулок.

Всё это было настоящим.

Не из книги, не из рассказа Анны, не из обещаний Варена.

Она сама пришла сюда.

Сама выбрала направление.

И никто не знал, где она находится.

Эрия подняла голову.

Впереди между деревьями виднелся светлый участок леса, за которым, возможно, находилась поляна.

Она ещё не решила, что будет делать дальше.

Но ноги уже несли её туда.

* * *

К тому времени, когда солнце начало клониться к западу, Эрия окончательно сбилась со счёта пройденным расстояниям.

Она успела обнаружить небольшой ручей с такой прозрачной водой, что на дне были видны отдельные камешки, перейти через заболоченную низину, где испачкала платье почти до колен, и увидеть оленя.

Последнее потрясло её особенно сильно.

Животное появилось неожиданно, выйдя из зарослей на небольшой освещённый участок леса. Высокое, стройное, с мягкой коричневой шерстью и огромными настороженными ушами, оно несколько мгновений неподвижно смотрело на неё.

Эрия остановилась.

Олень повернул голову.

Они рассматривали друг друга.

Она боялась даже вздохнуть.

Потом животное сделало несколько неспешных шагов, внезапно встрепенулось и одним стремительным движением исчезло среди деревьев.

Эрия стояла ещё долго.

Ей хотелось немедленно кому-нибудь рассказать об увиденном.

Гинте.

Или Варену.

Особенно Варену — он непременно назвал бы вид животного, объяснил, почему оно оказалось так близко, и, возможно, рассказал какую-нибудь интересную историю.

Она даже представила, как будет рассказывать ему о своей прогулке.

И тут же поняла, что вряд ли сможет.

Потому что ей не разрешали покидать дом.

Потому что защитное заклятие исчезло, а она не сообщила об этом.

Потому что вместо того, чтобы вернуться, побежала неизвестно куда.

От этой мысли восторг на мгновение померк.

Эрия остановилась возле дерева и провела ладонью по шероховатой коре.

Теперь, когда первоначальное возбуждение улеглось, в голове начали появляться вопросы.

Сколько прошло времени?

Часа четыре?

Пять?

Возможно, больше.

Гинта уже наверняка ищет её.

Адель, вероятно, обнаружил пропажу.

Что они сделают?

Эрия попыталась представить выражение его лица, когда выяснится, что она ушла за границу.

Он рассердится.

Очень.

Возможно, Варен тоже будет недоволен.

И хотя девушка не помнила ни единого случая, когда тот по-настоящему кричал на неё, мысль о его разочаровании оказалась неприятнее, чем она ожидала.

Она медленно опустилась на поваленный ствол.

Ноги гудели от долгой ходьбы. Обе туфли промокли, пятки саднило, а под правой стопой образовалось болезненное натёртое место. На платье темнели следы грязи, волосы запутались настолько, что при попытке убрать их за спину пальцы застряли в густых прядях.

Эрия вытянула ноги и посмотрела на них.

Нужно было взять более удобную обувь.

И воду.

И что-нибудь поесть.

Она тихо рассмеялась.

Как нелепо.

В библиотеке стояли десятки книг о путешествиях, географии и выживании в дикой природе. Она читала истории людей, пересекавших пустыни, горы и океаны, знала, каким образом можно определить стороны света, развести огонь и найти источник питьевой воды.

И при этом отправилась в лес в лёгком платье, с заколкой в волосах и без единого куска хлеба.

Заколка, к счастью, осталась на месте.

Эрия осторожно коснулась серебряных веточек, удерживавших часть волос у затылка.

Подарок Гинты.

Ей вдруг стало грустно.

Наверное, Гинта уже беспокоится.

Может быть, сердится.

Она редко показывала страх, но Эрия знала, что женщина способна тревожиться из-за совершенно незначительных вещей. Из-за открытого окна зимой, пропущенного обеда, небольшой ранки, которую девушка забыла обработать.

А теперь Эрия исчезла.

Без предупреждения.

Она посмотрела в сторону, где между деревьями сгущалась вечерняя тень.

Можно было попытаться вернуться.

Сейчас, пока ещё светло.

Если идти достаточно долго, наверняка удастся найти знакомые места. Возможно, какой-нибудь след собственной обуви. Или ручей, который она перепрыгнула в начале пути.

Дом ведь не мог исчезнуть.

Он находился где-то позади.

Там были её книги, мягкая кровать, тёплая ванна, яблочный пирог, оставшийся после дня рождения.

Там были Гинта и Адель.

Там был Варен, который скоро приедет за ней.

Эрия представила, как снова входит в знакомую прихожую.

Гинта сначала обнимет её, потом начнёт сердиться.

Адель потребует объяснений.

Возможно, за нарушение правил ей назначат дополнительные занятия.

Защитное заклятие восстановят.

И лес снова окажется по ту сторону невидимой стены.

Она долго сидела неподвижно.

Потом медленно подняла голову.

Где-то вдали солнце освещало верхушки деревьев, окрашивая их в мягкий медный цвет. Ветер шевелил траву, над землёй летали маленькие насекомые, а воздух постепенно наполнялся прохладой приближающегося вечера.

Впереди лежал огромный незнакомый мир.

Она совершенно не представляла, где находится и сколько ещё придётся пройти, прежде чем встретятся первые люди.

Но впервые в жизни между ней и этим миром не было ничего.

Ни стены.

Ни заклятия.

Ни чужого разрешения.

Эрия глубоко вдохнула.

Она знала, что должна вернуться.

Знала, что её будут искать.

Знала, что за сегодняшний поступок могут последовать наказания, и едва ли Варен сочтёт произошедшее безобидной прогулкой.

Но ведь она всё равно скоро должна была покинуть дом.

Всего через месяц.

Через месяц ей обещали города, океаны, путешествия, возможность увидеть собственными глазами всё, о чём она столько читала.

А что, если я посмотрю раньше?

Мысль возникла так просто, что Эрия даже не сразу осознала её дерзость.

Не ждать свадьбы.

Не ждать Варена.

Не ждать, пока кто-нибудь решит, что она готова.

Всего несколько дней.

Может быть, один.

Она найдёт дорогу, увидит настоящий город, побродит среди людей, зайдёт в какое-нибудь кафе, а потом…

Что потом, Эрия не знала.

Она ещё никогда не принимала решений, последствия которых простирались дальше следующего утра.

Но сейчас ей казалось, что придумать продолжение можно позднее.

Она встала со ствола, осторожно расправила помятое платье и посмотрела туда, где за деревьями догорал солнечный свет.

— Ну, — сказала она самой себе, — посмотрим.

И пошла дальше.

Лишь много часов спустя, когда окончательно стемнеет, ноги начнут кровоточить, а лес наполнится незнакомыми ночными звуками, Эрия поймёт, что сделала.

Она сбежала.

Не отправилась на прогулку.

Не нарушила границу из любопытства.

Не задержалась по дороге домой.

Она ушла из дома, в котором прожила почти всю сознательную жизнь, и не знала, вернётся ли когда-нибудь.

Но пока впереди ещё оставалось немного света, и Эрия шла ему навстречу, осторожно выбирая дорогу между корнями.

Ей хотелось увидеть, куда он приведёт.

* * *

Первые сомнения появились, когда стемнело настолько, что Эрия перестала различать собственные ноги.

До этого лес казался ей дружелюбным. Даже когда деревья стояли слишком тесно, а ветви царапали лицо, сквозь кроны проникало достаточно света, чтобы видеть дорогу. Теперь же пространство вокруг постепенно лишалось привычных очертаний. Стволы сливались друг с другом, кустарники превращались в тёмные бесформенные пятна, а земля под ногами словно нарочно подсовывала корни именно туда, куда она собиралась наступить.

Эрия остановилась возле большой ели и огляделась.

Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как покинула сад. Солнце уже скрылось, но над верхушками деревьев ещё сохранялся слабый остаточный свет, окрашивавший небо в бледно-синий цвет. Гораздо ниже, среди стволов, сумерки успели превратиться в почти непроглядную темноту.

Оказалось, что в лесу ночь наступает значительно раньше, чем на открытом пространстве.

Об этом она, разумеется, читала.

Но в книгах подобное обстоятельство редко казалось существенным. Обычно герой просто разводил костёр, находил подходящее место для ночлега и продолжал путешествие на следующий день.

Эрия посмотрела на свои руки.

Развести костёр она теоретически умела.

В библиотеке имелось превосходное пособие по выживанию, в котором подробно объяснялось, какие породы дерева лучше подходят для добывания огня трением, как приготовить растопку и каким образом защитить пламя от ветра.

Беда заключалась в том, что автор явно предполагал наличие у читателя некоторого количества полезных вещей.

У Эрии не было даже ножа.

Она подумала об этом с неожиданной досадой. За последние несколько часов выяснилось, что ни знания о мореплавании, ни умение читать на нескольких языках, ни подробное знакомство с историей архитектуры практически не помогают человеку, который оказался посреди леса в вечернем платье и совершенно неподходящей обуви.

Платье, к слову, окончательно испортилось.

По подолу тянулись длинные полосы грязи. На правом рукаве виднелась небольшая прореха, а возле колена ткань зацепилась за колючки и местами разошлась по шву.

Гинта пришла бы в ужас.

Эрия невольно улыбнулась.

Потом посмотрела на темнеющие деревья, и улыбка исчезла.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Значит, нужно где-нибудь переночевать.

Собственный голос прозвучал непривычно громко.

До сих пор ей не доводилось проводить столько времени одной. В доме всегда находился кто-то ещё. Даже когда Гинта и Адель занимались своими делами, Эрия знала, что может позвать их, услышать шаги в коридоре или найти на кухне оставленный чайник.

Здесь на её слова никто не ответил.

Она попробовала оглядеться внимательнее.

Неподалёку возвышалось старое дерево с толстыми корнями, между которыми образовалось небольшое углубление. С одной стороны его прикрывал поваленный ствол, с другой — густые ветви молодого ельника. Место выглядело достаточно сухим и хотя бы частично защищённым от ветра.

Эрия подошла ближе, присела на корточки и осторожно потрогала землю.

Влажная, но не мокрая.

Она вытащила несколько острых сучьев, отодвинула листья, которые особенно неприятно пахли прелостью, и попыталась устроиться между корнями.

Получилось не сразу.

Один корень упирался в спину, другой мешал вытянуть ноги, а когда Эрия наконец нашла подходящее положение, выяснилось, что прямо над головой свисает ветка, с которой при малейшем движении сыплется хвоя.

Пришлось устраиваться заново.

Она обхватила колени руками и прислонилась плечом к стволу.

Ветер шевелил верхушки деревьев. Время от времени где-то в темноте раздавался треск, за которым следовало шуршание листвы. Один раз неподалёку что-то тяжело задвигалось среди кустов, и Эрия так резко подняла голову, что ударилась затылком о дерево.

Она замерла.

Прислушалась.

Шорох повторился.

Наверное, животное.

Эта мысль не принесла облегчения.

До сегодняшнего дня ей нравились лесные животные. Белки казались забавными, птицы — красивыми, а встреча с оленем стала одним из самых восхитительных событий её жизни.

Но одно дело — наблюдать за животным днём, когда оно само стремится от тебя убежать, и совершенно другое — слышать, как в темноте кто-то движется между деревьями, не имея ни малейшего представления о его размерах и намерениях.

Эрия вспомнила, что в этих лесах могут водиться кабаны.

И волки.

И, возможно, медведи.

Она не знала, насколько далеко простираются владения Варена и каких животных он допускает на свою территорию. Раньше это не имело значения.

Теперь внезапно приобрело.

Из кустов что-то выбралось, хрустнуло сухой веткой и удалилось.

Эрия ещё несколько минут сидела неподвижно.

Затем осторожно выдохнула.

— Надеюсь, мы не познакомимся, — сообщила она темноте.

Ответом стало стрекотание какого-то насекомого.

Она попыталась рассмеяться, но вышло не слишком убедительно.

* * *

Холод подкрался незаметно.

Поначалу Эрия почти не чувствовала его. После долгой ходьбы тело оставалось разгорячённым, и прохладный воздух казался приятным. Но стоило ей просидеть неподвижно достаточно долго, как пальцы начали мёрзнуть, а влажные туфли превратились в настоящую пытку.

Она сняла их.

На пятках обнаружились крупные натёртости. Одна уже лопнула, оставив болезненное мокрое пятно, другая была целой, но кожа вокруг неё покраснела и распухла.

Эрия осторожно коснулась повреждения.

Поморщилась.

За годы испытаний она привыкла к разным видам боли, но выяснилось, что натёртая пятка доставляет совершенно особенное неудобство: не слишком сильное, зато упорное и раздражающее. От него нельзя было отвлечься, потому что каждое движение вновь напоминало о повреждённой коже.

Она растёрла ступни ладонями и снова надела туфли.

Потом попыталась заснуть.

Несколько раз ей даже удавалось ненадолго задремать, но всякий раз сон обрывался от нового звука или внезапной дрожи. Голова клонилась к плечу, затекали руки, холодная земля неприятно давила на бедро. Под конец Эрия свернулась настолько тесно, насколько позволяли корни, подтянула колени к подбородку и спрятала ладони под мышками.

Ей хотелось домой.

Это желание пришло без предупреждения, простое и отчётливое.

Она представила свою спальню, высокую кровать, подушки, пахнущие свежим бельём, и тёплое одеяло, под которым можно было вытянуться во весь рост. Представила маленькую лампу на прикроватном столике и окно, через которое по вечерам проникал запах сада.

Интересно, Гинта уже заглядывала туда?

Наверняка.

Вероятно, обнаружила пустую кровать, открытый шкаф и отсутствие хозяйки.

Эрия попыталась представить, как женщина ходит по дому, заглядывает в библиотеку и гостиную, спрашивает Аделя, не видел ли он её.

Потом они поймут, что она исчезла.

Возможно, уже поняли.

Эрия крепче обняла колени.

В животе неприятно сжалось.

Она не хотела, чтобы Гинта боялась за неё.

Особенно после того, как та подарила ей такую красивую заколку.

Эрия осторожно подняла руку к волосам, нащупала серебряные веточки и убедилась, что украшение по-прежнему держится на месте.

От этого почему-то стало немного легче.

Она снова закрыла глаза.

Может быть, завтра стоит попробовать вернуться?

Эрия представила, как появляется на пороге, грязная, замёрзшая, с испорченной одеждой и разбитыми ногами.

Гинта непременно начнёт её отчитывать.

Адель будет молчать особенно неприятным образом.

Вероятно, придётся объяснять Варену, почему она осмелилась уйти без разрешения.

При мысли о нём ей стало по-настоящему неуютно.

Варен столько лет заботился о её безопасности. Он построил дом, организовал обучение, окружил её всем необходимым. Даже возможность будущих путешествий была связана с его обещанием.

А она сбежала.

Не дождалась каких-то нескольких недель.

Не предупредила.

Просто ушла.

Эрия вспомнила, как он гладил её волосы во время последнего визита, как обещал показать океан и говорил, что она станет его женой.

Он будет разочарован.

Возможно, рассержен.

И всё же…

Она открыла глаза.

Над ней темнели еловые ветви. Между иголками виднелся маленький неровный кусочек неба, на котором мерцала единственная звезда.

И всё же я здесь.

Эрия смотрела на неё довольно долго.

В доме в это время она уже лежала бы в постели. Завтра Гинта разбудила бы её к завтраку, затем последовали бы книги, занятия, испытания, отдых. Всё повторилось бы с небольшими изменениями, как повторялось столько лет.

А потом приехал бы Варен.

И увёз её.

Она снова подумала о свадьбе, об огромном мире, который он обещал открыть перед ней, и о собственной силе, ради которой столько лет продолжалась подготовка.

В темноте леса эти мысли приобрели неожиданную ясность.

Эрия очень хотела увидеть города. Хотела носить красивые платья, ходить в театр, гулять вдоль моря. Возможно, даже любила Варена настолько, насколько вообще можно любить человека, присутствовавшего в твоей жизни почти всегда.

Но всё это ничего не меняло в одном простом обстоятельстве.

Сначала её готовили.

Потом она должна была выйти замуж.

Потом — принимать его боль.

И никто ни разу не спросил, хочет ли она именно такой жизни.

Конечно, она могла задавать вопросы, жаловаться и просить об отдыхе. Иногда ей позволяли отступить от расписания, иногда Варен обещал быть особенно внимательным к её состоянию.

Но само решение никогда ей не принадлежало.

Эрия перевела взгляд на тёмные деревья.

Ей стало страшно.

Не от леса, не от ночных звуков и даже не от возможного наказания.

Она вдруг испугалась того, насколько сильно ей понравилось сегодняшнее чувство.

Возможность идти куда угодно.

Остановиться, когда захочется.

Свернуть с дороги просто потому, что впереди красиво.

Не спрашивать разрешения.

Она никогда не думала, что отсутствие чужих распоряжений может приносить такое удовольствие.

Здесь было холодно. Болели ноги. Ей хотелось есть, а ещё сильнее — пить, потому что последний раз она набирала воду из ручья несколько часов назад.

И всё же впервые за долгие годы никто ничего от неё не требовал.

Эрия медленно вытянула руку из-под мышки и положила ладонь на влажную землю.

Пальцы сразу замёрзли.

Она почувствовала холод, шероховатость маленьких камешков, мягкость мха под ладонью.

Я сама сюда пришла.

От этой мысли в груди неожиданно стало тепло.

Она закрыла глаза.

Сегодня можно было выбрать даже то, что доставляет неудобство.

И не потому, что Адель приказал терпеть.

Не потому, что Варен считал это необходимым.

А потому, что она сама захотела оказаться здесь.

В какой-то момент сон всё-таки одолел её.

Последнее, что Эрия запомнила, — слабое движение ветвей над головой и холодный воздух, касающийся щеки.

*** * ***

Утро оказалось серым.

Эрия проснулась оттого, что у неё страшно затекла шея.

Она попыталась выпрямиться, не сразу вспомнила, где находится, и больно ударилась локтем о корень.

— Ай!

Несколько мгновений она сидела неподвижно, моргая и пытаясь собрать мысли.

Потом вспомнила.

Лес.

Граница.

Побег.

Она подняла голову.

Между деревьями постепенно разливался утренний свет. Небо было затянуто тонкими облаками, по земле стелился лёгкий туман, а с ветвей иногда падали холодные капли.

Эрия глубоко вдохнула.

Она пережила свою первую ночь за пределами дома.

Это обстоятельство почему-то показалось ей настолько важным, что она улыбнулась, несмотря на головную боль, затёкшие мышцы и неприятное ощущение в желудке.

Потом попыталась встать.

Ноги немедленно напомнили о себе.

Ступни болели, правое колено плохо разгибалось после вчерашних падений, а поясницу тянуло так, словно она несколько часов провела на занятиях у Аделя.

Эрия медленно выпрямилась и прислонилась к дереву.

Если бы Гинта увидела её сейчас, непременно пришла бы в ужас.

Адель, вероятно, сказал бы, что неправильный выбор обуви и места ночлега свидетельствует о недостаточной предусмотрительности.

Она почти услышала его голос.

— Благодарю за замечание, — пробормотала Эрия.

Потом рассмеялась.

Смех получился хриплым: горло пересохло за ночь.

Она некоторое время стояла, разминая плечи и стараясь восстановить чувствительность в затёкших ногах.

Возвращаться всё ещё было возможно.

По крайней мере, она надеялась.

Если идти назад достаточно долго, если попытаться ориентироваться по солнцу, если найти тот ручей…

Правда, Эрия уже не была уверена, с какой стороны пришла.

Но где-то в лесу оставался дом.

Можно было отыскать его.

Она даже сделала несколько шагов, словно собираясь попробовать.

Затем остановилась.

Вчерашний восторг уже не ослеплял её. Теперь она отлично понимала, насколько неудобным и опасным может оказаться путешествие без вещей, еды и представления о местности.

Ей хотелось горячего чая.

Чистой одежды.

Мягкой кровати.

Хотелось, чтобы Гинта принесла завтрак и сказала, что сегодня на улице слишком прохладно для прогулок.

Но возвращение означало и всё остальное.

Адель снова начнёт занятия.

Гинта снова будет следить за расписанием.

Варен приедет за ней, и тогда начнётся жизнь, в которой появится много прекрасных вещей, но исчезнет сама возможность поступить так, как она поступила вчера.

Эрия долго смотрела на туман между деревьями.

Она не была настолько наивна, чтобы надеяться остаться здесь навсегда.

Рано или поздно её найдут.

Возможно, уже ищут.

И когда это произойдёт, ей придётся отвечать за свой поступок.

Варен наверняка будет недоволен. Адель может назначить дополнительные испытания. Возможно, её накажут так сурово, что нынешние ссадины и натёртости покажутся пустяками.

Эрия невольно сжала пальцы.

Она прекрасно знала, каково это — терпеть боль.

И вовсе не хотела испытывать её снова.

Но наказание будет потом.

А этот день существовал сейчас.

Перед ней лежал лес, за которым находились настоящие дороги, города, люди, кафе, театры, магазины — всё то, что она столько лет пыталась представить.

Она могла увидеть хотя бы малую часть.

Один город.

Одну улицу.

Хотя бы несколько незнакомых лиц.

И потом, когда всё закончится, когда её вернут и заставят отвечать за побег, у неё останется воспоминание о днях, которые принадлежали только ей.

Эрия почувствовала, как подступают слёзы, и сердито вытерла глаза ладонью.

Она не понимала, почему плачет.

Ведь впереди было что-то прекрасное.

Она ещё раз оглянулась туда, где, по её предположению, находился дом.

Пусть меня накажут.

Мысль была неприятной, но оттого не менее ясной.

Я выдержу.

Она уже выдержала столько всего.

Порезы, заклятия, чужой страх, боль, которую невозможно было ни с кем разделить. Она научилась переносить то, что казалось невыносимым, и продолжать жить после этого. Научилась подниматься с кушетки, когда ноги дрожат, благодарить Аделя за занятие и улыбаться Гинте за ужином.

Значит, выдержит и последствия своего побега.

Но сначала ей хотелось пожить.

Не готовиться к будущему.

Не становиться сильнее.

Не исполнять предназначение.

Просто проснуться утром и решить, чем заняться сегодня.

Хотя бы несколько дней. Сколько получится.

Она готова была заплатить за них последующим наказанием, лишь бы сейчас никто не отнимал у неё право выбирать.

Возможно, это мой последний раз.

После свадьбы она уже не будет девочкой, которой разрешено совершать ошибки. Она станет женой Варена, частью его жизни и его планов. У неё появятся обязанности, от которых нельзя будет уйти в лес, даже если однажды снова исчезнет вся магическая защита.

Эрия не знала, что именно ждёт её впереди.

Но вдруг отчётливо поняла, что хочет запомнить себя такой, какой была сегодня утром: замёрзшей, голодной, в испачканном платье, посреди незнакомого леса — и совершенно свободной в выборе следующего шага.

Она повернулась к деревьям.

— Значит, пойдём, — сказала она.

И пошла.

* * *

К полудню Эрия обнаружила, что голод способен занимать почти все мысли.

До этого она вспоминала о еде с некоторой досадой, как о досадном неудобстве, которое можно потерпеть. Теперь же живот неприятно сводило, в голове временами возникала лёгкая слабость, а при виде особенно красивых ягод хотелось немедленно попробовать их, даже не зная, съедобны ли они.

К счастью, читать Эрия любила не зря.

Она довольно быстро распознала несколько видов лесных растений, но предпочла не испытывать судьбу. Некоторые ягоды слишком походили друг на друга, а обнаружить собственную ошибку вдали от дома было бы весьма неприятно.

В конце концов ей попалась заросшая ежевикой опушка.

Эрия остановилась так резко, словно наткнулась на драгоценный клад.

Ягоды были тёмными, почти чёрными, с мелкими блестящими капельками влаги на поверхности. Она осторожно сорвала одну, рассмотрела, попробовала.

Сладкая.

Чуть кисловатая.

Великолепная.

Она съела ещё несколько, потом набрала полную горсть и только тогда обнаружила, что кусты покрыты длинными цепкими шипами.

Пока она выбиралась из зарослей, на пальцах и предплечьях появились новые царапины.

Из одной выступила кровь.

Эрия раздражённо посмотрела на повреждение.

— Ну разумеется.

Она вытерла руку о менее грязную часть платья, съела последнюю ягоду и отправилась дальше.

Ненадолго голод отступил.

Зато всё сильнее хотелось пить.

Накануне ей повезло найти ручей, но теперь вода попадалась только в небольших углублениях между корнями, и Эрия не решалась её пробовать. Она помнила, что даже прозрачная вода может оказаться опасной, особенно если долго стоит на одном месте.

В какой-то момент девушка всерьёз задумалась, не вернуться ли к тому ручью, который видела вчера.

Но тут же поняла всю нелепость этой идеи.

Она понятия не имела, где он находится.

Лес постепенно менялся.

Больших елей становилось меньше, среди них всё чаще появлялись берёзы и осины. Под ногами лежали толстые слои влажной листвы, иногда попадались каменистые участки, где идти было особенно трудно.

Эрия старалась придерживаться более низких мест, рассчитывая рано или поздно найти воду.

В книгах говорилось, что ручьи нередко проходят по естественным понижениям рельефа.

Правда, там обычно не упоминали, как неприятно спускаться по мокрому склону в туфлях на тонкой подошве.

Она несколько раз поскользнулась.

Один раз упала на колени и довольно сильно ударилась о камень.

Боль была резкой, но быстро отступила. Эрия посидела немного, осторожно ощупывая повреждённую ногу, потом поднялась.

На колене появилась ссадина.

Кровь смешалась с грязью, и некоторое время пришлось очищать рану подолом платья, хотя Эрия прекрасно понимала, что подобная обработка вряд ли заслужила бы одобрение Гинты.

В доме она могла бы просто позвать женщину.

Та принесла бы воду, лекарства, чистую ткань.

Здесь приходилось обходиться собственными силами.

Эрия впервые подумала, что за всю жизнь почти ни разу не оставалась с болью совершенно одна.

Адель причинял её, но он же и снимал заклятия. Гинта обрабатывала повреждения и следила за восстановлением. Даже самые тяжёлые испытания проходили в комнате, где рядом всегда находился кто-то, способный вмешаться.

Теперь никто не вмешивался.

И хотя полученные сегодня раны были несравнимо легче тех, к которым она привыкла, в них обнаружилось кое-что новое.

За них никто не отвечал.

Эрия осторожно согнула колено.

Болело.

Она вздохнула, поднялась и пошла дальше.

* * *

Воду она нашла ближе к вечеру.

Сначала услышала её — тихое, почти неразличимое журчание где-то между деревьями. Эрия остановилась, прислушалась и, убедившись, что звук не исчезает, поспешила в ту сторону.

Ручей оказался гораздо шире предыдущего.

Вода бежала по каменистому руслу, огибая большие валуны, иногда скрываясь под корнями. На одном участке течение было достаточно сильным, чтобы между камнями появлялись маленькие белые завихрения.

Эрия опустилась на колени у берега.

Ладони дрожали от усталости.

Она зачерпнула воду, поднесла ко рту и выпила прежде, чем успела окончательно вспомнить все прочитанные предупреждения.

Вода была ледяной.

От неё заломило зубы.

Но никогда прежде Эрия не испытывала такого наслаждения от простого глотка.

Она пила маленькими порциями, делая перерывы, чтобы отдышаться. Потом умыла лицо, шею, осторожно промыла поцарапанные руки и повреждённое колено.

Холодная вода обжигала ранки.

Эрия шипела от боли, но продолжала, пока грязь почти полностью не исчезла.

Затем сняла туфли.

Ноги выглядели гораздо хуже, чем утром.

На пятках кожа местами слезла, открыв красноватые болезненные участки. Пальцы натёрлись друг о друга, несколько ногтей были повреждены. Особенно неприятно выглядела правая ступня, в которую, по-видимому, ещё утром попала маленькая колючка.

Эрия осторожно осмотрела её.

Под кожей виднелась тёмная точка.

Пришлось долго поддевать колючку ногтями, пока наконец не удалось вытащить тонкий острый кончик.

Она вздрогнула и выругалась.

Не слишком изящно.

Гинта наверняка сделала бы замечание.

Эрия посмотрела на извлечённую колючку, затем на собственную ступню.

— Ты совершенно того не стоила, — сообщила она ей.

Колючка ничего не ответила.

Она бросила её в воду.

Сидеть у ручья было так приятно, что Эрия долго не могла заставить себя подняться. Лёгкий ветерок приятно холодил лицо, над водой кружились насекомые, а солнечный свет, проникавший сквозь деревья, разбивался на поверхности на множество ярких подвижных пятен.

Здесь было красиво.

По-настоящему красиво.

И она нашла это место сама.

Эрия вытянула ноги на тёплом камне и некоторое время просто смотрела, как течёт вода.

Впервые за весь день она перестала думать о том, куда идти.

Не нужно было торопиться.

Никто не устанавливал ей время отдыха.

Можно было сидеть здесь сколько угодно.

От этой мысли захотелось смеяться и плакать одновременно.

Она выбрала сидеть.

И просидела почти час.

* * *

На вторую ночь пошёл дождь.

Он начался незадолго до сумерек, сперва редкими каплями, почти не достигающими земли под густыми кронами. Эрия даже обрадовалась: после долгого дня воздух стал душным, и прохлада казалась приятной.

Потом дождь усилился.

Большие капли застучали по листьям, с ветвей потекли тонкие струйки, а земля под ногами быстро превратилась в скользкую грязь.

Эрия попыталась укрыться под старой елью.

Через десять минут выяснилось, что дерево совершенно не способно защитить её от дождя, который идёт косо из-за ветра.

Она перешла под другое.

Там было ненамного лучше.

К тому времени, когда ей удалось найти небольшое углубление под вывороченными корнями поваленного дерева, платье уже промокло почти насквозь.

Волосы тяжёлыми мокрыми прядями прилипли к спине.

Эрия дрожала.

Она попыталась выжать воду из подола, но ткань немедленно намокала снова.

Пришлось забраться под корни, насколько позволяла теснота укрытия, и обхватить себя руками.

Некоторое время она сидела, слушая, как дождь барабанит по земле.

Потом вдруг почувствовала сильное желание разозлиться.

Не просто рассердиться на погоду, а по-настоящему возмутиться несправедливостью происходящего.

Как это вообще возможно, чтобы дождь лил именно тогда, когда ей негде спрятаться?

Почему он не начался вчера, когда у неё ещё были силы?

Почему все деревья оказались такими бесполезными?

Почему никто не догадался предусмотреть, что в лесу могут заблудиться люди?

Последняя мысль заставила её рассмеяться.

Конечно, люди давно всё предусмотрели.

Они строили дома.

Покупали палатки.

Носили непромокаемую одежду.

И уж совершенно точно не отправлялись в путешествие, не взяв с собой даже расчёски.

Эрия прислонилась затылком к влажному корню.

Ей было холодно.

Очень холодно.

Впервые за день она всерьёз испугалась, что заболеет.

В доме любые повреждения быстро заживали, особенно после восстановительных составов, но Эрия прекрасно знала, что даже её тело не способно бесконечно переносить нагрузку. Адель не раз объяснял, что регенерация требует энергии, и при сильном истощении восстановление может замедляться.

Теперь она понимала, насколько неприятным может оказаться это обстоятельство.

Она почти не ела.

Плохо спала.

Постоянно двигалась.

И за последние двое суток получила больше мелких повреждений, чем могла сосчитать.

Порезы на руках продолжали затягиваться, но медленнее обычного. Натёртые пятки уже перестали кровоточить, однако кожа оставалась настолько чувствительной, что каждый шаг причинял боль.

Если завтра придётся идти так же долго…

Эрия не закончила мысль.

Вместо этого попыталась согреть ладони дыханием.

Дождь продолжался.

В какой-то момент ей показалось, что она слышит голос Гинты.

Совершенно отчётливо, словно женщина стояла совсем рядом и негромко звала её к ужину.

Эрия подняла голову.

Прислушалась.

Только вода.

Она закрыла глаза.

Гинта, наверное, уже поставила на стол чай.

Возможно, испекла что-нибудь сладкое.

Адель сидит в кабинете, разбирает записи и раздражается, если кто-то отвлекает его.

И где-то далеко Варен занимается своими делами, ещё не зная, что девушка, на которой он собирался жениться, сидит под мокрыми корнями дерева и пытается согреться.

Или уже знает?

Эрия нахмурилась.

Скорее всего, знает.

Гинта непременно сообщила бы ему об исчезновении.

Интересно, что он сказал?

Она пыталась представить его спокойный глубокий голос, но на этот раз воображение отказывалось подсказывать слова.

Ей не хотелось думать о его гневе.

Не сейчас.

Она сжалась плотнее, спрятала лицо между коленями.

Было так холодно, что зубы начали стучать.

И всё-таки где-то внутри оставалось упрямое, почти нелепое удовлетворение.

Она могла вернуться.

Вернее, могла попытаться.

Но не стала.

Сегодняшний день был её собственным.

Даже если большую его часть она провела в грязи, пытаясь отыскать воду и хоть какую-нибудь еду.

Эрия думала, что однажды, когда всё закончится, сможет вспомнить этот день и рассмеяться.

Возможно, будет рассказывать кому-нибудь о том, как впервые покинула дом.

Как увидела оленя.

Как нашла ручей.

Как мокла под дождём.

Интересно, кому она сможет всё это рассказать?

Эрия попыталась представить, как однажды будет вспоминать своё путешествие вслух. Но чем дольше думала, тем сильнее ей хотелось сохранить хотя бы часть произошедшего только для себя. Было что-то драгоценное в воспоминании, которое никто другой не мог оценить, исправить или превратить в очередной урок.

Она прижала колени к груди и закрыла глаза.

Дождь ещё долго шумел над лесом.

* * *

Третье утро оказалось самым тяжёлым.

Эрия проснулась ещё до рассвета, хотя и не была уверена, что действительно спала. Ночь словно состояла из бесконечной череды коротких провалов в забытьё, после каждого из которых она обнаруживала себя всё в том же тесном пространстве под вывороченными корнями. Иногда ей снилась собственная спальня, и тогда пробуждение становилось особенно мучительным: несколько секунд она искала рукой край одеяла, прежде чем понимала, что пальцы касаются холодной земли.

Дождь закончился, но вода ещё стекала с ветвей. Мокрая одежда прилипла к телу, волосы тяжелели на плечах, а в тесном укрытии пахло прелыми листьями и сырой древесиной. Эрия долго не решалась пошевелиться. За ночь мышцы так затекли, что любое движение причиняло боль, и она пыталась хотя бы мысленно определить, какая часть тела пострадала сильнее остальных.

Болела спина. Ныло ушибленное колено. На правой пятке, кажется, снова открылась ранка, а левую стопу сводило после долгой ходьбы. Где-то под рёбрами поселилось неприятное ощущение пустоты, от которого временами слегка мутило.

И ещё она мёрзла.

Не так, как мёрзла прежде, возвращаясь с зимней прогулки в саду. Тот холод был поверхностным, почти приятным, потому что за ним неизменно следовали горячая ванна, чистая одежда и ужин.

Теперь холод словно забрался внутрь.

Эрия попыталась сесть и не удержалась от короткого стона. Плечо, на котором она пролежала последние часы, отозвалось такой резкой болью, что пришлось остановиться и подождать, пока оно перестанет ныть.

Потом она всё-таки выбралась наружу.

Рассвет медленно просачивался между деревьями. Серое небо висело низко, верхушки елей терялись в тумане, а земля вокруг была усеяна мелкими ветками, сбитыми ночным

дождём. Эрия стояла неподвижно, обхватив себя руками, и смотрела на лес, который ещё вчера казался ей таким прекрасным.

Он и сейчас был прекрасен.

Только ей почему-то совсем не хотелось им любоваться.

Она попробовала размять ноги. Сначала осторожно перенесла вес на одну, потом на другую, несколько раз поднялась на носки. Повреждённые пятки немедленно отозвались жжением. Пришлось остановиться, снять туфли и осмотреть ступни.

Кожа в некоторых местах уже начала затягиваться, но тонкий розовый слой легко повреждался при прикосновении. Там, где обычные человеческие раны ещё долго оставались бы открытыми, её тело постепенно восстанавливало себя, расходуя последние запасы сил.

Эрия провела пальцем по краю одной из натёртостей.

Адель наверняка счёл бы скорость восстановления неудовлетворительной.

Она вдруг с такой ясностью представила его нахмуренное лицо над журналом наблюдений, что почти услышала сухое замечание о необходимости соблюдения режима питания.

Эрия опустила ногу.

Ей не хотелось думать об Аделе.

Не сейчас, когда впервые в жизни не нужно было отчитываться перед ним о собственном состоянии.

Она заставила себя подняться.

За время, проведённое в лесу, голод изменился. Прежде всего хотелось обычной еды — чего-нибудь горячего, сытного, способного наполнить желудок и вернуть телу приятное ощущение тепла. Но за этой потребностью постепенно проступала другая, знакомая с шестнадцати лет.

Её природа напоминала о себе.

Не слишком настойчиво — до настоящего истощения суккуба было ещё далеко, — но достаточно, чтобы Эрия чувствовала нарастающую слабость. Магическое восстановление требовало энергии, а взамен тело получало лишь случайные ягоды, холодную воду и несколько часов беспокойного сна.

Она подумала об Анне и Питере.

О тёплой комнате с зелёным креслом, серебристой перегородке и приятном насыщении, после которого всегда хотелось сладкого чая.

Теперь воспоминание казалось невероятно далёким.

Эрия некоторое время стояла, пытаясь согреться, потом огляделась.

Нужно было найти дорогу.

Она уже не испытывала прежнего восторга при мысли о неизвестности. За два дня неизвестность успела показать ей достаточно неприятных сторон. Теперь хотелось чего-нибудь определённого: тропинки, указателя, следов автомобиля, хотя бы обычного человеческого мусора.

Она с неожиданной нежностью вспомнила виденные на фотографиях пластиковые бутылки, брошенные вдоль загородных дорог.

Раньше Эрия возмущалась людьми, которые оставляют мусор в лесу.

Теперь была бы рада обнаружить хотя бы одну.

Это означало бы, что где-то неподалёку живут люди.

Она выбрала направление, в котором деревья стояли немного реже, и пошла.

Первые полчаса давались особенно тяжело. Ноги плохо слушались, туфли скользили по мокрой земле, и приходилось постоянно придерживаться за ветви. Однако постепенно мышцы разогрелись, дрожь утихла, а холод перестал казаться совершенно невыносимым.

Эрия даже обрадовалась.

Возможно, стоило просто начать двигаться.

Возможно, сегодня всё окажется легче.

Она упрямо цеплялась за эту мысль, пока не заметила, что лес снова становится гуще.

* * *

К полудню Эрия окончательно потеряла представление о времени.

Она несколько раз меняла направление, пытаясь найти более удобный проход между деревьями, но каждый новый участок леса оказывался похож на предыдущий. Иногда впереди появлялось светлое пространство, и девушка, приободрившись, ускоряла шаг, уверенная, что наконец приблизилась к опушке.

Но за просветом обнаруживалась небольшая поляна.

Или заболоченная низина.

Или очередной склон, заросший папоротником.

Однажды ей показалось, что между деревьями мелькнула светлая стена какого-то строения. Она почти побежала туда, забыв о больных ногах, но спустя несколько минут обнаружила лишь огромный валун, покрытый бледными лишайниками.

Эрия остановилась перед ним.

Некоторое время молча смотрела на камень.

Потом села прямо на влажную землю.

Ей было обидно до слёз.

Не потому, что валун чем-то её разочаровал. Разумеется, он не был виноват в том, что издалека напоминал стену.

Просто в тот короткий миг, когда Эрия подумала, что видит дом, она успела представить слишком многое.

Чистую воду.

Еду.

Крышу над головой.

Человека, которому можно будет сказать, что она заблудилась и ей нужна помощь.

Теперь вместо всего этого перед ней лежал камень.

Она вытерла лицо ладонями.

От грязных пальцев на щеках наверняка остались полосы, но Эрия уже почти не обращала внимания на собственную внешность. Даже платье, которое ещё вчера она пыталась беречь, превратилось в тяжёлую неудобную тряпку. Подол цеплялся за кусты, влажная ткань натирала кожу на бёдрах, а левый рукав разошёлся по шву настолько сильно, что иногда мешал поднимать руку.

Эрия поднялась лишь тогда, когда сидеть стало холодно.

Несколько минут она пыталась определить направление по солнцу, но облака скрывали почти всё небо. Она помнила, что с утра шла примерно на восток.

Или на северо-восток.

Потом обходила болото.

Затем повернула, чтобы спуститься с холма.

И теперь совершенно не представляла, где находится относительно первоначального пути.

В какой-то момент ей пришла в голову неприятная мысль: а вдруг она всё это время описывает огромный круг?

В книгах такое случалось с заблудившимися людьми.

Они могли часами идти вперёд, убеждённые, что преодолевают значительное расстояние, и в конце концов возвращались почти туда же, откуда начали.

Эрия внимательно огляделась.

Никаких знакомых признаков.

Впрочем, она уже не была уверена, что сумела бы их заметить.

Она прикусила губу.

Впервые за всё путешествие её охватило настоящее бессилие.

Не страх перед наказанием, не тревога из-за неизвестного будущего, не даже желание вернуться домой.

Ей вдруг стало совершенно ясно, что она может не найти выход.

Можно знать устройство железных дорог, имена великих путешественников и правила ориентирования по звёздам, но всё это мало помогает, когда небо затянуто облаками, а собственные ноги едва держат тебя.

Эрия посмотрела на мокрые туфли.

Она сама решила уйти.

Сама выбрала этот путь.

И теперь не знала, как выбраться.

Некоторое время ей хотелось просто остаться возле валуна и никуда больше не ходить.

Но сидеть было холодно.

А голод становился сильнее.

В конце концов она снова поднялась.

* * *

Узкий овраг появился неожиданно.

Эрия заметила его только тогда, когда почва под ногами начала заметно уходить вниз. Склон был покрыт влажными листьями, между которыми торчали корни кустарника. Внизу виднелась неглубокая каменистая ложбина, а на противоположной стороне деревья росли немного реже.

Сверху казалось, что спуститься будет несложно.

Она осторожно поставила ногу на выступающий корень, придержалась за ствол молодой берёзы и перенесла вес тела.

Влажная кора выскользнула из пальцев.

Эрия успела схватиться за ветку, но та согнулась, и девушка неловко съехала по склону на несколько шагов, осыпая вниз мокрую землю.

Она остановилась, тяжело дыша.

Сердце колотилось.

— Осторожнее, — сказала себе Эрия.

Слова прозвучали раздражённо.

До дна оврага оставалось совсем немного. Она решила пройти последние метры по более пологому участку, где среди листьев выступало несколько крупных корней.

Сделала шаг.

Потом ещё один.

Правая туфля соскользнула с мокрого корня.

Эрия попыталась удержать равновесие, резко перенеся вес на другую ногу.

И наступила на что-то острое.

Боль была такой внезапной, что первое мгновение она даже не поняла, откуда пришла.

Словно под ступнёй взорвалось что-то раскалённое.

Эрия вскрикнула, попыталась отдёрнуть ногу — и не смогла.

Её удерживало.

Она потеряла равновесие и упала на бок, больно ударившись плечом о землю.

Из груди вырвался короткий, сдавленный крик.

Правая нога осталась в неестественном положении.

Эрия повернула голову.

Из мокрых листьев торчал острый обломок толстой ветки, сломавшейся под углом. Она наступила на него всем весом. Заострённая древесина прошла сквозь тонкую подошву туфли, пробила стопу снизу и вышла сверху, возле основания пальцев.

Несколько мгновений девушка просто смотрела на собственную ногу.

Разум отказывался принимать увиденное.

Она видела кровь, быстро проступавшую сквозь светлую кожу обуви. Видела грязный обломок дерева, торчавший из верхней части туфли. Видела, как мелко дрожат её пальцы.

Но всё это казалось чем-то чужим.

Чем-то, что происходит не с ней.

Затем боль обрушилась снова.

Эрия закричала.

Она инстинктивно дёрнулась, пытаясь освободиться, и острый предмет сместился внутри раны.

Перед глазами вспыхнули белые пятна.

Дыхание оборвалось.

Несколько секунд она не могла ни пошевелиться, ни закричать снова.

Потом судорожно вдохнула и замерла, боясь даже случайно напрячь ногу.

Из глаз текли слёзы.

Она лежала на мокрой земле, широко раскрыв рот, и пыталась дышать так, как учил Адель.

Медленно.

Ровно.

Не позволяя боли полностью завладеть сознанием.

Но теперь никто не предупреждал её о начале воздействия. Никто не называл его силу. Не существовало заклятия, которое можно было снять, и времени, после которого всё непременно закончится.

Ветка оставалась в ноге.

Эрия попыталась приподняться на локте.

Её немедленно замутило.

Она зажмурилась.

Слёзы продолжали течь, смешиваясь с грязью на щеках.

Сколько времени прошло, прежде чем она смогла снова посмотреть на рану, Эрия не знала.

Возможно, несколько минут.

Возможно, значительно больше.

Она осторожно коснулась туфли.

Боль отозвалась почти сразу.

Девушка отдёрнула руку.

Ей хотелось, чтобы кто-нибудь пришёл.

Это желание оказалось настолько сильным и привычным, что она почти произнесла имя Гинты.

В доме стоило ей пораниться, как женщина появлялась с лекарствами, чистыми полотенцами и неизменным недовольством. Иногда ругалась, иногда вздыхала, но всегда знала, что делать.

Сейчас Эрия не знала.

Она умела переносить боль. Умела удерживать магические построения, когда Адель причинял ей увечья. Знала, как контролировать дыхание и не позволять страху разрушать сосредоточенность.

Но всё это не объясняло, как вынуть из собственной ноги острый кусок дерева.

И как потом идти.

Она прижала ладонь ко рту, сдерживая всхлип.

Думай.

Нужно было думать.

Оставаться здесь нельзя.

Нога всё ещё была насажена на торчащий из земли обломок. Каждый раз, когда Эрия пыталась изменить положение тела, боль заставляла её замирать.

Она осторожно ощупала основание ветки.

Та была довольно толстой, но уже наполовину расщеплённой. Вероятно, когда-то дерево упало, одна из его нижних ветвей обломилась и осталась торчать из земли под острым углом.

Эрия попыталась расшатать её.

Не получилось.

Ветка почти не двигалась.

Она глубоко вдохнула.

Попробовала снова, теперь обеими руками, стараясь не задеть саму стопу.

Древесина тихо хрустнула.

По ноге прошла такая сильная боль, что Эрия едва не потеряла сознание.

Она откинулась на спину, судорожно хватая воздух.

Некоторое время перед глазами всё плыло.

Потом стало немного легче.

Ветка надломилась у основания.

Эрия осторожно потянула ещё раз.

Раздался сухой треск.

Она наконец освободилась от земли.

Но острый обломок по-прежнему проходил сквозь стопу.

Эрия подтянула ногу ближе, насколько смогла, и долго сидела, рассматривая её. Туфля была разорвана, кожа вокруг повреждения быстро опухала, из раны медленно сочилась кровь.

Она знала, что вытаскивать подобные предметы опасно.

Об этом писали в медицинских справочниках. Иногда инородное тело удерживало повреждённые сосуды от сильного кровотечения, и его извлечение могло только ухудшить состояние.

Но Эрия не могла оставить ветку в ноге.

Не здесь.

Не посреди леса.

Она не представляла, как будет двигаться с торчащим из стопы куском дерева.

Она ухватилась за верхний конец.

Попробовала потянуть.

И сразу отпустила.

— Нет, нет, нет…

Её голос сорвался.

Эрия закрыла глаза.

Несколько долгих мгновений она просто сидела, раскачиваясь и сжимая пальцами грязный подол платья.

Потом заставила себя снова посмотреть на рану.

Древесина была гладкой на большей части длины, но возле перелома торчали мелкие щепки. Эрия боялась, что они останутся внутри. Боялась, что не сможет остановить кровь. Боялась, что боль окажется слишком сильной.

Больше всего ей хотелось отложить всё это хотя бы ненадолго.

Но она уже дрожала от холода, а свет над деревьями постепенно становился мягче.

День уходил.

Эрия крепко зажмурилась.

И всё-таки вытащила обломок.

Боль прошла через неё так резко, что тело выгнулось само собой. Она закричала — громко, отчаянно. Пальцы разжались, грязная ветка упала рядом, а Эрия повалилась на землю и некоторое время не могла заставить себя даже открыть глаза.

Потом почувствовала, как что-то тёплое течёт по ступне.

Кровь.

Она заставила себя приподняться.

Под ногой быстро темнели листья.

Эрия сняла повреждённую туфлю, стараясь не касаться раны, и прижала к стопе обе ладони. Между пальцами выступила кровь.

Ей снова стало дурно.

Некоторое время она просто сидела, удерживая давление, пока первоначальный поток не ослабел.

Потом оторвала от уже повреждённого подола длинную полосу ткани.

Та оказалась грязной, но ничего более подходящего у неё не было. Она сложила материю в несколько слоёв, прижала к ране и осторожно обмотала вокруг стопы, стараясь закрепить повязку достаточно плотно, чтобы та не сползала.

Получилось неуклюже.

Гинта наверняка сделала бы всё значительно лучше.

Эрия затянула последний узел.

Пальцы дрожали так сильно, что она едва справилась.

Когда всё закончилось, она откинулась на землю, закрыла глаза и заплакала.

На этот раз даже не пыталась сдерживаться.

Ей было больно.

Она устала.

Она хотела есть, пить и спать. Хотела оказаться в чистой тёплой комнате, где можно было бы лечь и больше никуда не идти.

Но сильнее всего ей хотелось, чтобы кто-нибудь знал, где она.

Просто знал.

Она могла выдержать боль. Уже не раз выдерживала.

Но прежде рядом всегда находился человек, который понимал, что с ней происходит.

Теперь Эрия была совершенно одна.

* * *

Она пролежала в овраге так долго, что успела замёрзнуть.

Когда наконец попыталась встать, оказалось, что повреждённая нога почти не держит её. При первом же прикосновении к земле по стопе прошла резкая боль, заставившая девушку с криком ухватиться за ближайший куст.

Она отдёрнула ногу.

Попробовала снова.

Не смогла.

Тогда Эрия опустилась на колени.

Несколько минут она сидела, рассматривая склон перед собой.

Тот выглядел совсем невысоким.

Если бы не ранение, она преодолела бы его меньше чем за минуту.

Теперь даже это расстояние казалось огромным.

Эрия подтянула повреждённую ногу, упёрлась ладонями в землю и попыталась ползти.

Влажные листья скользили под пальцами. Колени быстро начали болеть, ладони пачкались грязью, а корни цеплялись за оставшиеся целыми части платья. Она старалась не задевать раненую стопу, но при каждом неудачном движении всё равно чувствовала резкий прострел боли.

Поначалу Эрия пыталась считать, сколько раз продвинулась вперёд.

Потом перестала.

Она добралась до выступающего корня, ухватилась за него обеими руками и подтянула тело выше.

От усилия потемнело в глазах.

Пришлось остановиться.

Эрия положила щёку на влажную землю и долго лежала так, слушая собственное тяжёлое дыхание.

Её дар пытался восстановить повреждённые ткани.

Она чувствовала слабое тепло в стопе — знакомое, прежде всегда приносившее облегчение. Но теперь оно быстро угасало, уступая место тупой пульсирующей боли. Тело расходовало последние силы, а восполнить их было нечем.

Она вдруг вспомнила, как Адель однажды заставил её удерживать особенно тяжёлое переживание почти до полного истощения. Тогда Эрия несколько раз просила остановиться, но он продолжал, пока не убедился, что она действительно приближается к пределу.

Потом снял воздействие.

И всё закончилось.

Сейчас она ждала того же.

По привычке.

Ждала, что кто-нибудь скажет:

Достаточно, Эрия.

На сегодня всё.

Но никто не говорил.

Она приподняла голову.

Перед ней оставался мокрый склон.

Эрия медленно потянулась к следующему корню.

И поползла дальше.

* * *

Когда ей наконец удалось выбраться из оврага, солнце уже клонилось к западу.

Она не знала, сколько времени потратила на подъём. Возможно, час. Возможно, два. В какой-то момент перестала замечать течение времени и сосредоточилась только на небольшом участке земли непосредственно перед собой.

Добраться до следующего дерева.

Потом до камня.

Потом до невысокого куста.

Она поднималась, опираясь на стволы, и почти сразу снова опускалась на землю, потому что раненая нога не выдерживала нагрузки.

Несколько раз Эрия пыталась идти, перенося весь вес на здоровую ногу.

Получалось плохо.

Камни скользили, тело теряло равновесие, и каждый раз приходилось хвататься за ветви, чтобы не упасть.

Она уже не думала о красивых городах.

Не представляла театры, рестораны и ночные поезда.

Ей хотелось только выйти из леса.

Настолько сильно, что эта мысль постепенно вытеснила все остальные.

Эрия чувствовала себя странно оторванной от собственного тела. Боль то становилась невероятно острой, то вдруг отступала, оставляя после себя неприятную холодную пустоту. Иногда окружающие звуки казались слишком громкими; иногда, напротив, словно удалялись, и девушка слышала только шум крови в ушах.

Она знала, что это плохие признаки.

В доме Адель никогда не позволял ей оставаться в подобном состоянии надолго.

Обычно после особенно тяжёлых испытаний он немедленно проверял магический отклик, дыхание и уровень восстановления, а Гинта приносила необходимые составы.

Теперь Эрия не могла даже определить, насколько серьёзно пострадала.

Ей было страшно смотреть на собственную ногу.

Повязка пропиталась кровью и грязью. Стопа распухла. Туфлю пришлось оставить в овраге: надеть её поверх перевязанной стопы не получилось, а нести с собой оказалось неудобно. Вторую она тоже сняла, когда поняла, что ходить в одной только тяжелее.

Теперь Эрия двигалась почти босиком, стараясь опираться на пятку раненой ноги как можно реже. Но даже лёгкое прикосновение к земле заставляло её морщиться, а длинные переходы между деревьями приходилось преодолевать на коленях.

Однажды она упала.

Не поскользнулась и не споткнулась.

Просто в какой-то момент ноги перестали держать.

Эрия почувствовала внезапную слабость, попыталась ухватиться за дерево, но пальцы соскользнули по коре, и она тяжело опустилась на землю.

Некоторое время лежала неподвижно.

Над ней шумели деревья.

В воздухе медленно кружился маленький жёлтый лист.

Он опустился совсем рядом, на мокрую землю, и Эрия вдруг вспомнила другой лист.

Тот, который три дня назад пролетел сквозь защитную границу.

Тогда всё началось.

Она смотрела на него и не могла поверить, что между тем утром и нынешним вечером прошло так мало времени.

Ещё совсем недавно Эрия сидела под дубом, читала книгу и думала о том, что скоро Варен покажет ей мир.

Теперь она лежала посреди леса, не зная, сможет ли вообще подняться.

Ей вдруг пришло в голову, что она может здесь умереть.

Эрия закрыла глаза.

До этого подобная возможность казалась отвлечённой и почти нелепой. Она была сильной, её тело быстро восстанавливалось, а в книгах путешественники неизменно преодолевали куда более тяжёлые испытания.

Но теперь ей стало ясно, что лесу совершенно безразлично, кем она является.

Суккубом.

Поглотителем.

Будущей женой могущественного демона.

Здесь она была просто существом с разбитой ногой, которое не сумело найти дорогу.

И если она останется лежать, ничего не изменится.

Наступит ночь.

Станет холодно.

Потом придёт утро.

А она, возможно, уже не сможет его увидеть.

Эрия заплакала.

Беззвучно, почти неподвижно, не открывая глаз. Слёзы скатывались к вискам, терялись в мокрых волосах, а сил вытереть их не оставалось.

Она хотела домой.

Так сильно, что на несколько мгновений перестала думать обо всём остальном.

Хотела в свою спальню. Хотела услышать шаги Гинты, почувствовать чистую простыню под щекой, увидеть знакомые стены.

Хотела, чтобы Адель снова оказался рядом со своими раздражающими замечаниями и точными движениями.

Хотела, чтобы Варен приехал и сказал, что всё будет хорошо.

Она даже попыталась произнести его имя.

— Варен…

Голос прозвучал едва слышно.

Эрия подождала.

Ничего не произошло.

Она посмотрела на пустое пространство между деревьями.

Потом с трудом перевернулась на бок.

Ей вдруг стало мучительно стыдно за собственную надежду.

Не потому, что просить помощи было постыдно.

А потому, что совсем недавно она решила хотя бы несколько дней прожить без чужого разрешения — и теперь, когда ей стало по-настоящему тяжело, первым желанием оказалось снова отдать кому-нибудь ответственность за свою жизнь.

Она прижала ладонь к глазам.

Ей не хотелось больше быть храброй.

Не хотелось никому ничего доказывать.

Она просто очень, очень хотела жить.

Эрия долго лежала так, пока дыхание немного не выровнялось.

Потом осторожно подтянула здоровую ногу.

Оперлась на локоть.

Села.

Мир вокруг слегка покачнулся, но вскоре остановился.

Она подождала ещё немного.

И попыталась подняться.

* * *

Звук двигателя донёсся до неё уже под вечер.

Вначале Эрия даже не обратила на него внимания.

За последние часы слух несколько раз обманывал её: шум ветра казался человеческим голосом, треск ветвей — шагами, а далёкое журчание воды временами напоминало нечто совершенно иное.

Теперь среди деревьев возник тихий низкий гул.

Он постепенно усилился, задержался на несколько мгновений, затем начал удаляться.

Эрия остановилась.

Её сердце вдруг забилось так быстро, что она почувствовала удары в горле.

Она прислушалась.

Звук почти исчез.

Потом окончательно растворился среди деревьев.

Эрия стояла, держась за тонкий ствол берёзы, и боялась пошевелиться.

Машина.

Она совершенно точно слышала машину.

Не во сне.

Не по телевизору.

Где-то неподалёку проехал настоящий автомобиль.

Она зажмурилась и попыталась вспомнить направление звука.

Справа.

Кажется, справа.

И немного впереди.

Эрия осторожно повернулась.

За деревьями виднелся небольшой подъём. Земля там была покрыта камнями, а кустарник постепенно редел.

Она посмотрела на склон.

Даже если дорога находилась за ним, до неё ещё требовалось добраться.

Эрия глубоко вдохнула.

И двинулась в сторону звука.

Первые несколько метров она преодолела, опираясь на деревья. Потом лес стал реже, и расстояния между стволами увеличились настолько, что пришлось передвигаться почти прыжками на здоровой ноге.

Это оказалось слишком тяжело.

Она упала на колени.

Некоторое время сидела, пытаясь справиться с тошнотой.

Потом поползла.

Камни впивались в ладони. Повреждённая стопа волочилась позади, иногда задевая землю и отзываясь острыми вспышками боли. Ткань платья цеплялась за кусты; несколько раз Эрия была вынуждена останавливаться и освобождать подол, потому что сил разорвать его одним движением уже не оставалось.

Она ползла к месту, откуда, как ей казалось, донёсся двигатель.

Не зная, правильно ли выбрала направление.

Не представляя, насколько далеко находится дорога.

Через некоторое время она заметила, что земля меняется.

Вместо густого слоя листьев под руками всё чаще попадались мелкие камни и сухая пыль. Кустарник постепенно редел, а между деревьями открывались небольшие пространства, где трава росла невысокой и жёсткой.

Эрия остановилась.

Провела ладонью по земле.

Мелкие камни.

Песок.

Старые следы шин?

Она наклонилась ближе.

На земле действительно виднелась неглубокая колея, почти заросшая травой. Возможно, здесь когда-то проезжала лесная техника.

Эрия приподняла голову.

Колея уходила между деревьями и постепенно поднималась вверх.

Она почувствовала такой внезапный прилив надежды, что на мгновение забыла о боли.

Дорога.

Может быть, не та, по которой только что проехала машина, но хотя бы какой-то путь, проложенный людьми.

Эрия попыталась встать.

Сделала один шаг.

Второй.

На третьем повреждённая нога коснулась камня, и девушка едва не упала.

Пришлось снова опуститься на колени.

Она стиснула зубы.

И продолжила двигаться вдоль колеи.

* * *

Второй автомобиль она услышала, когда до вершины подъёма оставалось совсем немного.

На этот раз звук был отчётливее.

Низкое гудение двигателя постепенно усиливалось, и сквозь него пробивался характерный шорох шин.

Эрия подняла голову.

— Эй!

Голос сорвался.

Она прокашлялась и попробовала снова.

— Эй! Подождите!

Машина была слишком далеко.

Она ещё не видела её, только слышала, как двигатель на несколько мгновений становится громче, а потом снова затихает.

Эрия попыталась ускориться.

Колея шла вверх по склону, а у неё почти не осталось сил. Руки дрожали, на ладонях появились новые ссадины. Несколько раз приходилось останавливаться, чтобы переждать приступ головокружения.

Она боялась, что звук исчезнет окончательно.

Что автомобиль проедет мимо и больше никто не появится.

Она добралась до небольшого выступа, ухватилась за корень и подтянулась выше.

Гудение стало громким.

Совсем близким.

Эрия с трудом поднялась на здоровую ногу.

Впереди между деревьями мелькнуло что-то светлое.

Она сделала ещё один шаг.

И наконец увидела асфальт.

Дорога оказалась узкой, почти полностью скрытой лесом. Серое полотно с неровными краями тянулось между деревьями, огибая склон, а за поворотом исчезало среди густых елей. На обочине росла высокая трава, местами асфальт растрескался, и сквозь него пробивались тонкие зелёные стебли.

По дороге медленно ехала машина.

Тёмная.

Небольшая.

Эрия увидела её через просвет между стволами.

Всего на несколько секунд.

Она попыталась крикнуть, но из пересохшего горла вырвался только хрип.

Тогда подняла руку.

Машина уже скрывалась за поворотом.

Эрия смотрела туда, где она исчезла, и не могла поверить, что опоздала.

Всего несколько метров.

Ей не хватило каких-то нескольких метров.

Она попыталась сделать шаг вперёд.

Раненая нога подогнулась.

Эрия упала на колени, затем на бок, больно ударившись плечом о каменистую землю.

Некоторое время она лежала неподвижно.

Потом закрыла лицо руками.

Ей больше не хотелось плакать.

Казалось, за последние сутки она выплакала всё, что только могла.

Она просто лежала и слушала, как постепенно стихает звук удаляющейся машины.

А потом наступила тишина.

* * *

До дороги оставалось не больше двадцати шагов.

Эрия видела её сквозь кустарник.

Видела белую линию разметки, несколько больших камней на обочине, тонкую полосу выцветшего асфальта.

Двадцать шагов.

Прежде она преодолела бы это расстояние за несколько секунд.

Теперь понадобилось почти полчаса.

Она ползла, останавливалась, снова ползла. Иногда пыталась подняться, но повреждённая нога не позволяла идти. В какой-то момент Эрия перестала обращать внимание на собственное платье, которое окончательно разорвалось у колена, и просто тянула себя вперёд руками.

Когда пальцы наконец коснулись края асфальта, она остановилась.

Поверхность была шероховатой и ещё хранила дневное тепло.

Эрия положила на неё ладонь.

Потом вторую.

Осторожно подтянулась ближе.

И расплакалась.

На этот раз от облегчения.

Она добралась.

Три дня назад оставила за спиной дом, не имея ни вещей, ни денег, ни малейшего представления о дороге к людям.

Она пережила две ночи в лесу, дождь, холод, голод. Разбила ноги, изорвала платье, едва не потеряла сознание от боли.

И теперь перед ней лежал настоящий асфальт.

Обычная лесная дорога, по которой изредка проезжали автомобили.

Эрия никогда прежде не была так счастлива видеть что-то настолько некрасивое.

Она осторожно устроилась у края обочины, прислонившись спиной к большому камню. Повреждённую ногу вытянула перед собой, стараясь не касаться раной земли.

Повязка давно промокла и испачкалась.

Стопа распухла.

Когда Эрия попыталась пошевелить пальцами, боль заставила её судорожно вдохнуть.

Но теперь, по крайней мере, она знала, где ждать помощи.

Нужно было просто дождаться следующей машины.

Она посмотрела вдоль дороги.

Та была пуста.

Лес стоял тихий, плотный, постепенно погружавшийся в вечернюю тень. Над асфальтом медленно опускался прохладный воздух, пахнущий нагретой пылью и смолой.

Эрия прислонилась головой к камню.

Ей хотелось пить настолько сильно, что язык казался слишком большим и сухим. От голода время от времени сводило желудок, но теперь к обычной слабости добавлялась иная, знакомая пустота под рёбрами. Она почти физически чувствовала, как собственная сила уходит на безуспешные попытки восстановить повреждённую ногу.

Она не знала, сколько ещё сможет продержаться.

Но кто-нибудь обязательно проедет.

Наверное.

Машины ведь уже были.

Две.

Значит, дорога используется.

Эрия снова посмотрела в сторону поворота.

Никого.

Она попробовала представить, что скажет человеку, который остановится.

Здравствуйте. Простите, пожалуйста, я заблудилась.

Это звучало вполне разумно.

Потом придётся объяснить, почему она одна, без телефона и вещей, с такой страшной раной.

Эрия задумалась.

Возможно, лучше сначала попросить воды.

И помощи.

Она никогда не просила помощи у совершенно незнакомых людей. В доме любую её просьбу принимали знакомые существа, чьи реакции она знала почти наизусть.

Но сейчас незнакомец казался ей самым желанным человеком на свете.

Пусть он будет неприветливым.

Пусть задаст сотню вопросов.

Пусть даже рассердится.

Лишь бы остановился.

Эрия попыталась улыбнуться этой мысли, но губы дрогнули.

Она опустила взгляд на собственные руки.

Грязные.

В царапинах.

С обломанными ногтями.

Ещё несколько дней назад Гинта расчёсывала ей волосы перед приездом Варена, выбирала красивое платье и поправляла серебряную заколку.

Эрия осторожно подняла руку к затылку.

Заколка всё ещё была там.

Она вынула её из спутанных волос и долго рассматривала на ладони. Маленькие серебряные веточки потускнели от грязи, между жемчужинами застряла тонкая сухая травинка, но украшение осталось целым.

Эрия осторожно очистила его пальцами.

Ей вдруг захотелось вернуться в тот вечер.

Хотя бы на несколько минут.

Снова стоять перед зеркалом, пока Гинта поправляет ей волосы. Слышать музыку из гостиной. Думать о новых книгах, которые привезёт Варен.

Но потом она посмотрела на дорогу.

И вспомнила, как три дня назад впервые переступила невидимую границу.

Как бежала между деревьями, смеясь от счастья.

Как остановилась, обнаружив, что дом исчез из виду.

Как поняла, что может идти дальше.

Эрия закрыла пальцы вокруг заколки.

Она всё ещё не жалела о том утре.

Именно это поразило её сильнее всего.

После всего пережитого ей следовало бы проклинать собственную глупость. Возможно, если бы кто-нибудь сейчас предложил немедленно вернуть её домой, она даже не нашла бы сил отказаться.

Но та девочка, которая вышла из сада и впервые побежала через лес, не совершила ошибку.

Во всяком случае, Эрия не могла заставить себя думать о ней так.

Она просто не знала, насколько тяжёлым окажется путь.

Эрия осторожно убрала заколку в оставшийся целым карман платья.

Потом прижалась щекой к прохладному камню и закрыла глаза.

Только бы кто-нибудь приехал.

Ветер тихо шевелил траву вдоль обочины.

Дорога пустовала.

Она попыталась сосчитать, сколько времени прошло с тех пор, как исчезла последняя машина, но мысли путались. Перед глазами иногда темнело, а когда Эрия моргала, деревья словно становились дальше.

Ей очень хотелось спать.

Она знала, что лучше не засыпать.

Если появится машина, нужно будет поднять руку, позвать, привлечь внимание. Здесь был небольшой изгиб дороги, и водитель мог не заметить её среди камней и высокой травы.

Эрия заставила себя выпрямиться.

Посмотрела в обе стороны.

Никого.

Она подтянулась немного ближе к асфальту, чтобы её было лучше видно.

Раненая нога отозвалась болью, и девушка тихо застонала.

Но всё же устроилась так, чтобы видеть поворот.

Вечер медленно заполнял лес.

По верхушкам деревьев ещё скользил последний солнечный свет, а внизу, среди стволов, уже собирались прохладные тени. Где-то далеко крикнула птица. С противоположной стороны дороги в кустах зашуршало небольшое животное.

Эрия сидела неподвижно, прислушиваясь.

Ей казалось, что теперь она узнает звук двигателя где угодно.

Даже во сне.

Она посмотрела на пустую дорогу и вдруг подумала, что больше всего на свете хочет увидеть не город.

Не океан.

Не театр.

Просто человека.

Любого.

Который остановится рядом и спросит, что случилось.
Эрия осторожно положила ладони на колени.
— Пожалуйста, — прошептала она.
Никому определённому.
Просто в наступающий вечер.
Потом подняла голову и продолжила слушать.

Глава 3. Незнакомец

Сначала Эрия услышала шорох шин.

Звук возник где-то далеко, за поворотом, сперва тихий, почти неразличимый, затем всё более отчётливый.

Он становился громче, приобретая знакомую низкую вибрацию.

Эрия подняла голову.

По дороге приближался автомобиль.

Она различила его ещё до того, как он показался из-за поворота: два светлых пятна фар скользнули по стволам елей, на мгновение осветив кустарник у обочины. Затем из-за деревьев вышла большая тёмная машина, совершенно бесшумная на вид, с длинным капотом и узкими серебристыми полосами света.

Эрия попыталась подняться.

Правая нога немедленно отозвалась такой болью, что она едва не вскрикнула. Пришлось остаться сидеть, вцепившись пальцами в край большого камня.

Машина приближалась.

Она подняла руку.

Сначала осторожно, словно опасаясь потревожить воздух, затем выше, насколько позволяли силы.

— Пожалуйста…

Голос оказался почти неслышным.

Эрия попробовала крикнуть, но пересохшее горло сжалось, и вместо слова получился хрип.

Машина проехала бы мимо.

Она поняла это с внезапной, оглушительной ясностью: водитель смотрел на дорогу, вечерние тени скрывали её среди кустов, а сама она сидела слишком низко, почти на уровне травы.

Эрия отчаянно замахала рукой.

— Подождите!

На этот раз получилось громче.

Свет фар скользнул по её лицу.

Машина миновала то место, где она сидела.

И почти сразу замедлилась.

Эрия перестала дышать.

Красные огни вспыхнули за несколькими метрами от неё, затем автомобиль окончательно остановился. Некоторое время ничего не происходило. Двигатель работал настолько тихо, что его звук почти терялся среди вечернего шелеста деревьев.

Потом открылась водительская дверь.

Из машины вышел мужчина.

Первым Эрия заметила его рост. Потом — тёмные брюки, превосходно сидевшую светлую рубашку с закатанными до предплечий рукавами и часы, мелькнувшие на запястье, когда он закрыл дверь.

Он остановился возле автомобиля и посмотрел в её сторону.

— Что с вами случилось?

Голос был низким, спокойным, с лёгкой хрипотцой. Не встревоженным и не особенно приветливым, скорее принадлежащим человеку, которого отвлекли от собственных мыслей.

Эрия открыла рот.

Она так долго представляла, как заговорит с первым встречным, что теперь все приготовленные слова совершенно исчезли.

Мужчина сделал несколько шагов ближе.

В угасающем свете она наконец разглядела его лицо.

Он был красив.

Даже сквозь усталость, боль и подступавшее головокружение Эрия не могла этого не заметить. Тёмные волосы, немного растрёпанные, словно он не раз проводил по ним рукой в течение дня; чёткие скулы, прямой нос, выразительные губы, в уголках которых словно постоянно сохранялся след какой-то невысказанной усмешки. В его лице было что-то беспокойное, несмотря на внешнее спокойствие, — не столько суровость, сколько привычка замечать больше, чем он считал нужным показывать.

На вид ему можно было дать немногим больше тридцати.

Он посмотрел на её лицо, на испачканное платье, потом опустил взгляд к ногам.

И нахмурился.

— Так, — произнёс он.

Эрия вдруг почувствовала облегчение такой силы, что едва не расплакалась.

Он остановился.

Действительно остановился.

Не проехал мимо, не исчез за поворотом, не оказался очередным обманом усталого слуха.

Перед ней стоял настоящий человек.

Она попыталась улыбнуться.

— Простите… У вас есть вода?

Мужчина снова посмотрел ей в лицо.

На несколько мгновений его взгляд задержался на её глазах. Затем он перевёл внимание на губы, потрескавшиеся от жажды, и молча вернулся к автомобилю.

Эрия проводила его встревоженным взглядом.

Неужели уедет?

Она даже попыталась подняться, но в этот момент мужчина открыл заднюю дверь и достал оттуда бутылку воды.

Когда он вернулся, Эрия была готова благодарить его за всё на свете.

— Маленькими глотками, — сказал он, присаживаясь перед ней на корточки. — Не торопитесь.

Она схватила бутылку обеими руками.

Пластик был прохладным, крышка поддалась с неожиданной лёгкостью. Эрия сделала первый глоток и едва не застонала от удовольствия.

Вода была чистой.

Невероятно вкусной.

Не пахла листьями, землёй и камнями. Не требовала размышлений о том, достаточно ли быстро течёт ручей, чтобы в нём можно было пить.

Просто вода.

Она выпила несколько больших глотков, пока мужчина не протянул руку.

— Потише. Вы сейчас половину прольёте.

Эрия послушно остановилась.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он посмотрел на её стопу.

— Что случилось?

Эрия проследила за его взглядом.

Повязка выглядела ужасно. Когда она сидела, вытянув ногу перед собой, можно было видеть, насколько сильно распухла стопа. Грязная ткань потемнела от крови, а вокруг неё кожа приобрела нездоровый красноватый оттенок.

Она вдруг почувствовала неловкость.

Странное, совершенно несвоевременное желание спрятать ногу под платье.

— Я… кажется, неудачно наступила на ветку.

Мужчина приподнял бровь.

— Судя по всему, ветка возражала.

Эрия неожиданно рассмеялась.

Смех вышел слабым и немного сиплым, но всё-таки настоящим.

— Очень.

— Давно это произошло?

— Сегодня.

— Утром?

Она задумалась.

— Нет. Наверное, после полудня.

Он ещё раз осмотрел повязку, не касаясь раны.

— Вы сами её наложили?

— Да.

— И после этого шли?

Эрия почувствовала лёгкое возмущение.

— Не всё время.

Мужчина поднял глаза.

— Рад слышать.

Она невольно улыбнулась.

Ей казалось невероятным, что можно вот так разговаривать с незнакомым человеком, сидя у дороги с пробитой ногой. Что он отвечает ей, смотрит на неё, даже шутит — словно подобные встречи совершенно обыкновенны.

Мужчина задержал взгляд на её лице, затем произнёс уже серьёзнее:

— Вам нужен врач. И желательно без промедления.

Эрия кивнула.

Она прекрасно это понимала.

Но при слове «врач» в голове немедленно возникло множество вопросов.

Куда он её отвезёт? Нужно ли будет называть имя? Спросят ли, откуда она пришла? Возможно, существуют какие-нибудь способы сообщить Варену, что неизвестная девушка с подобной внешностью появилась в ближайшем населённом пункте.

Она не знала.

И боялась спросить.

Мужчина тем временем достал из кармана телефон, взглянул на экран, словно проверяя что-то, и убрал обратно.

— Можете встать?

Эрия попробовала пошевелить ногой.

Боль немедленно прошла от стопы до колена.

— Не думаю.

— Понятно.

Он оглядел пустую дорогу.

— Как вы здесь оказались?

Вопрос прозвучал вполне естественно.

Эрия опустила глаза на бутылку.

Она готовила ответ почти три дня.

«Я заблудилась».

Это было правдой.

Но лишь частью правды.

— Я гуляла, — сказала она.

Мужчина посмотрел на её платье, на окровавленные ступни, потом снова на лицо.

— Далеко гуляли.

— Да.

Он едва заметно склонил голову.

— И где-то по пути прогулка перестала вас радовать?

Эрия задумалась.

— Не совсем.

В его глазах впервые появилось явное любопытство.

— Вот как.

— Просто оказалось сложнее, чем я ожидала.

Он некоторое время смотрел на неё, а затем негромко усмехнулся.

— Такое случается.

Эрия прижала бутылку к груди.

Ей вдруг стало страшно, что разговор закончится. Что он предложит вызвать кого-нибудь, оставит её ждать или решит, будто она не стоит всех этих хлопот.

Она собралась с силами.

— Простите…

— Да?

— Мне действительно нужна помощь.

Ей хотелось произнести это спокойно, но голос предательски дрогнул.

Мужчина перестал улыбаться.

Эрия посмотрела на него снизу вверх.

— Я не могу идти. И мне очень больно. Я… — Она сглотнула. — Я не знаю, где нахожусь.

Он выслушал её, не перебивая.

На мгновение опустил взгляд, словно обдумывая решение.

Потом тихо выдохнул.

— Ладно.

Эрия замерла.

— Ладно?

— У меня есть машина. У вас, насколько я вижу, с транспортом некоторые затруднения. Предлагаю воспользоваться моим преимуществом.

Она улыбнулась так широко, что заболели пересохшие губы.

— Правда?

— Полагаю, другого предложения вы от меня и не ожидали.

— Я надеялась.

— Значит, сегодня вам наконец повезло.

Он поднялся и протянул ей руку.

Эрия ухватилась за неё совершенно инстинктивно.

Даже теперь, совершенно измученная, она двигалась с какой-то своеобразной осторожной грацией. В том, как она подбирала под себя здоровую ногу, как переносила вес и старалась удержать равновесие, было что-то от раненой дикой кошки, которая до последнего рассчитывает справиться сама. Но тело уже не слушалось её. Стоило попытаться подняться, как силы оставили её, и мужчина подхватил девушку прежде, чем она успела упасть.

Эрия судорожно вцепилась в его рубашку.

На мгновение мир качнулся, перед глазами потемнело.

— Простите…

— За что именно?

— Я испачкала вам одежду.

Он посмотрел на собственный рукав, на котором остался грязный отпечаток её пальцев.

— Действительно. Неприятная потеря.

Эрия виновато подняла глаза.

И обнаружила, что он улыбается.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы она поняла: он над ней подшучивает.

— Я могу попробовать сама, — сказала она с остатками достоинства.

— Можете, — согласился мужчина. — Только предлагаю оставить это упражнение на другой день.

Он осторожно переместил руку под её колени.

Эрия успела лишь удивлённо вдохнуть, когда он поднял её на руки.

Больная нога дёрнулась, по стопе прошла резкая вспышка боли. Она вскрикнула и обхватила его за шею.

— Больно?

— Да…

Он тут же остановился.

— Сейчас?

Она осторожно прислушалась к ощущениям.

— Немного меньше.

— Хорошо. Постараюсь не задевать ногу.

Он направился к машине.

Эрия прижалась щекой к его плечу, стараясь не смотреть вниз. От рубашки пахло чистой тканью и чем-то едва уловимым, древесным, с лёгкой горчинкой. Не тем резким запахом лекарственных составов, к которому она привыкла, и не знакомой прохладной свежестью одежды Варена.

Совершенно новым запахом.

Ей было странно приятно его чувствовать.

Мужчина нёс её легко. Не настолько демонстративно, чтобы это выглядело нарочитым, а просто как человек, вполне уверенный в собственных силах. Эрия ощущала ровное движение его шагов, тепло руки под коленями и то, как над ними медленно проплывают ветви.

В какой-то момент он посмотрел на неё.

И на мгновение словно отвлёкся.

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь деревья, коснулся её лица. Густые каштановые волосы беспорядочно рассыпались по его руке, открывая тонкую шею; огромные янтарные глаза смотрели на него с таким непосредственным облегчением, что он на секунду задержал взгляд.

Вблизи она оказалась поразительно красивой.

Не той безупречной красотой, которую создают хорошее освещение, дорогая косметика и умение держаться перед камерой. Её лицо было измученным, кожа покрыта царапинами, губы пересохли. И всё же сочетание нежных черт, необычных глаз и мягкой линии рта заставляло смотреть дольше, чем требовалось.

Она пошевелилась, устраиваясь удобнее, и её волосы скользнули по его запястью.

В воздухе на мгновение появился слабый, странно тёплый аромат.

Что-то похожее на мёд.

И почти сразу растворилось среди запахов влажного леса.

— Что? — тихо спросила Эрия, заметив его взгляд.

— Ничего.

Он отвернулся к машине.

— Думаю, нам обоим будет значительно удобнее, когда вы перестанете изображать лесную нимфу.

— Я ничего не изображала.

— Тогда обстоятельства сложились особенно неудачно.

Эрия фыркнула.

Это потребовало последних сил.

* * *

Салон автомобиля оказался почти неправдоподобно удобным.

Мужчина осторожно усадил её на широкое заднее сиденье, обитое мягкой светлой кожей. Под пальцами материал был гладким и тёплым, с едва заметной зернистостью, а сиденье словно само приняло форму её уставшего тела.

Эрия невольно выдохнула.

После двух ночей на земле оно казалось лучшим местом на свете.

— Удобно? — спросил мужчина.

Она кивнула.

— Очень.

Он посмотрел на её ноги.

— Боюсь, придётся немного испортить впечатление.

Из багажника он достал небольшую аптечку и плотное сложенное покрывало. Затем присел возле открытой двери, положил покрывало под её повреждённую ногу и осторожно приподнял пропитавшуюся кровью повязку.

Эрия напряглась.

— Я не собираюсь сейчас трогать рану, — сказал он, заметив её движение. — Только посмотрю, насколько всё плохо.

— Очень?

— Достаточно, чтобы не давать вам больше ходить.

Она хотела заметить, что и сама давно пришла к подобному выводу, но передумала.

Он не пытался извлечь что-нибудь из раны или тщательно её очистить. Осторожно зафиксировал стопу поверх старой повязки чистыми перевязочными материалами, стараясь не давить на место прокола, и подложил под голень сложенное полотенце.

Все его движения были точными.

Без суеты.

Эрия наблюдала за ним с растущим удивлением.

— Вы врач?

— Нет.

— Но умеете делать перевязки.

— Иногда бывает полезно знать, с какой стороны находится бинт.

Она улыбнулась.

Мужчина посмотрел на неё.

— Однако на этом мои медицинские таланты заканчиваются. Остальное оставим специалисту.

Он закрыл аптечку.

— Вы не теряете сознание?

— Нет.

— Голова кружится?

— Иногда.

— Тошнит?

Эрия немного помолчала.

— Уже не очень.

Это, очевидно, не слишком его обрадовало.

— Превосходно, — произнёс он без особенного воодушевления. — Значит, ехать будем аккуратно.

Он протянул ей ещё одну бутылку воды, достал из небольшого отделения упаковку мягких крекеров и положил рядом.

— Попробуйте немного поесть. Если станет хуже, сразу скажите.

Эрия смотрела на крекеры почти с благоговением.

— Можно?

Мужчина поднял глаза.

— Я ведь вам их дал.

— Просто…

Она не договорила.

Ей было неловко признаться, насколько сильно хочется есть.

Он, кажется, понял.

— Ешьте.

Она открыла упаковку.

Первый кусочек был сухим, солоноватым и совершенно восхитительным. Эрия медленно разжевала его, ощущая, как тело с неожиданной жадностью откликается на простую пищу.

Мужчина дождался, пока она сделает несколько глотков воды, и закрыл дверь.

Через минуту он сел за руль.

Салон наполнился мягким светом приборов.

Эрия огляделась.

В автомобиле было удивительно тихо. Даже когда машина тронулась, движение ощущалось почти исключительно по тому, как за окнами начали проплывать деревья. Под рукой находился широкий подлокотник, возле сиденья — небольшая лампа с тёплым рассеянным светом, а на дверной панели виднелась аккуратная строчка, повторявшая изгиб кожи.

Она осторожно провела пальцами по сиденью.

После сырой земли, колючек и грубой коры это прикосновение доставило почти физическое удовольствие.

— Так куда мы едем? — спросила она.

— Пока в сторону цивилизации.

Эрия улыбнулась.

— Это хорошее направление.

— В вашем положении — безусловно.

Он посмотрел в зеркало заднего вида.

— Вам нужно в больницу.

Она напряглась.

Мужчина заметил это почти сразу.

— Есть возражения?

Эрия медленно опустила крекер на колени.

Ей не хотелось в больницу.

Не потому, что она боялась врачей или лечения. В комнате Аделя она привыкла к медицинским процедурам гораздо сильнее, чем большинство людей.

Но больница означала регистрацию, документы, вопросы.

Возможно, кто-нибудь начнёт её искать.

Возможно, сообщит о девушке, найденной в лесу.

Она не знала, как устроена человеческая система помощи, и от этого всё казалось особенно опасным.

— Можно… не в больницу? — спросила она.

Мужчина посмотрел на неё в зеркало.

— С такой ногой?

— Я понимаю, что мне нужен врач.

— Рад это слышать.

— Но нельзя ли сделать так, чтобы меня никуда не записывали?

Несколько мгновений он молчал.

Эрия видела в зеркале, как его брови слегка сошлись. Он перевёл взгляд на дорогу, затем снова на неё.

— Вы ведь понимаете, что ставите меня в довольно странное положение?

Она опустила глаза.

— Да.

— Я нахожу раненую девушку посреди леса. Она не может идти, отказывается от больницы и, насколько я понимаю, не особенно стремится рассказывать, как там оказалась.

— Я не отказываюсь от врача, — тихо возразила Эрия.

— Это несколько меняет дело, но не настолько сильно, как вам кажется.

Она замолчала.

Мужчина несколько секунд смотрел на дорогу, потом провёл ладонью по подбородку.

— У меня есть знакомый врач, — произнёс он наконец. — Теоретически я мог бы попросить его приехать.

Эрия подняла глаза.

— Правда?

— Но тогда возникает другая проблема. Куда именно ему приезжать?

Она смотрела на него, не решаясь ответить.

Мужчина вздохнул.

— Вы, случайно, не располагаете адресом, по которому вас можно отвезти?

Эрия покачала головой.

— Нет.

Это прозвучало жалко даже для неё самой.

Она поспешно добавила:

— Я не собираюсь доставлять вам неприятности. И как только смогу ходить, сразу уйду.

Мужчина бросил на неё короткий взгляд.

— Вы пока даже сидите с трудом. Давайте не будем строить столь отдалённые планы.

Эрия виновато сжала пальцы.

Он ещё некоторое время молчал. В салоне тихо звучала музыка, за окнами проплывали тёмные деревья.

— Ладно, — сказал мужчина наконец. — Поедем ко мне. Вызову врача туда.

Эрия даже не сразу поверила.

— Вы уверены?

— Не вполне, — ответил он, чуть усмехнувшись. — Но боюсь, остальные варианты нравятся мне ещё меньше.

Она почувствовала, как напряжение постепенно отпускает грудь.

— Спасибо.

— Подождите благодарить. Если врач решит, что вам необходима больница, спорить мы с ним не станем.

— Хорошо.

Он снова посмотрел на дорогу.

— И ещё кое-что.

— Да?

— Я всё-таки рассчитываю со временем услышать более содержательную версию вашей прогулки.

Она смутилась.

— Постараюсь.

— Уже неплохо.

— А как вас зовут? — спросила Эрия.

Он посмотрел в зеркало.

— Ашер.

Она повторила про себя.

Ашер.

Имя было коротким, с мягким началом и шипящим окончанием.

Ей понравилось.

— А я Эрия.

— Приятно познакомиться, Эрия.

Она чуть склонила голову.

— Мне тоже.

И неожиданно добавила:

— Особенно сегодня.

Он негромко рассмеялся.

— Могу себе представить.

Некоторое время они ехали молча.

Эрия ела маленькими кусочками, пила воду и смотрела в окно.

Лес постепенно менялся. Деревья редели, вдоль дороги появились первые ограждения, потом — дорожные знаки, которые девушка узнавала с таким восторгом, словно встречала старых знакомых. Иногда за деревьями мелькали крыши небольших домов. Один раз они проехали мимо заправочной станции, ярко освещённой даже в начинающихся сумерках.

Под навесом стояли две машины. Возле одной мужчина в серой куртке держал заправочный пистолет, а за стеклянной стеной магазина виднелись полки, холодильники с напитками и яркие разноцветные упаковки.

Эрия повернула голову, пытаясь рассмотреть её как можно лучше.

Обыкновенная заправка.

Но она смотрела на неё, пока та не исчезла из виду.

За заправкой началась дорога шире прежней. Встречных машин по-прежнему было немного, но постепенно стали появляться фонари, указатели, редкие здания. Впервые за три дня Эрия увидела людей, которые просто шли по тротуару.

Мужчина с собакой.

Женщина в длинном пальто.

Двое подростков возле остановки.

Они разговаривали друг с другом, смотрели в телефоны, куда-то спешили.

Эрия не могла оторвать глаз.

Ей хотелось услышать, о чём они говорят.

Хотелось узнать, куда идут, что собираются делать вечером, сколько раз в жизни проезжали по этой дороге.

Странно было думать, что для них ничего необычного не происходит.

Они живут здесь.

Выходят из дома, покупают продукты, садятся в автобусы, возвращаются вечером.

И даже не замечают, что всё это невероятно.

— Вы очень внимательно смотрите, — заметил Ашер.

Эрия повернулась к нему.

— На людей?

— На всё.

Она подумала.

— Я давно не была в городе.

— Насколько давно?

Эрия опустила взгляд на крекеры.

— Очень.

Он не стал задавать следующий вопрос.

Вместо этого на несколько мгновений прибавил громкость музыки.

Эрия только теперь заметила, что из динамиков доносится тихая мелодия — фортепиано, несколько тёплых протяжных струнных звуков и едва различимый голос певицы на незнакомом языке.

Музыка была красивой.

Не торжественной и не грустной.

Такой, под которую хотелось сидеть у большого окна с чашкой чая, наблюдая за дождём.

Она закрыла глаза.

Машина мягко покачивалась на дороге. В салоне было тепло, пахло кожей, чистой тканью и чем-то терпким, древесным. Под голову она подложила небольшую подушку, найденную рядом с подлокотником, а больную ногу осторожно устроила на покрывале.

Впервые за несколько дней ей не нужно было двигаться. Не нужно было искать воду или пытаться понять, сколько ещё выдержит её тело.

Кто-то другой знал дорогу.

Кто-то другой управлял машиной.

Кто-то другой уже решил, что ей нужен врач, и собирался позаботиться о том, чтобы тот появился.

Эрия почувствовала, как тело постепенно расслабляется.

Она не заметила, в какой момент начала проваливаться в сон.

* * *

Проснулась она от собственного движения.

Машина остановилась на светофоре, и Эрия, потеряв опору, неловко соскользнула с подушки. Больная нога отозвалась тупой пульсацией.

Она тихо застонала и открыла глаза.

За окном был город.

Настоящий.

Огромный.

Эрия выпрямилась настолько, насколько позволяли силы.

Вдоль дороги поднимались высокие здания, окна которых отражали вечернее небо. Над широкими улицами горели фонари, на перекрёстках светились сигналы светофоров, по тротуарам двигались люди. Где-то впереди над крышами возвышались стеклянные башни, а между ними открывались полосы закатного света.

Всё казалось одновременно знакомым и совершенно чужим.

Она видела подобные города сотни раз на фотографиях.

Но там пространство всегда было ограничено рамкой.

Теперь здания продолжались за краями её взгляда. За одним перекрёстком появлялся другой, за улицей — следующая, а окна домов уходили вверх так далеко, что некоторые верхние этажи терялись в вечерней дымке.

Эрия прижалась ладонью к стеклу.

Оно оказалось прохладным.

— Где мы?

— Сиэтл, — почти прошептал Ашер.

Она повторила название едва слышно, словно хотела убедиться, что правильно расслышала.

Потом снова посмотрела наружу.

Машина тронулась.

Эрия не отрывала глаз от улиц.

Ей хотелось попросить Ашера ехать медленнее. Остановиться возле какого-нибудь красивого здания. Позволить ей выйти, хотя бы на несколько минут, чтобы почувствовать под ногами настоящий городской тротуар.

Но стоило пошевелить больной ногой, как все эти желания немедленно уступили место одному.

Ей нужен был отдых.

Очень.

Она опустилась обратно на сиденье.

Ашер посмотрел в зеркало.

— Осталось недолго.

Эрия кивнула.

— Спасибо.

— Вы уже благодарили.

— Я знаю.

Он слегка улыбнулся.

— Тогда можете пока отдохнуть.

Она послушно закрыла глаза.

Но через несколько секунд снова открыла.

— Ашер?

— Да?

— Вы ведь не передумаете?

Он повернул голову ровно настолько, чтобы взглянуть на неё через плечо, пока машина стояла в потоке.

— Насчёт чего?

— Помочь мне.

Вопрос прозвучал тише, чем она собиралась.

Эрия сама удивилась тому, насколько сильно ей хотелось услышать ответ.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

Затем снова перевёл взгляд на дорогу.

— Вы уже в моей машине, Эрия.

— Я знаю.

— Значит, на данный момент моя решимость выглядит достаточно убедительно.

Она улыбнулась.

Он добавил, чуть мягче:

— Не беспокойтесь. До врача довезу.

Эрия кивнула.

И почему-то именно после этих слов ей удалось заснуть по-настоящему.

* * *

Когда машина остановилась окончательно, за окнами уже горели огни.

Эрия проснулась от тихого щелчка ремня безопасности и обнаружила, что Ашер стоит возле открытой задней двери.

— Приехали, — сообщил он.

Она сонно посмотрела на него.

— Уже?

— Боюсь, да.

— Я опять уснула?

— Это был довольно заметный процесс.

Эрия смутилась.

— Простите.

— Начинаю подозревать, что вы извиняетесь даже во сне.

Она улыбнулась.

Ашер осторожно поднял её на руки.

На этот раз Эрия уже не пыталась изображать самостоятельность. Она только придержала повреждённую ногу, чтобы та не задевала его одежду, и обхватила мужчину за шею.

Он закрыл дверь машины ногой.

Они находились в просторном подземном помещении, освещённом мягким белым светом. Пол был настолько чистым, что Эрия невольно посмотрела на свои испачканные ноги и почувствовала неловкость. Вдоль стены стояли ещё несколько автомобилей, а дальше виднелись стеклянные двери и лифтовой холл.

Ашер направился к лифту.

— Это ваш дом? — спросила она.

— Пока только гараж.

Эрия тихо рассмеялась.

— Я имела в виду здание.

— Да.

Лифт открылся почти бесшумно.

Внутри стены были отделаны тёмным деревом и матовым металлом, а одна из панелей представляла собой большое зеркало. Эрия случайно увидела собственное отражение — и замерла.

Она выглядела ужасно.

Длинные волосы спутались и потускнели от грязи, на лице виднелись многочисленные царапины, а светлое платье превратилось в бесформенную, изорванную и испачканную ткань. На одной ноге была грязная повязка, другая оставалась босой, с кровавыми ссадинами возле пальцев.

Но больше всего её поразило лицо.

Заострившиеся черты.

Тени под глазами.

Сухие губы.

Она вдруг подумала, что никогда прежде не выглядела настолько измученной.

Ашер заметил, куда она смотрит.

— Не самое удачное зеркало для первого знакомства, — произнёс он.

Эрия посмотрела на него.

— Вы, наверное, жалеете, что остановились.

— Пока больше жалею, что не взял куртку.

Она удивлённо моргнула.

— Почему?

— Рубашка окончательно обречена.

Эрия уставилась на грязные отпечатки собственных пальцев возле его воротника.

Потом прыснула.

— Я же извинилась!

— Дважды, насколько помню.

— Больше не буду.

— Прекрасно. Мы достигли соглашения.

Лифт продолжал подниматься.

Эрия чувствовала, как из глубины здания к ним доносится едва ощутимая вибрация, хотя сам подъём был почти незаметен. Она попыталась рассмотреть цифры на небольшой панели, но Ашер стоял так, что часть их закрывалась его плечом.

Наконец двери разошлись.

И Эрия забыла о зеркале.

* * *

Сначала ей показалось, что они вошли не в квартиру, а в какой-то необыкновенно красивый музей.

Перед ними открывалось огромное пространство, наполненное мягким светом. Высокие окна занимали почти всю дальнюю стену, за ними простирался вечерний город — тысячи огней, тонкие светящиеся линии улиц, отражения на стеклянных фасадах и далёкая тёмная полоса неба.

Но в отличие от музеев, которые Эрия видела на фотографиях, здесь всё казалось созданным для того, чтобы к нему прикасаться.

На полу лежал большой ковёр с глубоким, неровным ворсом, в котором свет менялся от серебристого к тёплому песочному. Возле широкого дивана стоял низкий стол из тёмного камня, гладкий, с тонкими светлыми прожилками. Сам диван был обит мягкой тканью цвета слоновой кости и покрыт несколькими большими подушками — одни из бархата, другие из плотного льна, третьи из чего-то настолько нежного, что Эрия захотела немедленно потрогать их руками.

Тёплый свет исходил не из одной большой люстры, а из множества источников. Узкие настенные светильники, низкая лампа с абажуром из полупрозрачного материала, мягкая подсветка вдоль книжных шкафов. Благодаря этому пространство не казалось ни слишком ярким, ни тёмным. Свет словно скользил по поверхностям, задерживаясь на изгибах мебели, на блестящих краях бокалов и на стекле небольших декоративных сосудов.

В воздухе витал приятный запах.

Не просто свежести.

Что-то более сложное: тёплое дерево, едва заметная горечь цитрусовых, аромат воска и ещё какой-то пряной ноты, которая появлялась лишь время от времени.

Эрия медленно повернула голову.

Слева находилась обеденная зона с большим столом из тёмного дерева. На нём стояла неглубокая чаша с фруктами, а рядом — ваза с ветвями, покрытыми мелкими белыми цветами. Чуть дальше располагалась кухня, отделанная светлым камнем и деревом, с длинной столешницей, над которой висели несколько аккуратных светильников.

У дальней стены стоял рояль.

Чёрный, с поднятой крышкой, будто кто-то совсем недавно играл на нём и просто отошёл ненадолго.

На полках между книгами располагались небольшие скульптуры и редкие вещи: старинная бронзовая фигурка, гладкий камень причудливой формы, невысокая чаша из тёмного стекла. Картины на стенах были подобраны без стремления произвести впечатление количеством или размером. Одна изображала море в тяжёлую погоду, другая — женщину, сидящую спиной к зрителю возле окна. Третья состояла почти исключительно из крупных цветовых пятен, но Эрия почему-то задержала на ней взгляд.

В доме было очень красиво.

Но больше всего поражало то, что эта красота не казалась предназначенной для посторонних.

На столике возле дивана лежала раскрытая книга.

Рядом стоял широкий низкий бокал, на дне которого оставалось немного тёмно-красной жидкости.

У кресла возле окна были небрежно брошены плед и несколько журналов. На одной из полок виднелась небольшая стопка пластинок, а возле проигрывателя лежал конверт, оставленный поверх остальных, словно хозяин собирался вскоре к нему вернуться.

Здесь жили.

Не просто владели красивыми вещами.

Ими пользовались.

Эрия почувствовала странное восхищение.

Дом Варена, насколько она могла судить по фотографиям, был значительно более торжественным. Огромные залы, старинные картины, дорогая мебель, идеальный порядок. Даже её собственный лесной дом, при всей уютности, оставался местом, где каждая вещь имела предназначенное ей положение.

Здесь же всё словно приглашало прикоснуться.

Сесть на диван.

Снять обувь.

Обернуться в мягкий плед.

Взять книгу с полки и читать, пока за окнами медленно темнеет город.

Эрия не удержалась.

— Как красиво…

Ашер посмотрел на неё.

В его лице мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

— Благодарю.

Она снова повернула голову, стараясь рассмотреть всё сразу.

— Вы здесь живёте один?

— По большей части.

— А кто играет на рояле?

— Иногда я.

Эрия удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

Он приподнял бровь.

— Вы сегодня особенно недоверчивы.

— Нет, просто…

Она смутилась.

— Я тоже играю.

— Вот как? Тогда завтра можете попробовать.

Она просияла.

— Правда?

— Разумеется. Только, пожалуйста, сначала вымойте руки. Рояль ни в чём перед вами не провинился.

Эрия посмотрела на свои перепачканные пальцы и рассмеялась.

— Обещаю.

— Прекрасно. Одной угрозой моему имуществу меньше.

Ашер осторожно переместил руку под её коленями, и повреждённая нога напомнила о себе резкой болью.

Она вздрогнула.

— Простите.

— Опять?

Эрия прикусила губу.

Он посмотрел на неё, и улыбка исчезла.

— Вам нужно лечь.

Она кивнула.

Ашер прошёл через гостиную к широкому коридору, где мягкий свет отражался от светлых стен. Они миновали ещё одну комнату, похожую на кабинет, с большим столом, несколькими экранами и окнами, выходившими на другую сторону города.

На одном из экранов светились графики и таблицы. Рядом лежали документы, аккуратно сложенные в несколько стопок. На подлокотнике рабочего кресла висел тёмный пиджак.

Эрия машинально задержала взгляд.

Она не успела рассмотреть, что именно было изображено на экранах: Ашер уже свернул в следующий коридор, и кабинет исчез из виду.

* * *

Гостевая спальня оказалась почти такой же красивой, как гостиная.

Правда, здесь не было огромных окон во всю стену. Вместо них располагалось одно широкое окно, закрытое тонкими полупрозрачными шторами. За ним светился вечерний город, но мягкая ткань превращала его огни в размытые золотистые пятна.

У дальней стены стояла большая кровать с низким мягким изголовьем. Постель была застелена светлым бельём, поверх которого лежал плотный плед тёплого серого оттенка. Возле кровати располагались небольшие столики с лампами, а у окна — кресло с высокой спинкой и низкая скамеечка для ног.

Эрия сразу заметила ванную комнату.

Дверь была приоткрыта, и сквозь неё виднелись стены из светлого камня, большое зеркало и широкая раковина. Дальше, за стеклянной перегородкой, угадывались очертания ванны.

Ей внезапно захотелось туда так сильно, что пришлось сжать пальцы.

Горячая вода.

Чистые полотенца.

Возможность смыть с себя три дня леса.

Ашер осторожно уложил её на кровать, подложив под больную ногу несколько подушек.

Матрас мягко принял её тело.

Эрия закрыла глаза.

Постель была настолько удобной, что это почти причиняло боль — после всего, что она пережила, удовольствие от мягкой поверхности оказалось слишком сильным.

Она осторожно провела ладонью по простыне.

Ткань была прохладной, гладкой, с едва заметной шелковистой тяжестью.

— Вам удобно? — спросил Ашер.

Эрия открыла глаза.

Он стоял возле кровати, расстёгивая часы.

— Очень.

— Хорошо.

Он положил часы на столик и достал телефон.

— Я вызову врача. Нужно посмотреть, нет ли повреждений, которые не видно снаружи. Пока ногу не трогайте.

Эрия кивнула.

Потом осторожно спросила:

— А можно мне сначала помыться?

Ашер посмотрел на её ногу.

— Пока нет.

Она опечалилась.

Он заметил выражение её лица.

— Обещаю, что ванная никуда не исчезнет за ближайший час.

— Я просто очень грязная.

— Это я успел заметить.

Она посмотрела на светлую постель, под которой уже начали появляться следы от её одежды.

— Я испачкаю вам всё бельё.

— Бельё можно постирать.

— Но…

— Эрия.

Она подняла глаза.

Ашер смотрел на неё спокойно.

— Сейчас я гораздо больше заинтересован в том, чтобы ваша нога осталась на положенном ей месте, чем в сохранности простыней.

Она невольно улыбнулась.

— Хорошо.

Он отошёл к окну и набрал номер.

Разговаривал недолго, негромко и очень определённо. Назвал адрес, описал характер травмы, уточнил, какие препараты могут понадобиться. Затем выслушал собеседника и попросил приехать как можно скорее.

Эрия наблюдала за ним.

Его голос изменился.

Не стал грубее или громче — просто исчезла та лёгкая насмешливость, которая сопровождала почти каждую его реплику с момента встречи. Теперь он говорил коротко, точно, с привычной уверенностью человека, который не сомневается, что его услышат.

Закончив разговор, Ашер взглянул на экран ещё раз.

— Врач будет скоро.

Он положил телефон в карман.

— Вам понадобится что-нибудь ещё?

Эрия задумалась.

Вопрос был совершенно простым.

И оттого неожиданно сложным.

Ей хотелось попросить еды, воды, чистую одежду, горячую ванну, обезболивающее, книгу, возможность наконец перестать думать о том, что происходит.

Ей хотелось столько всего, что она не знала, с чего начать.

— Наверное, нет, — сказала она.

Ашер посмотрел на неё.

Потом на пустую упаковку крекеров, которую она по-прежнему держала в руках.

— Я так не думаю.

Эрия смутилась.

— Я немного голодна.

— Немного?

Она развела руками.

— Возможно, больше.

Он усмехнулся.

— Это уже звучит правдоподобнее.

Ашер подошёл к двери.

— Сейчас принесу вам что-нибудь поесть. Только, пожалуйста, не пытайтесь самостоятельно осматривать квартиру.

— Я не собиралась.

— Прекрасно.

Он вышел.

Эрия осталась одна.

* * *

Несколько мгновений она просто лежала, глядя в потолок.

Комната была тихой.

Но совершенно не похожей на тишину леса.

Где-то за стеной едва слышно работала вентиляция. Издалека доносился приглушённый городской шум, настолько мягкий, что его легко было принять за движение воды. Светильники возле кровати наполняли стены тёплым золотистым сиянием, а за прозрачными шторами медленно двигались далёкие огни.

Эрия осторожно повернула голову.

На столике стояла маленькая керамическая ваза с несколькими веточками зелени. Рядом лежала книга в тёмной обложке и небольшая коробочка с гладкой металлической крышкой.

В комнате не было ничего похожего на предметы из её лесной спальни.

И всё же она ощущала удивительное, почти мгновенное желание остаться здесь.

Хотя бы ненадолго.

Возможность лечь в чистую постель уже казалась подарком, за который невозможно достаточно отблагодарить.

Она осторожно вытянула здоровую ногу.

Простыня приятно скользнула по коже.

Эрия закрыла глаза.

В доме Варена её окружали красивые вещи. Гинта следила, чтобы одежда была удобной, еда — вкусной, а спальня — тёплой. Но до сих пор Эрия почти никогда не задумывалась о том, как сильно всё это влияет на самочувствие.

Теперь, после холодной земли, мокрых корней и боли, даже простое прикосновение чистой ткани казалось чем-то необыкновенным.

Она снова открыла глаза.

Ашер.

Он оказался первым незнакомцем, с которым она заговорила за пределами дома.

Первым человеком, который не знал её расписания, не проверял результаты испытаний и не говорил о предназначении.

Первым, кто спросил, чего она хочет, и действительно выслушал ответ.

Конечно, он мог оказаться совершенно не таким, каким показался за эти несколько часов.

Эрия понимала это.

В книгах встречалось немало историй о людях, которые внушали доверие, а потом причиняли другим ужасные вещи.

Но ей было трудно представить что-нибудь подобное сейчас, когда она лежала в его постели с аккуратно устроенной больной ногой, а сам он отправился за едой.

Она осторожно прикоснулась к своей ладони.

На коже ещё ощущалось воспоминание о его пальцах.

Тёплых.

Уверенных.

Ей особенно запомнилось, как легко он поднял её с земли.

И как внимательно следил, чтобы не задеть повреждённую стопу.

Эрия вдруг поняла, что хочет, чтобы он вернулся.

Просто вернулся в комнату.

Чтобы снова услышать его голос, увидеть ту едва заметную усмешку, с которой он комментировал почти всё происходящее.

Это желание удивило её.

Обычно она легко переносила одиночество. Могла часами сидеть в библиотеке, гулять по саду, читать, заниматься музыкой. Даже присутствие Гинты или Аделя не всегда было необходимо.

Но теперь, после трёх дней, проведённых в лесу, ей хотелось знать, что за дверью есть кто-то живой.

Кто-то, к кому можно обратиться.

И кто ответит.

Она прислушалась.

Издалека донёсся негромкий звон посуды.

Потом шаги.

Эрия улыбнулась раньше, чем дверь открылась.

Ашер вошёл, держа в руках поднос.

На нём стояли тарелка с небольшими бутербродами, миска с фруктами, стакан воды и чашка, от которой поднимался лёгкий пар.

— Надеюсь, вы не против чая, — произнёс он.

Эрия смотрела на поднос так, словно перед ней поставили величайшее произведение искусства.

— Нет, — прошептала она. — Совсем не против.

Ашер поставил еду на прикроватный столик и придвинул к кровати кресло.

Затем взял один из бутербродов, протянул ей и, когда Эрия с благодарностью приняла его, устроился напротив.

Она откусила маленький кусочек.

Мягкий хлеб.

Нежный сыр.

Что-то солоноватое, с едва заметной пряностью.

Ей пришлось закрыть глаза.

Ашер наблюдал за ней с любопытством.

— Настолько плохо?

Она быстро покачала головой.

— Наоборот.

Он рассмеялся.

Эрия прожевала и открыла глаза.

— Это очень вкусно.

— Рад слышать. Хотя должен признаться, что кухня пока не заслуживает столь восторженной оценки. Я даже ничего не готовил.

— А кто готовил?

— Люди, которые значительно лучше меня разбираются в еде.

Она улыбнулась.

— Тогда передайте им спасибо.

— Непременно.

Некоторое время Эрия ела молча.

Ашер не торопил её.

Он сидел в кресле, расслабленно откинувшись на спинку, и время от времени смотрел на телефон, который беззвучно загорался у него в руке. Один раз коротко ответил на сообщение, потом перевернул экраном вниз и снова посмотрел на Эрию.

Она заметила это.

— Вам нужно работать?

— К сожалению, иногда мир продолжает существовать независимо от моих желаний.

Эрия тихо рассмеялась.

— Наверное, это неудобно.

— Чрезвычайно.

Он взял чашку с кофе, которую принёс себе, и сделал небольшой глоток.

Эрия следила за этим движением.

Почему-то ей понравилось, как он держит чашку.

Небрежно, двумя пальцами за ручку, словно совершенно не задумывается о собственных жестах.

Она вдруг почувствовала желание задать ему сотню вопросов.

О работе.

О доме.

О картинах в гостиной.

О том, почему он живёт один и зачем держит рояль с поднятой крышкой.

И, конечно, о том, куда он ехал по той редкой лесной дороге, когда обнаружил её у обочины.

Но пока Эрия спросила совсем другое.

— Ашер?

— Да?

Она немного помолчала.

— Спасибо, что не проехали мимо.

Он посмотрел на неё поверх чашки.

На этот раз не пошутил.

— Пожалуйста, Эрия.

И вдруг это простое слово оказалось приятнее всех остальных, которые он произнёс за вечер.

Она улыбнулась и снова взялась за бутерброд.

За окнами постепенно темнел город. Светильники наполняли комнату мягким теплом, где-то далеко мерцали огни вечерних улиц, а на столике возле кровати стояла чашка с горячим чаем.

Нога продолжала болеть.

Ей ещё предстояло знакомство с врачом, неприятная обработка раны и множество вопросов, на которые она пока не знала ответов.

Но впервые за три дня Эрия могла думать о завтрашнем утре, не испытывая ужаса.

Она находилась в чужом доме.

Рядом с почти незнакомым мужчиной.

И чувствовала себя в безопасности.

Это было так непривычно и так хорошо, что ей даже не хотелось спрашивать себя, насколько разумно доверять этому ощущению.

Пока ей было достаточно того, что Ашер сидел рядом, пил кофе и иногда смотрел на неё с едва заметной улыбкой.

А когда его телефон снова засветился и он на мгновение отвлёкся, Эрия обнаружила, что уже ждёт, когда он поднимет глаза.

Она откусила ещё кусочек хлеба.

И подумала, что завтра непременно попросит его показать ей квартиру.

Особенно рояль.

И картины.

И огромные окна, за которыми мерцал город.

«Завтра».

Какое чудесное слово.

Ещё утром она совсем не была уверена, что оно у неё будет.

* * *

Эрия как раз доедала последний бутерброд, когда в глубине квартиры раздался негромкий звонок.

Она подняла голову.

Ашер взглянул на часы и поставил чашку на столик.

— Полагаю, это наш доктор.

Эрия почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

За последние полчаса она успела почти забыть о предстоящем осмотре. Нога по-прежнему болела, но после еды, воды и возможности наконец вытянуться на мягкой постели боль стала легче переносить. Ей хотелось закрыть глаза и лежать так до утра, ни о чём больше не беспокоясь.

— Он будет делать мне больно? — спросила она.

Ашер задержался у двери.

Вопрос прозвучал совершенно по-детски, и Эрия немедленно об этом пожалела.

— Надеюсь, что не больше необходимого, — ответил он. — Во всяком случае, попросим его не увлекаться.

Она попыталась улыбнуться.

Ашер посмотрел на её испачканную повязку.

— Эрия, вам действительно нужно показать ногу.

— Я знаю.

— Тогда договорились.

Он вышел.

Дверь осталась приоткрытой, и некоторое время девушка слушала удаляющиеся шаги. Затем откуда-то из глубины квартиры донеслись голоса, негромкий мужской смех, звук закрывающейся двери.

Эрия поправила подушку под коленом.

Ей вдруг стало неловко лежать в чужой постели, когда сюда должен войти ещё один незнакомый человек.

Она оглядела комнату, словно надеялась обнаружить что-нибудь, способное сделать её положение более приличным. Попыталась разгладить грязные складки платья. Убрала волосы с лица, хотя пальцы почти сразу запутались в них.

В конце концов она оставила всё как есть.

Врач появился через несколько минут.

Это был мужчина лет пятидесяти, невысокий, с короткими седыми волосами и удивительно добродушным лицом. В руках он держал вместительную чёрную сумку, а поверх тёмной рубашки носил лёгкий пиджак, который снял почти сразу после входа.

— Добрый вечер, — сказал он. — Я доктор Левин.

— Здравствуйте.

— А вы, полагаю, Эрия?

Она кивнула.

Левин поставил сумку на кресло и подошёл к кровати.

— Что ж, посмотрим, что у нас случилось.

Ашер остановился возле окна, скрестив руки на груди.

— Она несколько дней провела в лесу. Обезвоживание, истощение, многочисленные ссадины. Сегодня получила сквозную рану стопы деревянным обломком.

Доктор повернул к нему голову.

— Насквозь?

— Насколько я понял.

— Давно?

— Несколько часов назад.

Левин посмотрел на Эрию.

— Вы сами извлекли дерево?

Она кивнула.

— Да.

— Целиком?

Эрия задумалась.

— Надеюсь.

Доктор прикрыл глаза на мгновение.

— Очень обнадёживающий ответ.

Ашер негромко усмехнулся.

Эрия посмотрела на обоих с лёгким возмущением.

— У меня не было особенного выбора.

— Не сомневаюсь, — мягко сказал Левин. — И я вовсе не собираюсь вас ругать. Просто теперь нам нужно убедиться, что внутри ничего не осталось.

Он придвинул кресло к кровати и раскрыл сумку.

Эрия наблюдала, как на небольшом столике появляются аккуратно упакованные инструменты, бинты, флаконы и тонкие стерильные салфетки. Всё было удивительно знакомо. Адель пользовался похожими вещами, хотя его шкафы содержали гораздо больше предметов, назначение которых не имело отношения к обычной медицине.

Левин надел перчатки.

— Мне потребуется снять повязку. Если станет слишком больно, скажите сразу.

Эрия кивнула.

Доктор осторожно приподнял край ткани.

Она вздрогнула.

— Простите, — произнёс он. — Прилипла.

Он смочил повязку, подождал, пока ткань размягчится, и принялся снимать её постепенно, не дёргая. Эрия смотрела в потолок, стараясь дышать ровно.

Несколько раз приходилось останавливаться.

В такие моменты Левин терпеливо ждал, пока она справится с болью, и только потом продолжал.

Это было непривычно.

Адель тоже следил за её состоянием, но если он считал воздействие допустимым, то не останавливался из-за того, что ей неприятно.

Левин, напротив, словно исходил из того, что боль сама по себе является достаточной причиной действовать осторожнее.

Эрия не сразу поняла, насколько ей это нравится.

Когда повязку сняли, доктор нахмурился.

Стопа распухла, кожа вокруг повреждения была горячей и красной. Снизу, ближе к передней части подошвы, темнело входное отверстие, сверху — ещё одно, окружённое рваными краями повреждённой ткани.

Эрия сама старалась туда не смотреть.

Она слишком хорошо помнила, как древесина проходила сквозь ногу.

— Довольно серьёзно, — произнёс Левин.

Ашер подошёл ближе.

— Насколько?

— Нужно полноценное обследование. Дерево могло оставить мелкие фрагменты, которых мы снаружи не увидим. Кроме того, есть риск инфекции и повреждения глубоких тканей.

— Можете что-нибудь сделать сейчас?

— Обработаю рану, сниму острую боль, начну необходимые назначения. Но диагностикой пренебрегать нельзя. Сегодня же нужно уточнить глубину повреждений и наличие инородных частиц.

Ашер кивнул.

— Организуйте.

Левин посмотрел на него.

— И никаких попыток ходить.

— Это можете сказать ей.

Доктор повернулся к Эрии.

— Слышали?

Она кивнула.

— Да.

— Хорошо. Выглядите так, словно способны упрямиться.

— Иногда, — призналась она.

— Тогда будем считать, что я предупредил.

Эрия улыбнулась.

Доктор вернулся к сумке.

Следующая часть осмотра оказалась неприятной. Левин проверял чувствительность пальцев, осторожно исследовал область вокруг раны и несколько раз просил её пошевелить стопой. Временами боль подступала так резко, что девушка невольно хваталась за край покрывала.

Ашер некоторое время стоял рядом, затем отошёл к столу и налил ей воды.

— Держите.

Она приняла стакан.

Пальцы дрожали, и немного воды расплескалось на простыню.

— Простите.

— Эрия.

Она подняла на него глаза.

— Если вы ещё раз извинитесь перед моим постельным бельём, я начну брать с него плату за доставленные неудобства.

Левин усмехнулся, не отрываясь от работы.

Эрия рассмеялась, но тут же поморщилась от боли.

— Вот видите, — заметил доктор. — Не смешите пациентку.

— Учту.

Несколько минут они молчали.

Доктор сделал обезболивание, затем тщательно обработал повреждённую область. Он действовал уверенно, время от времени объясняя, что собирается сделать, и это почему-то помогало Эрии значительно сильнее, чем она ожидала.

Она знала, что именно происходит.

Могла приготовиться.

И, если становилось слишком больно, попросить остановиться.

Впервые за долгое время ей не требовалось доказывать, насколько хорошо она умеет терпеть.

Когда основная обработка закончилась, Левин наложил чистую защитную повязку и осторожно устроил ногу на подушке.

— Пока всё, что возможно сделать здесь без дополнительного обследования. Теперь нужно восстановить жидкость, поесть и отдохнуть. Я организую необходимую диагностику, а дальше решим, понадобится ли хирургическая обработка.

Эрия почувствовала слабое разочарование.

— То есть она ещё не зажила?

Доктор посмотрел на неё.

— Боюсь, подобные повреждения не заживают за один вечер.

Она опустила глаза.

«Обычно некоторые заживают».

Но говорить об этом не стала.

Левин ещё некоторое время расспрашивал её о самочувствии, известных заболеваниях, лекарствах и прежних прививках. На часть вопросов Эрия отвечала уверенно, на другие — с некоторым замешательством.

В конце концов доктор закрыл сумку.

— И ещё одно. Никаких горячих ванн сегодня. Повязку мочить нельзя. Если очень хочется помыться, можно осторожно принять душ сидя, с защищённой ногой, но лучше с чьей-нибудь помощью поблизости.

Эрия взглянула на Ашера.

Тот заметил её взгляд.

— Полагаю, ванная комната всё-таки дождалась своего часа.

— Только без героизма, — предупредил Левин.

— Я постараюсь, — серьёзно сказала Эрия.

Доктор улыбнулся.

— Вот и замечательно.

* * *

Когда мужчины вышли в коридор, Эрия впервые за весь вечер почувствовала себя по-настоящему измученной.

Она прислушивалась к их голосам, но не могла разобрать слов. Левин говорил несколько дольше, чем во время осмотра, иногда Ашер задавал короткий вопрос. Потом послышались шаги, звук открывшейся двери, и в квартире снова стало тихо.

Эрия осторожно пошевелила пальцами больной ноги.

Боль притупилась.

Не исчезла полностью, но утратила прежнюю остроту, от которой хотелось кричать при каждом движении.

Это было почти невероятным облегчением.

Она закрыла глаза.

И почти сразу услышала голос Ашера:

— Только не говорите, что снова собрались спать.

Эрия открыла один глаз.

Он стоял в дверях, держа в руках несколько аккуратно сложенных вещей.

— Я не собралась. Просто проверяла.

— Что именно?

— Насколько удобная у вас кровать.

— И каковы результаты?

— Выдающиеся.

Ашер улыбнулся.

Он подошёл к креслу и положил на него одежду.

— Вот. Думаю, для начала подойдёт.

Эрия приподнялась на локтях.

Сверху лежала мягкая рубашка цвета слоновой кости, из тонкой ткани, которая даже на расстоянии выглядела необыкновенно приятной. Под ней — свободные тёмные брюки на мягком поясе и пара чистых носков.

— Это ваше?

— Моё.

Она осторожно коснулась рукава рубашки.

— Но я могу её испачкать.

Ашер посмотрел на неё.

— Судя по всему, мы снова возвращаемся к теме моего имущества.

Эрия улыбнулась.

— Просто она красивая.

— Тогда тем более следует дать ей возможность провести вечер в достойном обществе.

Она рассмеялась.

Ашер придвинул к кровати небольшое кресло.

— В ванной есть сиденье для душа. Я помогу вам добраться, оставлю всё необходимое и подожду снаружи. Если станет плохо, сразу зовите.

— Хорошо.

Он посмотрел на её ногу.

— И предупреждаю: самостоятельно путешествовать по квартире сегодня запрещено.

— Даже до рояля?

— Особенно до рояля.

Эрия притворно вздохнула.

— Какая жестокость.

— Ужасная. Позднее можете написать жалобу.

Он протянул руки.

И Эрия, уже не испытывая прежнего смущения, позволила ему снова поднять себя с кровати.

* * *

Ванная комната оказалась ещё красивее, чем она успела рассмотреть из спальни.

Стены были отделаны светлым камнем с тонкими серыми прожилками, пол приятно нагревался под босой ступнёй, а большое зеркало занимало почти всю стену над широкой раковиной. Возле ванны стоял низкий деревянный столик с аккуратно сложенными полотенцами, небольшими флаконами и стеклянной баночкой с каким-то кремом.

Самое большое удовольствие доставлял запах.

Чистота.

Тёплая, едва уловимая свежесть.

Эрия даже закрыла глаза на мгновение, вдыхая его.

Ашер усадил её на устойчивое сиденье в душевой, помог устроить больную ногу так, чтобы она оставалась сухой, и показал, как управлять водой.

— Здесь регулируется температура. Полотенца справа. Всё остальное, полагаю, интуитивно понятно.

Эрия кивнула.

Он посмотрел на неё ещё раз.

— Справитесь?

— Да.

— Уверены?

Она улыбнулась.

— Ашер, я умею мыться.

— Великолепно. Сегодняшний день продолжает приятно удивлять.

Она рассмеялась.

Он оставил одежду на сухой скамье и вышел, прикрыв за собой дверь.

Эрия некоторое время сидела неподвижно.

Потом осторожно включила воду.

Сначала тонкая струя оказалась слишком горячей, и она поспешно повернула регулятор. Через несколько секунд температура стала идеальной — достаточно тёплой, чтобы расслабить напряжённые мышцы, но не обжигающей.

Она подставила под воду ладони.

Затем плечи.

И наконец почувствовала, как тёплые струи скользят по спине, смывая грязь, пот и неприятный запах сырой одежды.

Эрия закрыла глаза.

Блаженство оказалось настолько сильным, что она невольно застонала.

Три дня.

Всего три дня без горячей воды.

До этого ей казалось, что подобные удобства являются чем-то совершенно обыкновенным. Гинта всегда следила, чтобы в ванной было тепло, полотенца оставались чистыми, а на полках стояли любимые средства.

Эрия пользовалась всем этим почти не задумываясь.

Теперь она понимала, насколько роскошной может оказаться простая возможность смыть грязь с лица.

Она осторожно вымыла руки, провела ладонями по шее, плечам, животу. На коже обнаружились новые синяки, царапины и несколько небольших ссадин, о которых девушка уже успела забыть.

Они выглядели некрасиво, но большей частью не причиняли серьёзной боли.

Затем Эрия занялась волосами.

Это оказалось настоящим испытанием.

Длинные каштановые пряди спутались настолько сильно, что сначала ей пришлось осторожно разбирать их пальцами, разделяя на небольшие участки. В некоторых местах застряли

крошечные кусочки листьев, сухая хвоя и даже тонкая веточка, которую она обнаружила возле затылка.

Эрия рассматривала её с искренним удивлением.

— Как ты туда попала?

Веточка, разумеется, не ответила.

Она отложила её на край раковины и продолжила.

Шампунь пах чем-то мягким, цветочным, с едва заметной сладостью. Эрия нанесла его на волосы, вспенила и несколько минут наслаждалась тем, как густая пена скользит между пальцами.

Когда вода наконец стала прозрачной, она взяла небольшой флакон с кондиционером.

Средство оказалось невероятно приятным — густым, шелковистым, с тонким ароматом белых цветов.

Эрия осторожно распределила его по прядям.

Потом ещё долго смывала.

К тому времени, когда она закончила, тело заметно расслабилось, а усталость снова начала брать верх. Пришлось поспешить: доктор предупреждал, что слишком долго оставаться в тёплой воде ей сейчас не стоит.

Она выключила душ.

Некоторое время сидела, слушая, как последние капли падают на каменный пол.

За дверью было тихо.

Эрия осторожно завернулась в большое полотенце, затем принялась переодеваться.

Рубашка оказалась невероятно мягкой.

Ткань скользнула по плечам, приятно коснулась спины и опустилась значительно ниже бёдер. Рукава были слишком длинными, и пришлось дважды подвернуть манжеты. Брюки тоже оказались велики, но мягкий пояс позволял затянуть их достаточно плотно, а широкие штанины не задевали повязку.

Эрия посмотрела на себя в зеркало.

Из отражения на неё смотрела совсем другая девушка.

Лицо оставалось бледным, на щеке виднелась тонкая царапина, а под глазами лежали тени усталости. Но кожа снова была чистой, волосы, влажные и тяжёлые, густыми волнами спадали почти до талии, а светлая рубашка подчёркивала тёплый оттенок её глаз.

Она осторожно провела пальцами по волосам, отделяя несколько прядей у лица, потом чуть повернула голову и улыбнулась своему отражению.

Впервые за несколько дней ей нравилось то, что она видела.

Она ещё немного посидела перед зеркалом, наслаждаясь чистотой, теплом и приятным прикосновением ткани к коже, затем повернулась к двери.

— Ашер?

— Да? — почти сразу отозвался он из коридора.

Эрия улыбнулась.

Он действительно ждал неподалёку.

— Я оделась. Можете войти.

Дверь открылась.

Ашер вошёл, и на мгновение всё выражение его лица изменилось.

Эрия не сразу поняла, что именно произошло. Просто мужчина, который ещё несколько минут назад держался с неизменной насмешливой непринуждённостью, вдруг остановился на пороге, словно ему потребовалось чуть больше времени, чем обычно, чтобы осмыслить увиденное.

Он смотрел на неё.

Чистые каштановые волосы спадали тяжёлыми влажными волнами, открывая нежный изгиб шеи. Светлая рубашка была слишком велика, её рукава скрывали почти половину ладоней, а свободный ворот оставлял открытыми тонкие ключицы. Усталость не исчезла с её лица, но теперь лишь подчёркивала необыкновенную мягкость черт и глубокий золотистый цвет глаз.

Ашер видел красивых женщин.

Много красивых женщин.

Он прекрасно знал, как свет способен изменить лицо, как дорогая ткань подчёркивает изгиб плеча, как совершенно незначительная деталь превращает обычную привлекательность в нечто, от чего трудно отвести взгляд.

Но сейчас ему пришлось признать, что он несколько недооценил собственное впечатление.

Вблизи она была ослепительно красива.

Эрия чуть склонила голову, рассматривая его с любопытством.

И в этот момент произошло нечто странное.

На языке внезапно появился вкус.

Совсем слабый, почти неощутимый, словно кто-то коснулся его кончика каплей густого тёплого сиропа. Сладость напоминала мёд, но за ней скрывалась другая нота — терпкая, чуть пряная, оставлявшая после себя приятное покалывание.

Эрия замерла.

Она знала, как ощущается чужое желание. Знала его многочисленные оттенки, привыкла к тому, как энергия постепенно наполняет тело во время кормления.

Но это было совсем иначе.

Никто не сидел напротив неё за серебристой перегородкой. Никто не готовился к сеансу. Она даже не собиралась пользоваться собственным даром.

И всё же что-то в ней само потянулось навстречу этому неожиданному ощущению.

Всего на мгновение.

Один крошечный глоток.

Сладость стала отчётливее, разлилась по языку тёплой терпкостью и отозвалась где-то под рёбрами почти ласковым удовольствием.

Эрия судорожно вдохнула.

И немедленно остановилась.

Она не понимала, что именно почувствовала. Никогда прежде чужое желание не достигало её настолько внезапно, без подготовки, без привычного сосредоточения. И уж совершенно точно она не ожидала ощутить его сейчас.

Щёки вспыхнули.

Она быстро опустила глаза, чувствуя себя так, словно её застали за чем-то чрезвычайно неприличным.

Ашер заметил перемену.

— Что-то не так?

— Нет!

Ответ прозвучал слишком поспешно.

Эрия смутилась ещё сильнее.

— То есть… всё хорошо.

Он слегка приподнял бровь.

— Рад слышать.

В этот момент он подошёл ближе, намереваясь помочь ей подняться, и почувствовал аромат.

Очень тонкий.

Сначала свежие белые цветы, чуть влажные, как после утреннего дождя. Затем что-то более тёплое — густая сладость мёда, неожиданно отчётливая среди запахов чистых волос и душевых средств.

Он невольно вдохнул глубже.

Аромат был необыкновенно приятным, но совершенно не похожим на обычные духи.

Эрия подняла голову.

И Ашер снова увидел её глаза.

Золотистые, глубокие, с более тёмным янтарным ободком вокруг радужки. Сейчас в них читалось какое-то странное смущение, причин которого он не знал.

— Вы уверены, что мне можно носить вашу рубашку? — спросила она, стараясь вернуть разговор к чему-нибудь совершенно обычному.

Он задержал на ней взгляд ещё на мгновение.

— Теперь уже поздно возражать.

Она улыбнулась.

— Мне очень нравится ткань.

— Я заметил. Вы гладите этот рукав уже третий раз.

Эрия смутилась, но пальцы не убрала.

— Он очень мягкий.

— Именно поэтому я его и купил.

Она рассмеялась.

И напряжение, на несколько мгновений возникшее между ними, словно растворилось.

Ашер протянул руки.

— Ну что, отправимся смотреть город?

— Из окна?

— Для начала.

Эрия охотно обняла его за шею, позволяя поднять себя с сиденья.

Когда он повернулся к двери, её влажные волосы скользнули по его предплечью, оставив на коже несколько прохладных капель.

Ашер осторожно перехватил её удобнее.

И снова уловил ту едва заметную медовую сладость.

На этот раз она задержалась чуть дольше.

* * *

Эрия заметила, что они повернули не в сторону кровати.

— Куда вы меня несёте?

— В гостиную. Вы ведь хотели посмотреть квартиру.

Она просияла.

— Правда?

— Правда. Но только посмотреть. Никаких самостоятельных экспедиций.

Эрия рассмеялась.

Когда они вошли в гостиную, она снова почувствовала восхищение, почти такое же сильное, как при первом знакомстве с квартирой.

Теперь она могла рассмотреть всё спокойнее.

За огромными окнами расстилался ночной город. Тысячи огней отражались в стёклах, высокие здания уходили вверх тёмными прямоугольниками, а далеко внизу улицы образовывали светящиеся линии, пересекавшиеся под самыми неожиданными углами.

Эрия невольно потянулась к окну.

Ашер заметил движение.

— Ближе?

Она кивнула.

Он подошёл к стеклу.

С высоты город казался бесконечным.

Эрия смотрела вниз, забыв на несколько мгновений даже о боли.

По улицам двигались машины, маленькие, словно игрушечные. На перекрёстках вспыхивали красные и зелёные огни. В окнах соседних зданий можно было различить отдельные комнаты, силуэты людей, иногда — ярко освещённые кухни или гостиные.

Столько жизней.

Столько незнакомых людей.

Она почувствовала, как у неё перехватывает дыхание.

— Невероятно…

Ашер посмотрел на город.

— Неплохой вид.

Эрия повернула к нему голову.

— Неплохой?

— Я стараюсь не делать ему слишком много комплиментов. А то ещё зазнается.

Она рассмеялась.

Потом снова посмотрела в окно.

— Вы каждый день это видите?

— Почти.

— И вам не надоедает?

Он некоторое время молчал.

— Нет, — ответил наконец. — Не надоедает.

Что-то в его голосе заставило Эрию взглянуть на него ещё раз.

Он смотрел на освещённые здания, на далёкие полосы движения, на огромный город, который продолжал жить независимо от того, кто наблюдает за ним с высоты.

И на мгновение его лицо показалось ей совсем другим.

Не холодным.

Не насмешливым.

Просто очень внимательным.

Словно вид за окном действительно был для него чем-то дорогим.

Но уже через несколько секунд Ашер повернулся к дивану.

— А теперь, если вы закончили любоваться моими скромными владениями, предлагаю вернуться к вопросу вашего отдыха.

Он осторожно усадил её на широкие мягкие подушки.

Эрия невольно провела ладонью по бархатной поверхности.

Ткань меняла оттенок под пальцами — тёмная в одну сторону, почти серебристая в другую.

Она погладила её ещё раз.

Ашер наблюдал за этим с лёгкой улыбкой.

— Вы знакомитесь с моей мебелью?

— У вас очень красивые вещи.

— Благодарю.

— И приятные.

Он чуть приподнял бровь.

— Это особенно ценное качество для мебели.

Эрия не обратила внимания на насмешку.

Она осторожно вытянула здоровую ногу, устроила больную на подушке и провела ладонью по мягкому пледу, лежавшему рядом.

Ей нравилось здесь всё.

Не потому, что квартира была дорогой, хотя Эрия прекрасно понимала, насколько роскошно она обставлена.

А потому, что здесь хотелось жить.

Пить чай.

Слушать музыку.

Сидеть у окна, наблюдая за вечерними огнями.

Возможно, даже однажды заснуть прямо на этом огромном диване, завернувшись в плед.

Она посмотрела на Ашера.

Он стоял рядом, убирая телефон в карман.

— Вам нравится? — спросил он.

Эрия кивнула.

— Очень.

— Тогда можете пока располагаться.

Ашер ненадолго вышел, оставив её одну среди мягких подушек и огромных окон, за которыми продолжал мерцать город.

Эрия устроилась удобнее, осторожно вытянула больную ногу и снова провела ладонью по бархатной обивке дивана.

Она как раз разглядывала одну из картин, когда услышала возвращающиеся шаги.

— Кстати, — произнёс Ашер, подходя к ней, — полагаю, это ваше.

Он протянул руку.

На его ладони лежала маленькая серебряная заколка с тонкими веточками и крошечными жемчужинами.

Эрия ахнула.

— Ой!

Она немедленно потянулась за украшением.

— Я совсем забыла!

— Нашёл в кармане вашего платья. Собирался выбросить то, что от него осталось, и решил на всякий случай проверить карманы.

Эрия осторожно взяла заколку.

Она помнила, как убрала её в карман ещё у лесной дороги, боясь потерять последние уцелевшие вещи. Но после встречи с Ашером, поездки и осмотра врача совершенно забыла о ней.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Ашер посмотрел на украшение.

— Дорогая вещь?

Эрия задумалась.

Она никогда не спрашивала Гинту, сколько стоила заколка.

— Не знаю.

Затем подняла глаза.

— Мне её подарили на день рождения.

Он кивнул.

— Тогда хорошо, что я проверил карманы.

Эрия улыбнулась.

Она осторожно разгладила большим пальцем один из серебряных листочков, потом положила заколку на столик возле дивана, рядом с чашкой.

Теперь здесь находилось хотя бы что-то её собственное.

И это почему-то сделало чужую роскошную гостиную ещё уютнее.

Она немного помолчала.

— Ашер?

— Да?

— А мне действительно можно здесь остаться?

Он посмотрел на неё.

Вопрос был произнесён негромко, почти смущённо.

Эрия сидела посреди его гостиной, в его одежде, с повреждённой ногой, и при этом выглядела так, словно ожидала, что в любую минуту кто-нибудь сообщит ей о необходимости уйти.

Ашер медленно выдохнул.

— По крайней мере, до тех пор, пока вы не сможете самостоятельно добраться до двери.

Она улыбнулась.

— Это может занять некоторое время.

— Начинаю подозревать.

Он сделал шаг к креслу, потом остановился.

— Я договорился о дополнительном обследовании. В ближайшее время приедет специалист с оборудованием. По результатам решим, потребуется ли ехать в клинику.

Эрия кивнула.

Она не была в восторге от перспективы новых медицинских процедур, но спорить не собиралась.

Ашер посмотрел на её лицо.

— Устали?

— Очень.

— Тогда после обследования отправитесь спать.

Она задумчиво погладила край пледа.

— А вы?

— У меня ещё есть дела.

Эрия подняла голову.

Почему-то мысль о том, что он уйдёт, оказалась неожиданно неприятной.

Разумеется, Ашер не мог постоянно сидеть рядом с ней. У него был собственный дом, собственная жизнь и, судя по увиденному кабинету, довольно много работы.

Она прекрасно это понимала.

И всё же за последние несколько часов привыкла к его присутствию удивительно быстро.

К голосу.

К коротким насмешливым замечаниям.

К тому, что стоило ей спросить о чём-нибудь, как он отвечал.

Она почувствовала лёгкое смущение от собственной мысли.

— Хорошо, — сказала Эрия.

Ашер задержал на ней взгляд.

— Если что-нибудь понадобится, позовите.

Она кивнула.

Он уже собирался уйти, когда девушка тихо произнесла:

— Ашер?

Он обернулся.

— Да?

Эрия посмотрела на него, потом на свои руки, утонувшие в слишком длинных рукавах его рубашки.

— Вы очень добрый.

На его лице появилось совершенно неподдельное удивление.

Затем он рассмеялся.

Негромко, но на этот раз без обычной сдержанности.

— Вот это, пожалуй, самое неожиданное, что я слышал за последнее время.

Эрия растерянно улыбнулась.

— Почему?

Он покачал головой.

— Неважно.

Потом посмотрел на её лицо, на густые волосы, рассыпавшиеся по светлым подушкам, и чуть мягче добавил:

— Отдыхайте, Эрия.

Она улыбнулась ему.

И осталась сидеть на диване, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру.

Когда Ашер скрылся в коридоре, квартира снова наполнилась тишиной.

Эрия провела ладонью по бархату, посмотрела на огни города, затем медленно откинулась на подушки.

Здесь было тепло.

Удобно.

Безопасно.

Она закрыла глаза.

На этот раз ей не нужно было бояться, что ночью начнётся дождь.

И всё же, когда спустя несколько минут из кабинета донёсся голос Ашера, разговаривавшего с кем-то по телефону, Эрия невольно улыбнулась.

Ей было приятно знать, что он рядом.

Гораздо приятнее, чем она могла бы объяснить.

* * *

Второй врач приехал, когда Эрия уже начала клевать носом на диване.

Она услышала звонок, отдалённые голоса, а затем Ашер вернулся в гостиную в сопровождении мужчины с небольшим переносным аппаратом и чемоданом, в котором находилось медицинское оборудование.

Эрия с некоторым сожалением отложила плед.

После горячего душа и еды её тело словно вспомнило обо всех пережитых лишениях сразу. Усталость, прежде удерживаемая тревогой и необходимостью постоянно двигаться, теперь навалилась с такой силой, что даже сидеть казалось утомительным занятием. Ей хотелось свернуться среди мягких подушек, спрятать лицо в прохладной ткани и проспать по меньшей мере сутки.

Но врач был уже здесь.

Обследование оказалось не слишком болезненным. Специалист внимательно осмотрел стопу, проверил движение пальцев и чувствительность кожи, затем с помощью небольшого аппарата исследовал повреждённые ткани. На экране появлялось изображение, в котором Эрия почти ничего не понимала, хотя старательно пыталась разобрать, что именно показывает ей врач.

Ашер стоял неподалёку, время от времени задавая короткие вопросы.

По предварительным результатам крупных фрагментов древесины в ране не обнаружили, признаков повреждения основных сухожилий тоже не было. Врач, однако, предупредил, что мелкие щепки не всегда удаётся выявить сразу, поэтому за состоянием стопы придётся вни-

мательно следить. Окончательно исключить осложнения можно было только при дальнейшем наблюдении и, если потребуется, дополнительном обследовании в клинике.

Эрия выслушала всё с образцовым вниманием.

Её особенно обрадовало, что никто не настаивал на немедленной госпитализации.

Правда, когда специалист объяснил, что ногу необходимо беречь и несколько дней стараться не наступать на неё, она несколько приуныла.

— А сколько именно дней? — спросила она.

— Посмотрим по заживлению.

— А если она заживёт завтра?

Врач улыбнулся.

— Это было бы замечательно, но я бы на такое не рассчитывал.

Эрия не стала спорить.

Она вообще заметно повеселела после того, как выяснилось, что повторять мучительную обработку прямо сейчас не придётся. Ей дали необходимые рекомендации, заменили повязку, ещё раз напомнили о признаках инфекции и договорились о повторном осмотре.

Когда наконец закрылась входная дверь, часы показывали далеко за полночь.

Ашер вернулся в гостиную и обнаружил, что его гостья уже наполовину уснула, уткнувшись щекой в мягкую подушку.

— Эрия.

Она с трудом открыла глаза.

— М-м?

— Думаю, на сегодня приключений достаточно.

— Согласна, — пробормотала она.

Он наклонился и осторожно поднял её на руки.

Эрия почти не проснулась. Только привычно обвила рукой его шею, устраиваясь удобнее, и тихо вздохнула, когда он понёс её в спальню.

От её ещё немного влажных волос пахло белыми цветами.

Ашер уложил девушку в постель, поправил подушку под повреждённой ногой и накрыл одеялом.

Эрия открыла глаза.

— Ашер?

— Да?

— А вы не спите?

Он взглянул на неё.

— Иногда. Это одна из моих многочисленных слабостей.

Она сонно улыбнулась.

Он поправил край одеяла и направился к двери.

— Ашер?

Он обернулся.

Эрия смотрела на него из-под одеяла. Теперь, когда усталость почти окончательно взяла верх, её взгляд был мягким, немного рассеянным.

— Спасибо вам.

Он улыбнулся.

— Кажется, сегодня я уже слышал это несколько раз.

— Я знаю. Но я хотела поблагодарить вас за всё. За воду, за врачей, за то, что позволили остаться здесь…

Она немного помолчала.

— И особенно за то, что не проехали мимо.

Ашер задержался возле двери.

— Эрия…

— Нет, правда. — Она подняла на него глаза. — Вы ведь могли просто уехать. Я сидела у дороги и уже почти не верила, что кто-нибудь остановится. А вы остановились.

Последние слова прозвучали очень тихо.

Она вспомнила, как увидела красные огни его автомобиля, как испугалась, что машина сейчас исчезнет за поворотом, и как невероятно сильно обрадовалась, когда открылась водительская дверь.

— Не знаю, что бы я без вас делала, — призналась она.

Ашер некоторое время молчал.

Потом чуть улыбнулся.

— К счастью, нам не придётся это выяснять.

Эрия улыбнулась в ответ.

— Спокойной ночи, Ашер.

— Спокойной ночи, Эрия.

Он погасил верхний свет, оставив маленькую лампу у кровати, и тихо закрыл дверь.

* * *

Утром она проснулась от ощущения солнечного света на лице.

Некоторое время Эрия лежала с закрытыми глазами, наслаждаясь теплом, которое пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы. Простыни были прохладными и гладкими, подушка приятно поддерживала голову, а где-то поблизости негромко работала вентиляция.

Пахло чистым бельём.

Она потянулась.

Сначала вытянула руки над головой, затем медленно прогнулась, расправляя затёкшие мышцы спины, и с удовольствием пошевелила ногами под одеялом.

Только после этого вспомнила, где находится.

Эрия открыла глаза.

Незнакомый потолок.

Светлые стены.

Широкое окно, за которым вместо привычных елей возвышались стеклянные и каменные здания.

Она села так резко, что одеяло соскользнуло с плеч.

Город.

Ашер.

Его дом.

Она действительно здесь.

Эрия огляделась, словно опасаясь, что ночное путешествие могло оказаться особенно продолжительным сном. Но на кресле возле кровати лежал вчерашний плед, на прикроватном столике стояла чашка с недопитой водой, а из-под одеяла выглядывала её нога, аккуратно обмотанная чистой повязкой.

Всё было настоящим.

Она улыбнулась.

Потом осторожно пошевелила пальцами повреждённой стопы.

И удивилась.

Вчера даже такое незначительное движение отзывалось резкой болью. Теперь же ощущалось лишь лёгкое натяжение под кожей и глухая, вполне терпимая болезненность.

Эрия приподняла одеяло.

Стопа выглядела значительно лучше. Отёк почти исчез, покраснение заметно уменьшилось, а кожа вокруг краёв повязки приобрела обычный цвет.

Она осторожно надавила пальцем рядом с повреждённым местом.

Больно.

Но совсем не так, как вчера.

Эрия почувствовала настоящее облегчение.

Собственное восстановление никогда не переставало её удивлять, особенно после тяжёлых повреждений. Иногда тело затягивало глубокие порезы за несколько часов, иногда требовалось гораздо больше времени. Адель объяснял разницу множеством факторов, среди которых особенно выделял истощение и запас доступной энергии.

Теперь, после еды, сна и отдыха, её организм наконец получил возможность заняться раной.

И, кажется, воспользовался ею весьма успешно.

Эрия осторожно опустила ноги с кровати.

Здоровая ступня коснулась мягкого ковра.

Потом повреждённая.

Она медленно перенесла часть веса.

Нога отозвалась неприятным тянущим ощущением, но выдержала.

Эрия улыбнулась ещё шире.

Она попробовала сделать шаг.

Получилось.

Второй оказался значительно менее приятным, и пришлось ухватиться за край кровати, чтобы не потерять равновесие.

«Всё-таки не совсем зажила».

Это немного разочаровало её.

С другой стороны, вчера она вообще не могла ходить.

Только собравшись подняться, Эрия заметила возле кровати ещё кое-что.

У стены стояли два лёгких костыля с мягкими опорами для предплечий. Рядом лежала небольшая упаковка с запасными перевязочными материалами.

Эрия с любопытством рассмотрела их.

Вчера вечером ничего подобного здесь не было.

Значит, Ашер позаботился об этом, пока она спала.

Она осторожно взяла один костыль, примерилась к рукоятке и даже попробовала опереться на него. Получилось довольно удобно, но потом она снова посмотрела на свою ногу.

Та ведь уже почти не болела.

Эрия поставила костыль обратно.

«Если ходить совсем понемногу, ничего страшного не случится».

Она прекрасно понимала, что Адель не одобрил бы подобного рассуждения.

Но Аделя здесь не было.

Эрия улыбнулась этой мысли и, слегка прихрамывая, направилась к окну.

За стеклом простирался утренний город.

Он был совершенно другим.

Ночью улицы казались потоками света, а здания — тёмными силуэтами, прорезанными сияющими окнами. Теперь Эрия могла разглядеть отдельные фасады, крыши, деревья, небольшие площади и даже людей, двигавшихся по тротуарам далеко внизу.

В одном из соседних зданий на открытой террасе кто-то поливал растения.

Чуть дальше по улице двигался автобус.

На крыше другого дома стояло несколько больших металлических конструкций, назначения которых Эрия не знала.

Она долго смотрела на всё это, прижав ладони к прохладному стеклу.

В обычное утро в лесном доме ей предстояло бы уже собираться к завтраку.

Затем Гинта напомнила бы о занятиях.

Адель, вероятно, ожидал бы её в восточном крыле.

Здесь же никто не приходил.

Никто не стучал в дверь.

Не называл время.

Не спрашивал, закончила ли она книгу и выпила ли восстановительный состав.

Эрия оглянулась на часы.

Половина десятого.

Она проспала почти до десяти.

И никто её не разбудил.

Девушка некоторое время смотрела на циферблат.

Потом вдруг рассмеялась.

Тихо, почти беззвучно, прикрыв рот ладонью.

В этом было что-то невероятно приятное.

Не нужно было придумывать уважительную причину для позднего пробуждения. Не нужно было оправдываться за то, что не встала в установленное время.

Она могла спать сколько угодно.

Могла вообще не вставать.

Могла провести весь день в кровати, рассматривая город за окном.

И даже если бы кто-нибудь счёл это глупым, никто не имел права назначить ей за это дополнительные занятия.

Эрия вернулась к кровати и с наслаждением упала на мягкие подушки.

Потом подумала, что раненой ноге подобные упражнения вряд ли полезны, и осторожно устроила её поудобнее.

Она лежала некоторое время, улыбаясь потолку.

Но постепенно в голове появился вопрос.

«А где Ашер?»

Она прислушалась.

В квартире было тихо.

Не слышалось ни шагов, ни голосов, ни привычного негромкого звона посуды, который сопровождал почти каждое утро в доме Гинты.

Эрия нахмурилась.

Возможно, он ещё спит.

А может быть, работает в кабинете.

Она осторожно поднялась, накинула на плечи мягкий халат, оставленный на кресле, и направилась к двери.

* * *

Ашера в квартире не было.

Эрия обнаружила это не сразу.

Сначала она осторожно прошла по коридору, прислушиваясь к звукам. Заглянула в гостиную, где солнечный свет теперь заливал почти весь пол, превращая большой ковёр в мягкое золотистое поле. Затем подошла к кухне, надеясь услышать шум кофемашины или увидеть знакомую высокую фигуру возле столешницы.

Но кухня была пуста.

На острове из светлого камня стояла тарелка с фруктами, рядом лежала сложенная записка.

Эрия остановилась.

Несколько мгновений смотрела на неё.

Потом осторожно взяла.

«Уехал по делам. Завтрак в холодильнике. Ногу берегите. А.»

Она перечитала записку дважды.

Ашер уехал.

По своим делам.

Совершенно обычное обстоятельство, которое почему-то вызвало у неё лёгкое разочарование.

Эрия посмотрела на пустую кухню.

Никто не собирался проводить весь день возле её кровати.

Разумеется.

Почему он вообще должен?

Ашер был взрослым мужчиной, жил в огромной квартире, занимался какими-то делами, о которых она пока ничего не знала. Вчера он уже потратил на неё почти весь вечер, вызвал врачей, накормил, предоставил комнату и одежду.

Сегодня ему, вероятно, нужно было вернуться к собственной жизни.

Эрия аккуратно положила записку обратно.

Потом ещё раз посмотрела на неё.

«Ногу берегите».

Она улыбнулась.

И отправилась искать завтрак.

В холодильнике обнаружились йогурты, фрукты, сыр, несколько аккуратных контейнеров с готовой едой и стеклянная бутылка с соком. На одной из полок лежала небольшая коробка с выпечкой, которую Эрия открыла с почти неприличным энтузиазмом.

Внутри оказались круассаны.

Она взяла один.

Потом подумала и взяла второй.

Гинта наверняка сказала бы, что сначала нужно съесть что-нибудь более полезное.

Эрия некоторое время рассматривала хрустящую золотистую корочку.

И с удовольствием откусила большой кусок.

Никто ничего не сказал.

Она рассмеялась с набитым ртом.

Затем налила себе сок, устроилась на высоком стуле возле кухонного острова и принялась завтракать, болтая здоровой ногой.

Всё казалось необыкновенно вкусным.

Особенно потому, что никто не решал за неё, сколько именно ей следует съесть.

* * *

После завтрака Эрия собиралась вернуться в спальню.

Во всяком случае, именно это она сказала себе, когда поставила тарелку в раковину.

Врач велел ей беречь ногу.

Ашер повторил то же самое.

И, если рассуждать разумно, ей действительно следовало лежать, пока повреждённые ткани окончательно не восстановятся.

Она даже направилась к коридору.

Но потом остановилась возле открытого прохода в гостиную.

Оттуда был виден рояль.

Чёрный, с гладкой блестящей поверхностью, мягко отражавшей свет огромных окон.

Эрия посмотрела на него.

Потом на собственную ногу.

Затем снова на рояль.

«Я ведь не собираюсь бегать».

Она осторожно шагнула в гостиную.

Пол был прохладным и приятным под здоровой ступнёй. Ковёр возле дивана, напротив, оказался удивительно мягким. Эрия остановилась, провела по нему босой ногой и на несколько мгновений забыла о своём первоначальном намерении.

Вчера она лишь мельком заметила, насколько здесь красивые вещи.

Теперь могла рассматривать их сколько угодно.

Она подошла к дивану и осторожно потрогала подушку из плотного бархата. Провела пальцами по её поверхности, наблюдая, как меняется оттенок ткани. Затем взяла другую, обитую тонким льном, и с удовольствием почувствовала совсем иную фактуру — чуть шероховатую, прохладную, с мелкими неровностями переплетения.

Рядом лежал плед из невероятно мягкой шерсти.

Эрия подняла край, потёрла ткань между пальцами, затем не удержалась и приложила к щеке.

Как приятно.

Она медленно обвела взглядом комнату.

Здесь хотелось прикасаться ко всему.

К гладким каменным поверхностям, к тёплому дереву, к прохладному металлу небольших скульптур, к тяжёлым страницам книг, лежавших на столике.

Эрия провела пальцами по краю одной из полок.

Ашер, кажется, действительно любил красивые вещи.

Но не собирал их просто ради обладания.

Ими пользовались.

На столике возле кресла стояла небольшая чаша с тёмными виноградинами, рядом лежала раскрытая книга, а на подлокотнике небрежно висел плед, словно хозяин оставил его там вчера вечером, собираясь вскоре вернуться.

Эрия посмотрела на кресло.

Потом осторожно села.

Оно оказалось глубоким, с высокой спинкой, которая мягко поддерживала плечи.

Девушка вытянула здоровую ногу, устроила повреждённую на маленькой скамеечке и довольно вздохнула.

Здесь можно было бы провести целый день.

Но оставался рояль.

Она посидела ещё немного.

Потом с явным сожалением поднялась.

* * *

У инструмента Эрия задержалась надолго.

Рояль был старым, но превосходно сохранившимся, с гладкой чёрной крышкой и клавишами, на которых при ближайшем рассмотрении обнаруживались едва заметные следы использования.

На пюпитре лежали ноты.

Эрия узнала произведение не сразу. Пришлось немного наклониться, чтобы рассмотреть название, а затем она с удивлением обнаружила, что когда-то уже пыталась его разучить.

Тогда ей показалось слишком трудно.

Она осторожно опустилась на банкетку.

Ашер говорил, что может позволить ей поиграть.

Правда, завтра.

Но сегодня уже наступило завтра.

Эрия улыбнулась собственной находчивости.

Она поставила пальцы на клавиши.

Несколько мгновений сидела неподвижно, вспоминая начало.

Потом осторожно нажала первые ноты.

Звук оказался глубоким и удивительно тёплым.

Она замерла.

Затем попробовала ещё раз.

Инструмент отвечал на малейшее изменение прикосновения. Там, где её собственное фортепиано иногда звучало слишком резко, этот рояль давал мягкую, почти бархатную глубину, а высокие ноты словно растворялись в воздухе, оставляя после себя тонкое, долго не исчезающее послезвучие.

Эрия улыбнулась.

Она сыграла несколько тактов.

Остановилась.

Попробовала снова.

Потом, забыв о времени, принялась разбирать мелодию, которую прежде считала слишком сложной.

Играть с повреждённой ногой оказалось не слишком удобно, особенно когда требовалось пользоваться педалью. Поэтому Эрия старалась обходиться без неё, внимательно вслушиваясь в чистый звук отдельных нот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.